

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER THREE

MAY – JUNE

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2024

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 3

МАЙ– ИЮНЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛЮГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи** (Jean-Louis Backès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко** (Branko Vraneš), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй** (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна** (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва** (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль** (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна** (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович** (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович** (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен** (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко** (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонара Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен** (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия** (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2024
© «Вестник Московского университета», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

К 270-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

- Давыдов Т.Г.* Древнегреческие и латинские сочинения Ф.Е. Корша в контексте его научной и творческой биографии 9

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

- Ивинский Д.П.* Пушкин и Фенелон: к постановке вопроса 23
- Криницын А.Б.* Шиллеровский контекст образа Ленского в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» 39
- Кибальник С.А.* «Пушкинское» в позднем Чехове 56
- Довгий О.Л.* Пушкин в новой «Эмблематике» А.Е. Махова 63
- Кукушкина О.В.* Язык Пушкина: лексикографические этюды IV (товарищ, друг или приятель?) 75

СТАТЬИ

- Гращенков П.В.* RuConst: синтаксический корпус русского языка с разметкой по непосредственным составляющим 94
- Каверина В.В., Ван И.* Орфография существительного контр-адмирал в истории русского письма 113
- Груздева А.И.* Семантический инвариант глагольного суффикса -ѣ в балкарском языке 124
- Ганина Н.А.* Oculus memoriae. Найджел Ф. Палмер и его вклад в развитие германистики 136
- Шелов-Коведяев Ф.В.* Новые древнегреческие лексические формы (по материалам «малой» эпиграфики из раскопок городов Боспора Киммерийского последних лет) 148
- Алексеева А.А.* Способы выражения медицинских рекомендаций в трактате Авла Корнелия Цельса «О медицине» 160
- Устьянцев Г.Ю.* Визуальные и номинативные признаки персонажей марийской несказочной прозы 170
- Пахсарьян Н.Т.* Удовольствие от страха: парадоксы поэтики готического во французских «черных романах» 1790-х годов 182

<i>Ранчин А.М.</i> Знал ли автор «Слова о полку Игореве» летописные повести о походе 1185 года? Часть 2	195
<i>Старикова Н.Н.</i> Травма «вычеркнутых» и ее эмпатическая репрезентация в современном словенском романе	209

РЕЦЕНЗИИ

<i>Сорокина В.В.</i> Рецензия на книгу: Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / Отв. ред. Н.Н. Старикова, под общ. ред. И.Е. Адельгейм, А.В. Усачёвой, Е.В. Шатько. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. 550 с.	220
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ремнёва М.Л., Кузьминова Е.А.</i> Московская Библия и развитие библейской традиции у славян: итоги Всероссийской (с международным участием) научной конференции	227
--	-----

CONTENTS

TO THE 270th ANNIVERSARY OF MOSCOW UNIVERSITY

- Davydov T.* Theodor Korsch's Ancient Greek and Latin Works in His
Scholarly and Creative Activity 9

TO THE 225th ANNIVERSARY OF ALEXANDER PUSHKIN

- Ivinskiy D.* Pushkin and Fenelon: To the Statement of the Problem 23
- Krinitsyn A.* Schiller's Motifs in the Image of Lensky in A.S. Pushkin's
Novel *Eugene Onegin* 39
- Kibalnik S.* "Pushkin Features" in the Late Chekhov 56
- Dovgy O.L.* Pushkin in A. Makhov's New *Emblematica* 63
- Kukushkina O.V.* Pushkin's Language: Lexicographic Studies IV (*tova-
rishch, drug or priyatel?*) 75

ARTICLES

- Grashchenkov P.* RuConst: A Treebank for Russian Language 94
- Kaverina V.V., Wang Y.* Spelling of the Noun *контр-адмирал* in the His-
tory of Russian Writing 113
- Gruzdeva A.* Semantic Invariant of the Verbal Suffix -*š* in Balkar 124
- Ganina N.* Oculus memoriae. Nigel F. Palmer and His Contribution to
Science 136
- Shelov-Kovedyaev F.V.* Some New Ancient Greek Lexical Forms (Based on
the Artifacts of the "Small" Epigraphy from the Recent Excavations
in the Cities of the Cimmerian Bosphorus) 148
- Alekseeva A.* The Ways of Expressing Medical Prescriptions in *De Me-
dicina* by Aulus Cornelius Celsus 160
- Ustiantsev G.* Visual and Nominative Signs of Characters in Mari Non-
Fabulous Prose 170
- Pakhsarian N.T.* The Pleasure of Fear: Paradoxes of Gothic Poetics in the
French "Black Novels" of the 1790s 182
- Ranchin A.M.* Did the Author of *The Tale of Igor's Campaign* Know the
Chronicle Narratives about the Campaign of 1185? Part 2 195

<i>Starikova N.N.</i> The Trauma of the “Erased” and Its Empathic Representation in the Contemporary Slovenian Novel	209
--	-----

REVIEWS

<i>Sorokina V.</i> Review of the Book: The Topos of the City in Synchrony and Diachrony: The Literary Paradigm of Central and South-Eastern Europe. Collective Monograph. Ed. by N.N. Starikova, I.E. Adelheim, A.V. Usacheva, E.A. Shatko. Moscow, Institute of Slavic Studies, RAS, 2023. 550 p.	220
--	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Remneva M.L., Kuzminova E.A.</i> The Moscow Bible and Development of the Biblical Tradition among the Slavs: Results of the International Scientific Conference	227
--	-----

К 270-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ СОЧИНЕНИЯ Ф.Е. КОРША В КОНТЕКСТЕ ЕГО НАУЧНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Т.Г. Давыдов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; davydovtg@my.msu.ru*

Аннотация: В настоящей статье собраны и проанализированы источники биографии профессора кафедры классической филологии Императорского Московского университета Федора Евгеньевича Корша (автобиография Ф.Е. Корша, работы А.А. Грушки, Н.К. Дмитриева, А.И. Богданова, Н.А. и Ник. А. Баскаковых, В.П. Смышляевой и др.); описаны основные вехи жизненного пути Корша как ученого, подчеркивается его теснейшая связь с Московским университетом. В работе демонстрируется, что создание текстов на древнегреческом и латинском языках для Корша было неотъемлемой частью его научной и творческой деятельности и позволяло ему подчеркнуть связь с античной традицией. В то же время Корша нельзя причислить к типу педантичного филолога-классика, какой нередко рисовался в культуре того времени (ср. у Чехова): напротив, ему всегда был свойственен научный азарт и анакреонтический юмор. Несмотря на то, что в целом фигуру Корша можно охарактеризовать как полузабытую, многие выдающиеся филологи признавали его заслуги как ученого и поэта (С.И. Соболевский, Й. Эйсевейн и др.), отмечая необыкновенную одаренность Корша и многогранность его таланта. Во второй части статьи анализируется своеобразие как художественных произведений, так и научных статей Корша на древнегреческом и латинском языках. Для этого привлекаются архивные материалы из ОР РГБ, АРАН и ОРКиР НБ МГУ. Особое внимание в работе уделяется студенческому дневнику Корша *Ἐφῆμερίς* (1860–1862) и единственному опубликованному сборнику оригинальных стихов и переводов на древнегреческом и латинском языках *Στέφανος* (1886).

Ключевые слова: Федор Евгеньевич Корш; Московский университет; кафедра классической филологии МГУ; древнегреческий язык; латинский язык; новолатинская литература; новодревнегреческая литература; латинский язык как язык науки

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-1

Для цитирования: Давыдов Т.Г. Древнегреческие и латинские сочинения Ф.Е. Корша в контексте его научной и творческой биографии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 9–22.

THEODOR KORSCH'S ANCIENT GREEK AND LATIN WORKS IN HIS SCHOLARLY AND CREATIVE ACTIVITY

Tycho Davydov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; davydovtg@my.msu.ru

Abstract: The paper deals with the sources of the biography of Theodor Korsch, Professor of the Department of Classics of the Imperial Moscow University, which are collected and analyzed (Theodor Korsch's autobiography, works by Apollo Hruschka, Nikolai Dmitriev, Anatoly Bogdanov, the Baskakovs (Nikolai and Nikolai), Vera Smyshlyaeva, etc.); the main milestones of Korsch's life as an academic are described; his close connection with the Moscow University is emphasized. The paper demonstrates that Ancient Greek and Latin composition was an integral part of Korsch's scholarly and creative activity and allowed him to establish the connection with the Ancient tradition. At the same time, Korsch cannot be classified as the type of a pedantic classicist often portrayed in the popular culture of the time (v. Chekhov): on the contrary, he was always characterized by scientific enthusiasm and Anacreontic humor. Despite the fact that Korsch can be described as half-forgotten, many prominent philologists recognized his merits as an academic and a poet (Sergei Sobolevsky, Jozef IJsewijn, etc.), noting Korsch's extraordinary giftedness and the versatility of his talent. The second part of the paper analyzes the peculiarities of both Korsch's artistic works and scientific papers in Ancient Greek and Latin. In order to accomplish this task, archive materials from the Manuscript Department of the Russian State Library, the Archives of the Russian Academy of Sciences and the Rare Books and Manuscripts Department of the Science Library of Lomonosov Moscow State University are involved. Special attention is paid to Εφ'ημερίς (1860–1862), Korsch's student diary, and the only published collection of his original poems and translations in Ancient Greek and Latin called Στέφανος (1886).

Keywords: Theodor Korsch; Moscow University; Department of Classics, MSU; Ancient Greek; Latin; New Latin literature; New Ancient Greek literature; Latin as academic language

For citation: Davydov T. (2024) Theodor Korsch's Ancient Greek and Latin Works in His Scholarly and Creative Activity. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 9–22.

Фигура Федора Евгеньевича Корша (22.IV/4.V.1843, Москва — 16.II/1.III.1915, там же; др.-гр. Θεόδωρος Κόρσιος, лат. Theodorus Corschius¹) в истории русской филологической науки освещалась

¹ Так в [Sobolewski 1890: 30, 38], где С.И. Соболевский называет Корша «dilectissimus magister meus» («мой самый любимый учитель»). Сам Корш чаще всего использовал традиционное для того времени полуадаптированное к латинской морфологии написание Korsch (gen. Korschii). Встречался и переходный вариант — Korschius. Исследователи, ссылавшиеся на него, нередко использовали оба варианта — как Korsch, так и Korschius. Так в [Havet 1880: 85; Baehrens 1886: 34; Rasi 1894: 189; Latyshev 1916: 186, 447–448] и др.

по-разному. При жизни (особенно с конца 1860-х годов) Корш довольно быстро приобрел авторитет в области классической филологии и других филологических дисциплин — как смежных, так и весьма далеких от греческого и латинского языков. Конец жизни Корша пришелся на время расцвета классической филологии в России [Солопов 2021b: 191]. В этом расцвете Корш принял самое непосредственное участие — не только своими открытиями и необычайно бурной научной и творческой деятельностью, но и тем, что подготовил новые кадры, которые в итоге приобрели, пожалуй, даже большую известность, чем их учитель: А.А. Грушка, М.М. Покровский, С.И. Соболевский, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.Н. Шварц² и другие. Это — наряду с необыкновенной широтой научных интересов Корша — позволяет считать его одним из главных основателей русской филологической школы. Он занимался классической филологией, языкознанием, этимологическими исследованиями, стиховедением и метрикой, пушкинистикой; был специалистом по славянским, индоиранским, тюркским и семитским языкам, музыковедом, поэтом и переводчиком.

Наивысшее признание научного вклада Корша, как это часто бывает, пришлось на короткий период после его смерти. Именно тогда вышли основные труды, посвященные Коршу и его наследию. Среди них стоит отдельно отметить некрологи авторства А.А. Шахматова [Шахматовъ 1915] и А.А. Грушки [Грушка 1916]. К сожалению, бурный расцвет классической филологии сменился упадком, наступившим после 1917 года, когда имя Корша оказалось полузабыто. У поколения, которое после восстановления классического образования в Московском университете (этот процесс длился с 1934 по 1941 годы [Солопов 2021b: 200–202]) пришлось на смену профессорам дореволюционной поры, в силу понятных причин не было принято подробно рассказывать о предыдущей эпохе. Кроме того, сказывалась репутация рубежа веков как эпохи «декаданса». В итоге Корш и его современники (в числе которых и крупнейшие исследователи — И.В. Цветаев, А.Н. Шварц и др.) в некоторой степени «выпали» из научной генеалогии и постепенно потеряли тот авторитет, который у них был при жизни, а преемственность поколений была по сути разорвана. Патриархами новой филологической традиции стали ученики Корша — С.И. Соболевский, М.М. Покровский и др., продолжавшие исследования в тех направлениях, которые задали Корш и другие филологи-классики начала XX века.

² С Ф.Ф. Фортунатовым и А.Н. Шварцем Корш даже заключил «филологический триумвират» [Смышляева 2021: 223].

Правда, стоит отметить, что в забвении фигуры Корша отчасти виноват и он сам. Современники отмечали, что Коршу присущ «дух малописания <...>. Ведь это — совсем гениальный классик и проходит так незаметно» (из письма византиниста Ю.А. Кулаковского 1892 года [Смышляева 2021: 223]). А.Е. Крымский писал: «Резкой отличительной чертой Ф.Е. была та поразительная неохота, с какой он делал плоды своих трудов достоянием печати, а потому о всем неисчерпаемом богатстве его умственного достояния могли судить лишь те, кто приходил с ним в личное соприкосновение. Что же касается источника этой его особенности, то она обуславливалась, конечно, прежде всего самым его интеллектуальным складом, при котором неиссякаемый интерес к решению научных и литературных проблем носил свободный, самодовлеющий характер. Но тут в известной мере сказывалось и другое. Ф.Е. с сомнением относился к умственной чуткости так называемой большой публики. Ему не верилось, чтобы те вопросы, которыми он увлекался, способны были найти в ней отзвук, и потому он склонен был делиться результатами своих исканий лишь с тесным кругом заведомых любителей и ценителей языков и литературы» [Коршъ 1916: V–VI].

Только в 1962 году тюрколог Николай Константинович Дмитриев (1898–1954) впервые за долгое время пишет биографическое сочинение о Корше, учителе своего учителя. Оно вышло в 33-м томе серии «Замечательные ученые Московского университета» (с подзаголовком «Опыт научной характеристики») [Дмитриев 1962]. Труд Дмитриева до сих пор не теряет актуальности, хотя за 60 лет со времени его выхода нам стало известно больше как о наследии Корша, так и о его биографии³. Как и другие исследователи, получавшие сведения о Корше не из первых рук, Дмитриев предоставляет исследование наследия Корша «отдельным узким специалистам»: «О Корше, этом гиганте нашей филологии, долго еще будут писать отдельные узкие специалисты и будут находить в нем всё новые и новые, дорогие для каждого из нас черты» (цит. по [Богданов 1982: 3]). Легче согласиться с прямым учеником Корша — востоковедом Владимиром Александровичем Гордлевским (1876–1956), который пишет: «Ф.Е. Корш был непостижимо многогранен в научных изы-

³ Стоит отметить, что в 1964 году большая часть книжного собрания Корша, а также некоторые его рукописи были приобретены Московским университетом у дочери Корша и ныне хранятся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Фонды, содержащие рукописи Корша (в числе которых много неопубликованных), также имеются в Отделе рукописей РГБ, Архиве РАН, РГАЛИ, отделе письменных источников ГИМ (описание см. в [Уланова 2017]), а также в ЦГА г. Москвы.

сканиях и в век узкой специализации не мог быть оценен по достоинству» [Гордлевский 1968: 387].

Самой значительной работой стал вышедший в 1982 году труд Анатолия Ивановича Богданова «Федор Евгеньевич Корш» [Богданов 1982]. А.И. Богданов — как было нами установлено, внук или правнук Ф.Е. Корша, исследователь рода Коршей, предпринявший глубокие изыскания для установления сложных родственных связей своей семьи. К сожалению, опубликована книга Богданова была крайне небольшим для тех лет тиражом (500 экз.) в Ашхабаде, что негативно сказалось на ее доступности. До появления этой книги наиболее подробным источником биографических сведений о Корше служила его автобиография [Коршъ 1913], которая сначала была опубликована отдельным оттиском, а через два года появилась в «Материалах для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук» [Коршъ 1915] с дополнениями автора. Богданов же привлек к работе новые архивные материалы, неизвестные самому Коршу, в том числе документы по родословной, а также фонды города Иоганнгеоргенштадта в Саксонии (ГДР).

Наконец, в 1989 году вышло исследование тюрколога Николая Александровича Баскакова (1905–1996) и Николая Александровича Баскакова (младшего современника Н.А. Баскакова и его полного тезки) «Академик Ф.Е. Корш в письмах современников», в котором на материале обширной корреспонденции Корша анализируется его деятельность в области русской филологии, стихосложения, славянской культуры, классической филологии, восточных языков, музыкальной ритмики и метрики [Баскаков, Баскаков 1989].

Опираясь на перечисленные источники и собственные исследования, восстановим основные вехи биографии Корша.

Федор Евгеньевич Корш (22.IV/4.V.1843, Москва — 16.II/1.III.1915, там же) родился в семье издателя, библиотекаря, литератора и переводчика Евгения Федоровича Корша (1809–1897) и Софьи Карловны Рейссиг. В детстве Корш с семьей часто перемещался между Санкт-Петербургом и Москвой⁴. В 1854 году после домашнего обучения Корш поступил в пансион Циммермана, где изучал русский, французский, немецкий, латинский, древнегреческий, английский и итальянский языки. В 1860 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил со степенью кандидата в 1864 году. Был оставлен при кафедре римской словесности. В университете Корш, помимо классических языков, изучил санскрит, арабский и персидский языки. Тогда же начал заниматься

⁴ В АРАН хранятся заметки Ф.Е. Корша о литературных связях его отца (АРАН, ф. 558, оп. 2, ед. хр. 2), которые были использованы при написании автобиографии [Коршъ 1915: 347–348].

новогреческим языком и «Словом о полку Игореве». В 1868 году Корш защитил магистерскую диссертацию *De uersu Saturnio* («О сатурновом стихе»), открыв явление, впоследствии названное французским филологом-классиком Луи Аве в его честь «caesura Korschiana» [Havet 1880: 210]. После защиты Корш был избран приват-доцентом и командирован на два года за границу, где учился в Берлине (в том числе у Моммзена), затем уехал в Вену, где продолжил изучать итальянский, чешский, сербохорватский и словенский языки. Далее он отправился в Рим, Неаполь, Помпеи и Флоренцию. С 1870 до 1900 года⁵, когда Корш был избран академиком, он преподавал в Московском университете на кафедре римской словесности, а с 1884 года — на кафедре классической филологии (т. е. со времени ее учреждения). В 1877 году Корш защитил докторскую диссертацию «Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса» и стал экстраординарным профессором (в 1883 году — ординарным профессором, в 1903-м — почетным членом Московского университета). В 1890–1892 годах переводился в Новороссийский университет, после чего снова вернулся в Московский университет и на кафедру персидской филологии Лазаревского института восточных языков. В 1893 году стал член-корреспондентом Императорской академии наук, в 1900 году — академиком.

Несмотря на активное участие в различных научных обществах, преподавании в разных учебных заведениях, именно Московский университет для Корша был родным домом — причем чуть ли не в буквальном смысле: он родился в доме Университетской типографии на Страстном бульваре, где его отец был главным редактором газеты Московского университета «Московские ведомости». «Корш — весь москвич» [Розановъ 1915]. Корш писал: «С Московским университетом я соединен нерасторжимыми духовными узами <...>. Во время моего школьного ученья мысль об университете была моей путеводной звездой, которая неослабно поддерживала во мне бодрость духа <...>. В стены университета я вступил как во храм, и первые лекции, которые мне пришлось услышать, казались мне не речью таких же людей, как я, только более умных и ученых, а вдохновенным глаголом неких высших существ, вещающих никому неведомые и всецело добытые ими истины <...>. Привязанность к Московскому университету как к учреждению, к воплощенной идее, к хранилищу возвышенных и благородных преданий, не вымирающих в нем даже в самые тяжкие годы его существования и всегда готовых ожить и вновь проявиться в полном блеске — эти чувства целы и свежи в моей душе до сих пор и покинут ее только

⁵ По другим источникам — до 1905 года.

вместе с сознанием. А сознание непрестанно твердит мне, что по своему духовному складу, стремлениям и идеалам, понятиям — я дитя Московского университета» [Ильченко 1993–2024].

К концу жизни Корш освоил около сорока языков, многими из которых владел на разговорном уровне. Современники шутя именовали его то «русским Меццофанти», то — по слову В.О. Ключевского — «секретарем при Вавилонском столпотворении» [Дмитриев 1962: 7]. Корш проявил себя одним из наиболее плодовитых авторов XIX–XX веков, писавших на древнегреческом и латинском языках стихи, прозу (в том числе научную) и письма. Создание этих текстов Корш начал еще в детстве, а последние сочинения на латинском и древнегреческом языках относятся к самым поздним годам его жизни.

Одним из интереснейших произведений, написанных Коршем на латинском языке (с многочисленными вкраплениями на древнегреческом и других языках), является его юношеский дневник *Ἑφημερίς*, где записи делались в возрасте 16–17 лет (1860–1862) — начиная с момента поступления в Московский университет. Дневник был впервые обнаружен А.А. Грушкой и описан им в некрологе Корша [Грушка 1916: 2–6]; там же опубликованы выдержки из дневника. В настоящее время *Ἑφημερίς* хранится в фонде ОР РГБ (ф. 465, карт. 5, ед. хр. 10). Эпиграф собственного сочинения, предвещающий дневник, во многом показывает характер последующего поэтического творчества Корша: шуточный анакреонтический настрой, великолепное владение языком и стилем античных образцов (Грушка отмечает сходство двустушия Корша с *Lucr. I 919*):

*Iam fortasse senex canus librum hunc uidebo
Atque legens risu concutiar tremulo.*

Эпиграф, написанный элегическим дистихом, можно перевести так:

Уж, может быть, стариком седым эту книгу увижу
И, читая ее, взорвусь трепещущим смехом.

К еще более раннему периоду (1858–1860 годы) относится сборник оригинальных стихотворений и переводов на латинский язык *Scripta mea poetica* (там же, карт. 5, ед. хр. 3). Последующее поэтическое наследие Корша на латинском и древнегреческом языках можно распределить по годам следующим образом:

1860 — *Scripta poetica* (карт. 5, ед. хр. 6)

1861–1865 — *Scripta poetica* (карт. 5, ед. хр. 16)

1862, 1864 — *Carmina uaria. I, II* (карт. 5, ед. хр. 20)

1867–1890 — *Ποιήματα* (карт. 5, ед. хр. 29)

Все эти произведения ждут своей публикации. Из стихотворений, не входящих ни в какие более крупные сборники, отметим «С сан-

скритского» — перевод на русский и древнегреческий языки (карт. 9, ед. хр. 10) и «Баратынский. Последняя смерть» (перевод на древнегреческий стихотворения «Есть бытие; но именем каким...»; карт. 8, ед. хр. 36) — оба без датировки. Вышеупомянутое собрание Ποιητικῆ и не озаглавленные самим Коршем «Стихотворения и переводы на латинском, греческом, немецком и восточных языках» (карт. 9, ед. хр. 13, датируется 1880–1900-ми годами, условное название дано составителями описи фонда № 465 ОР РГБ [Бердник 1987: 88]) относятся к позднему периоду творчества Корша.

В 1886 году в Копенгагене (Корш был членом Копенгагенского филологического общества) был издан сборник оригинальных стихотворений и переводов Корша на древнегреческий и латинский языки Στέφανος [Korsch 1886]. На титульном листе Корш сообщает, что он «carmina partim sua Graeca et Latina, partim aliena in alterutram linguam ab se conuersa, elegit, recensuit, in ordinem redegit» — то есть отобрал как оригинальные, так и переводные стихотворения, провел критический разбор и расположил их в нужном порядке. Представляет особую ценность список стихотворений, составленный Коршем при подготовке сборника (ОР РГБ, ф. 465, карт. 6, ед. хр. 3). Сопоставление этого списка с перечисленными выше неопубликованными собраниями стихотворений дает понять, что Корш крайне избирателен, особенно в отношении оригинальных стихотворений [Давыдов 2020b: 66]. Στέφανος продолжает многовековую традицию писания стихов на латинском и греческом языках, начатую гуманистами и продолженную филологами-классиками последующих веков. Сборник Корша не является исключением из общего правила: латинских стихов в нем на порядок больше, чем греческих. Нельзя не отметить, что произведения Корша разнообразнее, чем большинство произведений, находящихся в этой же традиции. Так, помимо весьма часто встречающихся переводов на латинский и древнегреческий языки стихотворений поэтов-соотечественников (у русских филологов-классиков, в том числе и у Корша, это обычно Пушкин [Давыдов 2020b] и другие поэты его поры), Корш переводит на латинский и древнегреческий восточную поэзию: арабские пословицы, отрывки из Амарушатаки, Бхартрихари, Калидасы, Хафиза Ширази и др. Это отражает как научные интересы самого Корша, так и общую увлеченность тогдашней филологической науки восточными языками, прежде всего, конечно, санскритом. Кроме того, Корш перевел стихотворения европейских поэтов (преимущественно немецкоязычных): Гёте, словенского поэта Франце Преширна и др. Большую же часть корпуса составляют переводы древнегреческих поэтов на латинский язык. Среди таких переводов находятся стихотворения Сапфо, Феогида, Анакреонта, Архилоха и др. Таким образом, пере-

воды в сборнике Στέφανος осуществлены с русского, древнегреческого, санскрита, арабского, немецкого, персидского, армянского и словенского. Наконец, последняя группа стихотворений сборника — собственные стихи Корша, преимущественно эпиграммы.

О сборнике прекрасно знали и положительно отзывались многие филологи-классики. С.И. Соболевский даже включил Корша в подборку авторов, из которых он черпал примеры для своего знаменитого «Учебника латинского языка» [Соболевский 1953: 194]. Бельгийские исследователи Йозеф Эйсевейн и Жаклин Эйсевейн-Якобс по достоинству оценили фигуру Корша и его значение для новолатинской литературы: «Saeculo XIX in Russia complures poëtae latini, quorum principes habentur Theodorus Korsch et Gregorius Senger, floruerunt. Eo tamen minus noti sunt, quia poemata pleraque per commentarios uariasque ephemerides dispersa latent. Vnus tantum Theodorus Korsch carminum suorum delectum anno 1886 Hauniae edendum curauit, titulo indito СТЕΦΑΝΟΣ» («В XIX веке в России было много латинских поэтов, из которых главными считаются Федор Корш и Григорий Зенгер⁶. Однако они довольно малоизвестны, так как большинство стихотворений труднодоступны, будучи рассеянными по различным журналам и газетам. Федор Корш — единственный⁷, кто издал в 1886 году в Копенгагене сборник своих стихотворений Στέφανος») [Isewijn-Jacobs 1960: 143]. Й. Эйсевейн в *Companion to Neo-Latin Studies* цитирует LXIV стихотворение (эпиграмму) Корша из сборника Στέφανος, обращая внимание на игру слов (*pun*) ‘bellus’/‘bellum’ (‘хорошенький’, ‘красивый’/‘война’) [Isewijn 1990: 256]:

Sectatur bellas eques Anser ubique puellas,
Et sibi cognomen bellipotentis auet.

Наконец, на латинском и на древнегреческом языках Корш писал и научные труды — статьи в различных периодических изданиях. На древнегреческом языке (что само по себе представляет редкость и особую ценность) написана статья Περί τῶν ἀναφορικῶν ἀντωνυμιῶν ἐν τῇ ἑλληνικῇ γλώσσῃ («О выражении относительной связи в новогреческом языке», 1888 — подробнее см. в [Давыдов 2020a]), на латинском — многочисленные работы, в том числе и неопубликован-

⁶ Григорий Эдуардович Зенгер (Gregorius Saenger, 1853–1919) — петербургский филолог-классик, новолатинский поэт. Многие его «Метрическія переложения на латинскій языкъ» (СПб., 1904) адресованы Коршу и являются своеобразным литературным соревнованием (aemulatio) между поэтами (см. [Солопов 2021a: 19; Шумилин, Резниченко 2023]).

⁷ Отметим, что Корш — на самом деле не единственный русский новолатинский и новодревнегреческий поэт, который издал свои греко-латинские стихотворения в виде отдельной книги; дело в том, что сборники других авторов (как, например, вышеупомянутого Зенгера) не получили известности, сравнимой со сборником Στέφανος.

ные. Из опубликованных перечислим некоторые: *De ὅστις pronomine ad definitam rem relato* (1896), *De εἰ particula cum futuro indicatiui coniuncta* (1900), *Praeteritum in lingua graeca cur cum optatiuo iungi soleat* (1901), *De Anni Flori aliorumque poetarum aetatis imperatoriae uersibus quadratis* (1912), *Primae et secundae personarum pluralis numeri praesentis temporis formae in linguis romanensibus unde et quomodo ortae sint* (1914) — как можно заметить, Корш не ограничивается какой-либо узкой тематикой в своих статьях на древнегреческом и латинском языках и затрагивает даже такие темы, которые в это время уже весьма редко получали научное описание на этих языках.

Однако истинной вершиной творческого потенциала и владения обоими языками является поэтическое творчество Корша. «Особенной, я бы сказал — неподражаемой виртуозностью отличаются стихотворения Ф.Е. <...> на древнегреческом и латинском языках <...>. Эти стихотворения являются истинным венцом глубокого постижения античности, которое доступно в такой мере лишь исключительно одаренным филологам. При этом надо иметь в виду, что как латинская, так и греческая стихотворная речь давалась Ф.Е. с поразительной легкостью. Все эти античные по форме и языку стихотворения Ф.Е., в которых даже самый пристальный анализ не в состоянии раскрыть хотя бы единую черту, чуждую античной технике, отнюдь не были кропотливой мозаикой, набранной по кусочкам из греко-римских стихотворных текстов, но являлись продуктом органического творчества, основанного на изумительной способности Ф.Е. к перевоплощениям. К такому выводу, помимо непосредственного впечатления при восприятии этих удивительных стихов, приводит и более тщательное рассмотрение сохранившихся от некоторых “античных” стихотворений Ф.Е. черновых набросков, которые заключают в себе иногда немало поправок, но все эти поправки имеют характер не филологических манипуляций ученого, в поте лица своего борющегося с чуждым ему языком, а свободных художественных вариантов, обычных у всех оригинальных поэтов, стремящихся возможно лучше воплотить в слове свои творческие замыслы» [Грушка 1916: 26–27].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскаков Н.А., Баскаков Ник. А. Академик Ф.Е. Корш в письмах современников. М., 1989.
2. Бердник В.С. Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина. Отдел рукописей. Фонд № 465. Опись архива Коршей (материалы 1810-х — 1980-х гг.). М., 1987.
3. Богданов А.И. Федор Евгеньевич Корш. Ашхабад, 1982.
4. Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. 4. М., 1968.
5. Грушка А.А. Фёдоръ Евгеньевичъ Коршъ. М., 1916.

6. *Давыдов Т.Г.* Древнегреческий язык как метаязык науки // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020». М., 2020a. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/data/19505/uid108105_668a2d15b28f1c338881b0078e16564a80829f6c.doc (дата обращения: 30.01.2024).
7. *Давыдов Т.Г.* Переводы Ф.Е. Корша на древнегреческий язык: три стихотворения А.С. Пушкина // Труды молодых ученых. Сб. статей. М., 2020b. Вып. 2. С. 64–73.
8. *Дмитриев Н.К.* Федор Евгеньевич Корш. Замечательные ученые Московского университета. Т. 33. М., 1962.
9. *Зенгер Г.Э. [Saenger G.]* Метрическія переложенія на латинскій языкъ. Interpretationem poeticam Latinam archetypis XXVII apposuit Gregorius Saenger. СПб., 1904.
10. *Ильченко Е.В.* Корш Федор Евгеньевич // Летопись Московского университета. М., 1993–2024. URL: <http://letopis.msu.ru/peoples/708> (дата обращения: 30.01.2024).
11. *Коршъ Ѳ.Е.* Біографія Ѳедора Евгеньевича Корша. М., 1913.
12. *[Коршъ Ѳ.Е.] *КОРШЪ, Ѳедоръ Евгеньевичъ* // Матеріалы для біографическаго словаря дѣйствительныхъ членовъ Императорской Академіи Наукъ. Петроградъ, 1915. Часть первая. А–Л. С. 346–361.
13. *[Коршъ Ѳ.Е.]* Персидскіе лирики X–XV вв. Съ персидскаго перевелъ акад. Ѳ. Коршъ. Послѣ его смерти проредактировалъ и вступительную статью снабдилъ проф. А. Крымскій. М., 1916.
14. *Розановъ В.В.* Памяти Ѳедора Евгеньевича Корша (1843–1915 гг.) // Новое Время. 1915, 26 февр. № 13995.
15. *Смышляева В.П.* Российские филологи-классики XIX века: «германовское» направление. СПб., 2021.
16. *Соболевский С.И.* Учебник латинского языка. М., 1953.
17. *Солопов А.И.* А.С. Пушкин в латинских переводах XIX–XXI вв.: разновидности и жанры этих переводов // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции (14–15 октября 2021 г., г. Орел). Орел, 2021a. С. 17–22.
18. *Солопов А.И.* Кафедра классической филологии // Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: Очерки истории. 1941–2021. Под общ. ред. проф. М.Л. Ремнёвой. М., 2021b. С. 176–227.
19. *Уланова А.В.* Творческое наследие Федора Корша (по рукописям из фондов ОР РГБ, РГАЛИ, ОПИ ГИМ) // Материалы Международной научно-практической конференции «Румянцевские чтения — 2017» (500-летие издания первой славянской Библии Франциска Скорины: становление и развитие культуры книгопечатания). М., 2017. С. 205–209.
20. *Шахматов А.А.* Ѳедоръ Евгеньевичъ Коршъ. Некрологъ // Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. VI серия. 1915. Т. 9 (5). С. 373–400.
21. *Шумилин М.В., Резниченко Е.А.* Латинская переписка Ф.Е. Корша и Г.Э. Зенгера // Philologia Classica. 2023. № 18 (1). С. 113–124.
22. *Baehrens A.* Fragmenta poetarum Romanorum. Lipsiae, 1886.
23. *Havet L.* De saturnio Latinorum versu. Parisiis, 1880.
24. *IJsewijn J.* Companion to Neo-Latin Studies. Part I. History and Diffusion of Neo-Latin Literature. Leuven, 1990.
25. *IJsewijn-Jacobs J.* Carmina latina ex Unione Sovietica // Palaestra Latina. 1960. № 171. P. 143–146.

26. Korsch T. Στέφανος. Carmina partim sua Graeca et Latina, partim aliena in alterutram linguam ab se conversa, elegit, recensuit, in ordinem redegit. Hauniae, 1886. [Воспроизведено: Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2012. Т. VI. С. 13–67]
27. Latyshev B. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum. Petropoli, 1916.
28. Rasi P. De elegiae Latinae compositione et forma. Patavii, 1894.
29. Sobolewski S. De praepositionum usu Aristophaneo. Mosquae, 1890.

REFERENCES

1. Baskakov N.A., Baskakov Nik.A. *Akademik F.E. Korsch v pis'makh sovremennikov* [Acad. Theodor Korsch through the Letters of His Contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 277 p. (In Russ.)
2. Berdnik V.S. *Gosudarstvennaya biblioteka SSSR imeni V.I. Lenina. Otdel rukopisei. Fond № 465. Opis' arkhiva Korschei (materialy 1810-kh — 1980-kh gg.)* [Lenin State Library of USSR. Manuscript Department. Collection # 465. The Korsch Archive (1810s–1980s Materials)]. Moscow, Lenin State Library of USSR, 1987. IV + 365 p. (In Russ.)
3. Bogdanov A.I. *Fedor Evgen'evich Korsch*. [Theodor Korsch]. Ashkhabad, Ylym Publ., 1982. 128 p. (In Russ.)
4. Gordlevskii V.A. *Izbrannnye sochineniya. T. 4* [Selected Writings. Vol. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 612 p. (In Russ.)
5. Hruschka A.A. *Fedor Evgen'evich Korsch*. [Theodor Korsch]. Moscow, Pechatnya A.N. Snegirevoi Publ., 1916. 79 p. (In Russ.)
6. Davydov T.G. *Drevnegrecheskii yazyk kak metayazyk nauki* [Ancient Greek as Academic Metalanguage]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "LOMONOSOV-2020"* [Proceedings of the International Science Forum "LOMONOSOV-2020"]. Moscow, 2020a. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/data/19505/uid108105_668a2d15b28f1c338881b0078e16564a80829f6c.doc (accessed: 30.01.2024). (In Russ.)
7. Davydov T.G. *Perevody F.E. Korsch na drevnegrecheskii yazyk: tri stikhotvoreniya A.S. Pushkina* [Three Pushkin's Poems Translated into Ancient Greek by Theodor Korsch]. *Trudy molodykh uchenykh. Sb. statei* [Junior Scholars' Proceedings], 2020b, vol. 2, pp. 64–73. (In Russ.)
8. Dmitriev N.K. *Fedor Evgen'evich Korsch. Zamechatel'nye uchenye Moskovskogo universiteta. T. 33*. [Theodor Korsch. Famous Scholars of Moscow University. Vol. 33]. Moscow, Moscow University Press, 1962. 56 p. (In Russ.)
9. Saenger G.E. *Metricheskiya perelozheniya na latinskii yazyk. Interpretationem poeticam Latinam archetypis XXVII apposuit Gregorius Saenger* [Metric Translations into Latin. Latin Translation of 27 Poems by Gregory Saenger]. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1904. 82 p. (In Latin and Russ.)
10. Il'chenko E.V. *Korsch Fedor Evgen'evich* [Theodor Korsch]. *Letopis' Moskovskogo universiteta* [Annals of MSU]. Moscow, Moscow University Press, 1993–2024. URL: <http://letopis.msu.ru/people/708> (accessed: 30.01.2024). (In Russ.)
11. Korsch T. *Biografiya Fedora Evgen'evicha Korsch* [Theodor Korsch's Curriculum Vitae]. Moscow, M.O. Attaya & Co Press, 1913. 12 p. (In Russ.)
12. [Korsch T.] **KORSCH, Fedor Evgen'evich* [*KORSCH, Theodor]. *Materialy dlya biograficheskago slovary* *deistvitel'nykh chlenov Imperatorskoi Akademii Nauk*. [Materials for Biographical Dictionary of Fellows of the Imperial Academy of Sci-

- ences]. Petrograd, Imperial Academy of Sciences Press, 1915, part I (A–II), pp. 346–361. (In Russ.)
13. [Korsch T.] *Persidskie liriki X–XV vv. S persidskago perevel akad. F. Korsch. Posle ego smerti proredaktiroval i vstupitel'noyu stat'eyu snabdil prof. A. Krymskii* [Persian Lyric Poets of 10–15th Centuries. Translation from Persian by Acad. T. Korsch. Edited and Prefaced after His Death by Prof. A. Krymsky]. Moscow, M. & S. Sabashnikov Press, 1916. 126 p. (In Russ.)
 14. Rozanov V.V. Pamyati Fedora Evgen'evicha Korsch (1843–1915 gg.) [Obituary of Theodor Korsch (1843–1915)]. *Novoe Vremya* [New Time]. 1915, Feb. 26, № 13995. (In Russ.)
 15. Smyshlyaeva V.P. *Rossiiskie filologi-klassiki XIX veka: "germanovskoe napravlenie"* [Russian Classicists of the 19th Century: Hermannian School]. Saint Petersburg, Naukoemkie tekhnologii Publ., 2021. 563 p. (In Russ.)
 16. Sobolevskii S.I. *Uchebnik latinskogo yazyka* [Textbook of Latin]. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1953. 558 p. (In Russ.)
 17. Solopov A.I. A.S. Pushkin v latinskikh perevodakh XIX–XXI vv.: raznovidnosti i zhanry ehtikh perevodov [Latin Translations of 19–21st Centuries of Alexander Pushkin's Poems: Types and Genres]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: izuchenie i obuchenie. Sbornik nauchnykh trudov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (14–15 oktyabrya 2021 g., g. Orel)* [Language. Culture. Communication: Study and Learning. Proceedings of the 5th International Scientific-Practical Conference (Oct. 14–15, 2021, Oryol)]. Oryol, Turgenev Oryol State University Press, 2021a, pp. 17–22. (In Russ.)
 18. Solopov A.I. Kafedra klassicheskoi filologii [Department of Classics]. *Filologicheskii fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova: Ocherki istorii. 1941–2021. Pod obshch. red. prof. M.L. Remnevoi* [History of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University: 1941–2021. Under the general editorship of professor M.L. Remneva]. Moscow, Moscow University Press, 2021b, pp. 176–227. (In Russ.)
 19. Ulanova A.V. *Tvorcheskoe nasledie Fedora Korsch (po rukopisyam iz fondov OR RGB, RGALI, OPI GIM)* [Theodor Korsch's Poetic Legacy (in the Manuscripts from the Collections of the Manuscript Department of RSL, Russian State Archive of Literature and Art, Written Records Department of SHM)] // *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rumyantsevskie chteniya — 2017» (500-letie izdaniya pervoi slavyanskoi Biblii Frantsiska Skoriny: stanovlenie i razvitie kul'tury knigopechataniya)* [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference "Rumyantsev Memorial Conference — 2017". 500 Years since First Publishing of Slavonic Bible by Franciscus Scorina: Establishing and Development of Book Printing Culture]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2017, pp. 205–209. (In Russ.)
 20. Shakhmatov A.A. *Fedor Evgenievich Korsch. Nekrolog* [Theodor Korsch. Obituary]. *Izvestiya Imperatorskoi Akademii Nauk. VI seriya* [Imperial Academy of Sciences Bulletin], 1915, vol. 9 (5), pp. 373–400. (In Russ.)
 21. Shumilin M.V., Reznichenko E.A. *Latinskaya perepiska F.E. Korsch i G.Eh. Saengera* [The Latin Correspondence between F.E. Korsch and G.E. Saenger]. *Philologia Classica*, 2023, vol. 18 (1), pp. 113–124. (In Russ.)
 22. Baehrens A. *Fragmenta poetarum Romanorum* [Fragments of Roman Poets]. Lipsiae, in aedibus B.G. Teubneri, 1886. 427 p. (In Latin)
 23. Havet L. *De saturnio Latinorum versu* [On Saturnian Verse of the Romans]. Parisiis, apud F. Vieweg, bibliopolam, 1880. 520 p. (In Latin)

24. IJsewijn J. *Companion to Neo-Latin Studies. Part I. History and Diffusion of Neo-Latin Literature*. Leuven, Leuven University Press, 1990. 371 p.
25. IJsewijn-Jacobs J. *Carmina latina ex Unione Sovietica* [Latin Poems from Soviet Union]. *Palaestra Latina*, 1960, № 171, pp. 143–146. (In Latin)
26. Korsch T. Στέφανος. *Carmina partim sua Graeca et Latina, partim aliena in alterutram linguam ab se conversa, elegit, recensuit, in ordinem redegit* [Stephanos. Greek and Latin Poems — Partly Original, Partly Written by Others and Translated into Both Languages, Selected, Reviewed, Put in Order by the Author]. Hauniae, typis Schultzeianis, 1886. 52 p. [Reprinted in: *Aristei. Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii* [Aristeas. Journal of Classical Philology and Ancient History], 2012, vol. VI, pp. 13–67] (In Anc. Greek and Latin)
27. Latyshev B. *Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum* [Inscriptions of Tyras, Olbia, Tauric Chersonese and Other Places from the Danube to the Bosporan Kingdom]. Petropoli, [Imperial Academy of Sciences Press], 1916. 594 p. (In Latin)
28. Rasi P. *De elegiae Latinae compositione et forma* [On Composition and Form of Latin Elegy]. Patavii, typis Seminarii, 1894. 195 p. (In Latin)
29. Sobolewski S. *De praepositionum usu Aristophaneo* [On the Use of Prepositions by Aristophanes]. Mosquae, typis Universitatis Caesareae, 1890. 234 p. (In Latin)

Поступила в редакцию 12.02.2024

Принята к публикации 16.04.2024

Отредактирована 19.04.2024

Received 12.02.2024

Accepted 16.04.2024

Revised 19.04.2024

ОБ АВТОРЕ

Давыдов Тихон Георгиевич — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; davydovtg@my.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tycho Davydov — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; davydovtg@my.msu.ru

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

ПУШКИН И ФЕНЕЛОН: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Д.П. Ивинский

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; dmitrij_ivinskij@mail.ru*

Аннотация: В статье характеризуется отношение Пушкина к Фенелону, в том числе его отзывы о французском авторе, факты, свидетельствующие о его интересе к доступным ему изданиям сочинений Фенелона, стихотворный экспромт Пушкина «Скучной ролью Телемака...» (1824), позволяющий обсудить не только некоторые биографические факты, отражающие пребывание Пушкина на юге России, но и его мировоззрение, соотнесенное с «духом эпохи» и отразившееся в целом ряде произведений. Проблема идентификации скрытых цитат из произведений Фенелона в сочинениях русского поэта рассматривается как имеющая второстепенное значение, а наиболее существенной признается сложно организованная сфера отраженных воздействий на литературно-идеологическое пространство пушкинской эпохи, в котором поэты и мыслители прошлого присутствовали неотменимо как те, кто задал религиозно-философскую и идеологическую «повестку дня». Важным элементом этого пространства было духовное наследие квиетизма, интерес к которому сохранялся на всем протяжении XVIII в., особенно в масонской среде, и усилился в 1810-е гг. В параллель к квиетистскому учению о возможности нисхождения благодати в душу, отрешившуюся от мира и от самой себя, собственной неизбывной без благоволения свыше греховности, Пушкин создавал контуры своей концепции поэтического творчества, в основу которой была положена тема «божественного глагола», который «касается» того, кто «влачится» в духовном опустошении «пустыни мрачной» («Пророк», 1826), сочетающаяся с темой *молчания* («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824) и рядом других мотивов, связанных в т. ч. с поэзией В.А. Жуковского, опиравшегося, в частности, именно на Фенелона и квиетистскую мистику.

Ключевые слова: Фенелон; Пушкин; Тредиаковский; Инзов; квиетизм; история русской литературы.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-2

Для цитирования: Ивинский Д.П. Пушкин и Фенелон: к постановке вопроса // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 23–38.

PUSHKIN AND FENELON: TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM

Dmitriy P. Ivinskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dmitrij_ivinskiy@mail.ru

Abstract: The article characterizes Pushkin's attitude to Fenelon, including his reviews of the French author, facts testifying to his interest in the editions of Fenelon's works available to him, Pushkin's poetic impromptu "The Boring role of Telemachus..." (1824), which allows us to discuss not only some biographical facts reflecting Pushkin's stay in the south of Russia, but also his worldview, correlated with the "spirit of the era" and reflected in a number of works. The problem of identifying hidden quotations from Fenelon's works in the works of the Russian poet is considered to be of secondary importance, and the most significant is the complexly organized sphere of reflected influences on the literary and ideological space of the Pushkin era, in which poets and thinkers of the past were irrevocably present as those who set the religious, philosophical and ideological "agenda". An important element of this space was the spiritual heritage of Quietism, interest in which persisted throughout the 18th century, especially in the Masonic environment, and intensified in the 1810s. In parallel to the Quietist doctrine of the possible descent of grace into a soul that has renounced the world and itself, its own inescapable sinfulness without favor from above, Pushkin created the contours of his concept of poetic creativity, which was based on the theme of the "divine word", which "touched" someone who "dragged" in spiritual devastation "the gloomy Desert" ("The Prophet", 1826), combined with the theme of silence ("Conversation of a Bookseller with a Poet", 1824) and a number of other motifs, including those related to the poetry of V.A. Zhukovsky, who relied, in particular, on Fenelon and the Quietism.

Keywords: Fenelon; Pushkin; Trediakovsky; Inzov; Quietism; the history of Russian literature

For citation: Ivinskiy D. (2024) Pushkin and Fenelon: To the Statement of the Problem. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 23–38.

Об интересе Пушкина к Фенелону и, в частности, к его знаменитому роману «Приключения Телемака, сына Улисса», который читался в России не только на языке оригинала (первое издание: [Fénelon 1699]), но и неоднократно переводился¹, известно мало, но нет сомнений ни в том, что этот интерес имел место, ни в том, что он был достаточно выражен для того, чтобы сохраниться на всем протяжении пушкинской жизни, ни в том, наконец, что в его основе

¹ Назовем основные: [Фенелон 1747 (второе изд.: 1767; третье изд.: 1782); Фенелон 1786; Фенелон 1788–1789; Фенелон 1797–1800; Фенелон 1805; Фенелон 1822; Фенелон 1835–1836]. Переводы романа на русский язык распространялись в рукописях, начиная с 1724 г. (см. в т. ч.: ОР РГБ. Ф. 310. № 944; № 1489; Ф. 178.1. № 3596; № 5689; Ф. 122. № 2); см. также копии на языке оригинала (в т. ч.: ОР РГБ. Ф. 256. № 797).

было ясное понимание неслучайности особого внимания к Фенелону со стороны как европейских, так и русских авторов, начиная по крайней мере с А.Д. Кантемира и В.К. Тредиаковского.

Оставляем в стороне сложную, как недавно выяснилось, проблему атрибуции и датировки надписи «Александр Пушкин», сделанной, возможно, Н.Н. Пушкиной на издании басен Фенелона 1809 г. [Краснобородько 2020; ср.: Модзалевский 1938], тем не менее отметив в скобках, что сам факт раннего или позднего пребывания этой книги у Пушкина или в его семье имеет некоторое симптоматическое значение.

Но никто не выражал сомнений в том, что, в соответствии с педагогическими практиками эпохи, Пушкин должен был познакомиться, как минимум, с «Приключениями Телемака» «еще, может быть, до Лицея и, несомненно, в Лицее» [Рак 2004]. Вместе с тем нет оснований утверждать, что позднее Пушкин утратил интерес к этому произведению и к его автору. В 1833 г., если принять беллетризованную версию Ю.О. Домбровского — И.А. Кастанье (1875–1958), обнародованную первым в двух вариантах, Пушкин оставил в Уральске «Приключения Телемака» 1703 г. издания [Fénelon 1703], а впоследствии книга оказалась у Кастанье². Если так, то придется признать, что Пушкин какое-то время путешествовал по местам пугачевского бунта с романом Фенелона, находившимся если не в руках поэта, то в его дорожном сундуке. Столь же или более выразительным (и во всяком случае твердо установленным) представляется тот факт, что в 1835 г. Пушкин купил три тома собрания сочинений Фенелона [Fénelon 1835]; они остались неразрезанными [Модзалевский 1910: 232], но сама эта покупка свидетельствует о том, что Пушкин намеревался перечитать или прочесть впервые какие-то произведения Фенелона.

Точных или идентифицируемых с большой долей вероятности цитат из произведений Фенелона в произведениях Пушкина до сих пор не обнаружено, хотя сам вопрос о них поставлен. Так, в начатом во время пребывания в Михайловском (1824–1826) и завершенном в 1835 г. вольном переложении т. н. первого фрагмента идиллий Шенье, известного Пушкину по внимательно им изученному первому изданию французского поэта [Chénier 1819: 69], «Из А. Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью...»), современный исследователь не без оснований усматривает «ассоциативное» влияние

² [Домбровский 1975: 206]; ср.: [Домбровский, 6: 180–181]. Первый из этих текстов включен В.Д. Раком в предельно краткую библиографию к уже цитировавшейся статье [Рак 2004], из чего следует, что свидетельство Домбровского исследователь воспринял как заслуживающее доверия.

пятнадцатой книги «хорошо известного поэту романа Фенелона “Приключения Телемака”» [Кардаш 2019: 220].

В принципе, возможно указать и на иные, но столь же «ассоциативные» параллели. Например, знаменитая сцена в «Полтаве», когда перед сражением появляется Петр I («Тогда-то свыше вдохновленный / Раздался звучный глас Петра: / “За дело, с богом!” Из шатра, / Толпой любимцев окруженный, Выходит Петр. Его глаза / Сияют. Лик его ужасен. / Движенья быстры. Он прекрасен, / Он весь, как божия гроза»), напоминает о сцене появления Телемака перед войсками в семнадцатой книге романа Фенелона («<...> il court hors du camp <...>: il appelle à lui d’une voix forte les chefs de l’armée <...>. Un feu divin étincelle dans les yeux du jeune guerrier. <...> il est prompt et rapide dans l’exécution <...>» [Fénelon, 20: 351–352]; ср.: «<...> он спешит <...>, он громко зовет предводителей войск <...>. Божественный огонь блистает в очах <...>. <...> он скор и решителен <...>» [Фенелон 1835–1836, 2: 104–105]).

Обязательность этой и некоторых других возможных параллелей, включая максимально далекие (странствия Телемака и пушкинского Гринева, сопровождаемые бурями на море / снежным бураном в степи и снами), представляется неочевидной: они вряд ли должны с ходу отбрасываться, но в настоящее время не могут рассматриваться как твердо установленные и, тем более, осмысленные функционально.

Однако существует иное измерение проблемы, не связанное с поиском заимствований и параллелей: сфера не прямых и не «текстуальных», а отраженных воздействий на литературно-идеологическое пространство в целом, характер мышления, картину мира, в которой поэты и мыслители прошлого присутствуют неотменимо как те, кто задал религиозно-философскую и идеологическую «повестку дня», по отношению к которой «цитаты» предстают чем-то вторичным, необязательным и даже несущественным.

Особое место в истории восприятия романа Фенелона в России занимает, конечно, «Телемахида», грандиозное создание В.К. Тредиаковского, исключительно высоко оцененное Пушкиным:

Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывают необыкновенное чувство изящного. В Тилимахиде находится много хороших стихов и счастливых оборотов. <...>. Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих на-

ших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского — *habent sua fata libelli*.

[Пушкин, 11: 253–254]

С этим замечанием Пушкина, сделанном в «Путешествии из Москвы в Петербург», полемически направленном против радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву»³, целесообразно сопоставить пушкинское же упоминание о Фенелоне, включенном Пушкиным в ряд властителей дум:

Каким чудом посреди [сего жалкого ничтожества, недостатка истинной критики и шаткости мнений, посреди общего падения вкуса] вдруг явилась толпа истинно-великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII века? Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, тщеславное [ли] покровительство Людовика XIV были причиною такого феномена? или каждому народу судьбою предназначена эпоха, в которой созвездия гениев вдруг является, блещит и исчезает?.. Как бы то ни было, вслед за толпою бездарн.<ых>, посредственных или несчастных стихотворцев, заключающих период старинной фр.<анцузской> поэзии, тотчас выступают Корнель, Паскаль, Боссюэт и Фенелон, Буало, Расин, Молиер и Лафонтен. И владычество их над умственной <жизнью> <?> просвещенного мира гораздо легче объясняется, нежели их неожиданное пришествие.

[Пушкин, 11: 270]⁴

³ В этом отношении существенно, что Пушкин, соглашаясь с Радищевым в высокой оценке Тредиаковского, противопоставляет последнего не Ломоносову, как это сделал Радищев, а Сумарокову и Хераскову, подразумевая при этом неколебимость Ломоносова, на которого нападал Радищев.

⁴ Конечно, этим не исчерпывается сказанное Пушкиным о Фенелоне. В статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (1836), оспаривая мнение критика о Франции и народах и интеллектуалах, «отуманенных гибельною для человечества новейшею философиею», Пушкин писал, выдвигая Фенелона на первое место в ряду наиболее влиятельных французских писателей и мыслителей: «Народ, который произвел Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескьё, — который и ныне гордится Шатобрианом и Балланшем; народ, который Ламартина признал первым из своих поэтов, который Нибуру и Галламу противопоставил Баранта, обоих Тьерри и Гизо; народ, который оказывает столь сильное религиозное стремление, который так торжественно отрекается от жалких скептических умствований минувшего столетия, — ужели весь сей народ должен отвечать за произведения нескольких писателей, большею частью молодых людей, употребляющих во зло свои таланты и основывающих корыстные расчеты на любопытстве и нервной раздражительности читателей?» [Пушкин, 12, 69]. В заметке «Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико» (1836) Пушкин пошел еще дальше, заявив, что Фенелон «в высшей степени» принадлежит «к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем *человеков благоволения*» [Пушкин, 12: 99]. Наконец, обсуждая сервиллизм Корнеля, Расина, Мольера и Буало, Пушкин противопоставил им всем Фенелона: «Писатели (во Франции класс бедный и насмешливый, дерзкий) были призваны ко двору и задарены пенсиями, как и дворяне.

Любопытно, что имя Фенелона фигурирует здесь рядом с именем Боссюэ, его неутомимого преследователя, от нападков которого Фенелон пытался защитить мадам де Гийон, с именем которой — и с именем Фенелона — обычно связывают расцвет квиетизма во Франции. Попытка Фенелона не привела к успеху, мадам де Гийон оказалась в тюрьме, ее заступник был удален от двора «за мистическую ересь» [Пушкин, 11: 271], но его спор с Боссюэ стал событием общеевропейского значения. Но прежде чем сказать несколько слов о квиетизме, вернемся к роману о Телемаке.

Во время пребывания Пушкина в Одессе ему пришлось по крайней мере один раз примерить на себя историю Телемака:

В Кишиневе жила одна гречанка Калипсо, коей блистательные очи воспламенили поэтическое сердце Пушкина, находившегося тогда в ссылке. В 1824 году один хороший знакомый его из Кишинева писал к нему в Одессу и именем этой Калипсо умолял его посетить место его жительства, в шутку называя его странствователем-Телемаком. В ответ вот что между прочим сказал он ему стихами:

Скучной ролью Телемака
Я наскучил, о друзья!
О Москва, Москва-Итака!
Скоро ли тебя увижу я?»

[Сушков 1858: 16 вт. паг.]; то же: [Вигель 1893: 576]

Это упоминание о Телемаке отсылает, в частности, к той ситуации, в которой Пушкин оказался в Кишиневе, где Ментор-Инзов доброжелательно, терпеливо и внимательно искал возможности обратиться к Церкви, истинному Свету и последним вопросам бытия. Даже если мнение, согласно которому «служебный перевод» Пушкина в Кишинев был «масонским путешествием», является преувеличением, придется признать и то, что именно в Кишиневе Пушкин вступил в масонскую ложу, что вряд ли могло произойти без ведома Инзова, прекрасно осведомленного обо всем происходившем в ложе «Овидий» и вокруг нее. По этой причине весьма

Людв.<ик> XIV следовал системе кардинала. Вскоре словесность сосредоточилась около его трона. Все писатели получили свою должность. Корнель, Расин тешили короля заказными трагедиями, историограф Буало воспевал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания, камердинер Молиер при дворе смеялся над придворными. Академия первым правилом своего устава положила: хвалу великого короля. Были исключения: бедный дворянин (не смотря на господствующую набожность) печатал в Голландии свои веселые сказки о монахах, а сладкоречивый епископ в книге, исполненной смелой философии, помещал язвительную сатиру на прославленное царствование. — Зато Лаф.<онтен> умер без пенсии, а Фенелон в своей епархии — отдаленный от двора <...>» [Пушкин, 11: 271].

вероятно, что именно Инзов сделал Пушкину предложение соответствующее предложение, а уклончиво-отрицательный ответ Инзова на запрос начальника Главного штаба Его Имп. Величества генерала князя П.М. Волконского о масонстве Пушкина [Летопись, 1: 263, 265] свидетельствует и о стремлении Инзова защитить поэта, и об остроте сложившейся ситуации.

Инзов был теснейшим образом связан с миром московского розенкрейцерства: воспитанник князя Ю.Н. Трубецкого, одного из руководителей русского «мартинизма», он учился в Благородном пансионе при Московском университете вместе с сыном князя Н.Н. Трубецкого и братьями Тургеневыми, среди которых был и Александр Иванович Тургенев [Сушков 1858: 67, 71–72], весной 1820 г. хлопотавший за Пушкина и сообщавший Вяземскому о принятом решении отправить Пушкина к Инзову⁵. Вяземский же был не хуже Тургенева осведомлен об Инзове или по крайней мере о некоторых нетривиальных особенностях его ранней биографии: с 1811 г. Вяземский был женат на Вере Федоровне, урожденной княжне Гагариной (1790–1886), мать которой Прасковья Юрьевна Кологривова (1762–1846), в первом браке княгиня Гагарина, была дочерью Ю.Н. Трубецкого, воспитавшего Инзова, и именно к ней восходит широко известный рассказ о загадке происхождения Инзова и о появлении его во младенчестве в доме Трубецкого [Фадеев 1897, 1: 61–62].

Но с чем же именно, с мировоззрением какого типа столкнулся Пушкин в ходе знакомства с Инзовым? О его библиотеке и особенно о ее состоянии в то время, когда ею мог воспользоваться Пушкин, достоверных данных мало, но те немногие, которыми мы располагаем, вполне соответствует духу эпохи и личным интересам стареющего масона: «Старик придерживался мистицизма <...>. Большая его библиотека состояла из сочинений: Сведенборга, Эккартсгаузена, Штиллинга, Бема и им подобных <...>. Разговоры наши чаще всего касались сказанных сочинений мечтателей» [Мурзакевич 1889: 69]; ср.: «Не огромная, но отборная его библиотека, на простых полках, в углу его спальни, заключала в себе обильный запас назидательного чтения» [Стурдза 1847: 226]. Конечно, сочинения почитавшихся русскими масонами европейских мистиков, ожидаемо обнаруживающиеся у Инзова, сами по себе не обуславливают характер их усвоения: нужно понять, как именно они были прочитаны. Поэтому позволим себе процитировать П.В. Анненкова, которого вряд ли можно считать выдающимся знатоком александровской

⁵ «<...> нет времени сказать слова <...> даже о Пушкине, который едет к генералу Инзову в Крым, и с которым поступлено по-царски в хорошем смысле сего слова» [ОА, 2: 37].

эпохи, тем более ее полускрытых мистико-идеологических аспектов и подтекстов, но который по крайней мере был достаточно близок к ней хронологически, чтобы иметь возможность из первых-вторых рук уяснить себе, пусть в первом приближении, характер мышления ее деятелей и очевидцев. Итак, вот что он написал об Инзове:

Инзов, между прочим, исповедывал — как и вся его партия — известное учение о благодати, способной просветить всякого человека, каким бы слоем пороков и заблуждений он ни был прикрыт, лишь бы нравственная его природа не была окончательно извращена. Вот почему, например, в распущенном, подчас даже безумном Пушкине, Инзов видел более задатков будущности и морального развития, чем в ином изящном господине, с приличными манерами, серьезном по наружности, но глубоко испорченном в душе. По свидетельству покойного Н.С. Алексеева, он был очень искусен в таком распознавании натур, несмотря на кажущуюся свою простоту.

[Анненков 1874: 168–169]

Упоминание о «партии» Инзова имеет в виду, конечно, не политическую «партию» (по крайней мере не ее в первую очередь, не говоря уже о том, что сам факт ее существования специально до сих пор не обсуждался), а нечто иное: религиозную метафизику того типа, которая была свойственна «русским розенкрейцерам» конца XVIII — начала XIX вв. и которая подразумевала возможность открытия в «падшем» мире тех, в ком, под гнетом материального псевдобытия, теплятся образ Софии и искры божественного света. В их сознании эта метафизика в ряде пунктов была принципиально совместимой с некоторыми тенденциями развития уже не только масонской, но и — быть может, в первую очередь — католической литературы, из которой неизбежно выделяется квиетизм, а значит, и сочинения мадам де Гийон, и сочинения Фенелона, и его спор с Боссюэ⁶.

Здесь напомним только о том, что весь круг Н.И. Новикова, М.М. Хераскова, братьев Н.Н. и Ю.Н. Трубецких относился к его сочинениям с исключительным почтением, а едва ли не самым выдающимся его приверженцем был яркий теоретик розенкрейцерства И.В. Лопухин, в имени которого, как известно, был установлен памятник Фенелону и Гийон [Жуковский 1809; Ковальков 1813: 7–8, 9–10, 15–16, 109–110; Воейков 1816: 20; Воейков 1825; Лубяновский 1872: 274; Дубицкий 1889: 94–97; Гаврюшин 2001: 31–34; Гаврюшин 2019: 757–767]. Близким другом Лопухина был князь Н.В. Репнин, роль которого в истории русского масонства оценивается обычно исключительно высоко и при котором с 1789 по 1798 г. Инзов

⁶ Краткое и точное изложение сути этого спора в связи с историей квиетизма: [Вебер, 12: 319–320].

был «адъютантом и домашним»; хорошо осведомленный современник писал по этому поводу: «это воспитание оставило глубокие следы в душе и внешней деятельности Инзова. <...> В то время вокруг Репнина собирались все люди мыслящие, искавшие пищи для ума и сердца в творениях древних и современных мистиков христианских: Елагины, Новиковы, Поздеевы, Радищевы принадлежали к этой школе отвлеченного богомыслия. Не удивительно, что молодой Инзов <...> научился в таком обществе весьма многому» [Стурдза 1847: 218–220]. Представляется существенным, что Лопухин, переживший Репнина, одно из последних своих сочинений посвятил ему — и Фенелону, с которым прямо соотнес своего покойного единомышленника, представшего своего рода русским Фенелоном и одновременно одним из немногих избранных людей духа⁷.

Теперь вернемся к пушкинскому экспромту. В нем есть нечто любопытное: Пушкин говорит о том, что роль Телемака ему наскучила, но все еще ее играет, призывая московскую Итаку, подобно тосковавшему по своей Итаке романному Телемаку, получившему возможность в нее вернуться. Существенно и то, что пушкинской Итакой оказывается именно сравнительно мало ему знакомая, но все же памятная по детским предлицейским впечатлениям Москва, а хорошо знакомый Петербург, из которого он отправился на юг России, — только часть путешествия, которое должно завершиться в исходной точке и которое таким образом охватывает всю жизнь Пушкина, от детских московских лет и до кишиневской скуки.

Разумеется, нет никаких оснований переоценивать данный пушкинский текст, перегружая его фенелоновско-телемаковской серьезностью: он «легкий», серьезный и шуточный одновременно и при этом заведомо не предназначенный для публикации. Одно из измерений «легкости» этого текста состоит в том, что, ассоциируя себя с героем Фенелона и осмысляя свою судьбу по аналогии с судьбой Телемака, Пушкин тут же резко отделяет себя от него: Телемак закончил свое путешествие преображенным, результат же пушкинского — скука, неизбежно ассоциирующаяся с еще не написанным «Путешествием Онегина», но уже предсказывающая его (ср. развитие темы возвращения в Москву в XXXVI строфе седьмой главы [Пушкин, 6: 154–155]).

Однако краткость и «легкость» пушкинского экспромта не снимает вопроса о пушкинском восприятии квиетизма с его специфическим «учением о благодати», оказавшим определенное влияние на его мировоззрение, — вопроса, который был давно поставлен, но

⁷ Ср.: «Я соединил Репнина с Фенелоном. Но во всех землях вселенной отечество Героев истинных одно: чудесная страна изяществ и величий, превышающая обыкновенные обитатели человечества» [Лопухин 1813: 72].

по неясным причинам остался в стороне от основных тем современного пушкиноведения. Поставил его М.О. Гершензон, очень крупный знаток пушкинской эпохи, но не стал специально развивать найденную им тему. Вот фрагмент его статьи, который представляется нам наиболее существенным:

Итак, по мысли Пушкина, ущербный бессилён исцелиться произвольно. Всякое желание <...> проистекает из ущербной природы; поэтому взалкав совершенства <...>, ты этим новым желанием и действием только глубже погружаешь себя в ущербность. Знай же, что ты заключен в порочный круг, и не суживай его усилиями выступить за окружность. Напротив, смиряйся пред совершенством, созерцай его бескорыстно; тогда, бездействием умиления, ты хоть мимолетно вступаешь в покой совершенства. Пушкин <...> любил это чувство, лелеял его в себе и с любовью изображал в других. Самое слово «умиление» он повторял многократно. Он знал терзания совести, «змеи сердечной угрызенья», но его раскаянье всегда молитвенно и смиренно. Таковы строфы «Когда для смертного умолкнет шумный день»; таков его ответ Филарету, чистая песнь сокрушения и благоговенья пред святостью <...>. Умиление внушает Пушкину его Мадонна, «чистойшей прелести чистейший образец»; и всюду, где ему являлось, хотя бы в телесном образе, совершенство, <...> он «благоговеет богомольно перед святыней красоты», его душа трепещет «пред мощной властью красоты». Даже его свирепый Гирей обезоружен святой невинностью Марии. Поэзия Пушкина исполнена умилением, каждый его взгляд на прекрасное и каждое слово о нем суть умиление. Как Пушкин мыслил совершенство и созерцал красоту — поистине, «ангел Рафаэля так созерцает божество» <...>. А в основании этого светлого чувства лежала у него страшная уверенность, что ущербное бытие неисцелимо. Какая убийственная и какая опасная мысль! Она повергает грешного в отчаяние и парализует его волю. Зачем стремиться к святости, когда это стремление и тщетно, и греховно? Пушкин не только не верит в возможность нравственного совершенствования: он еще осуждает и запрещает его. Двадцать столетий люди исповедуют противоположный догмат: грех исцелим; захоти, и исцелишься. Спор идет на протяжении веков лишь о способах исцеления: делами ли спасается грешный, или верою. Но и под верою обычно понимали некое действительное состояние, пусть только духовное, именно стремление к совершенству <...>. Пушкин всем своим умозрением проповедует обратное, квиетизм: оставайся в грехе, не прибавляй к своим желаниям нового и страстнейшего из желаний — желания избавиться от желаний, что и есть святость.

[Гершензон 1919: 18–19]⁸

⁸ Ср. попытку Гершензона, обсуждающего темы «совершенства» и «полноты» бытия у Пушкина, опереться на текст Терезы Авильской (1515–1582), с именем которой обычно связывается возникновение квиетизма: [Гершензон 1919: 21].

Здесь не место обсуждать исключительно сложную и уходящую корнями не только в метафизику культуры Серебряного века, но и в ее отдаленные подтексты концепцию Гершензона, тем более что эта концепция развивалась, уточнялась и дополнялась им на протяжении всего времени занятий Пушкиным. Однако отметим, что она затрагивает нечто весьма существенное в мировоззрении Пушкина: именно в параллель к квиетистскому учению о возможности нисхождения благодати в душу, отрешившуюся от мира и от самой себя, собственной неизбыточной без благоволения свыше греховности, Пушкин создает контуры своей концепции поэтического творчества, в основе которой оказывается тема «божественного глагола», «касающегося» того, кто «влачится» в духовном опустошении «пустыни мрачной» [Пушкин, 3: 30], кто «малодушно погружен» в дела «суетного света», кто «<...> меж детей ничтожных мира / Быть может, всех ничтожней <...>» и кто «пробуждается» и бежит прочь от мира в момент нисхождения благодати, подобающей поэту аполлонической [Пушкин, 3: 65]; возможно и иное бегство, связанное уже не с поэтическим вдохновением, а с сознанием неизбыточности греха («Напрасно я бегу к сионским высотам, / Грех алчный гонится за мною по пятам...» [Пушкин, 3: 419]).

Другой аспект квиетистской парадигмы, затронувшей Пушкина, — *молчание*, тема которого с полной определенностью зафиксирована в «Разговоре книгопродавца с поэтом» (1824) («Блажен, кто про себя таил / Души высокие созданья / И от людей, как от могил, / Не ждал за чувство воздаянья! / Блажен, кто молча был поэт / И, терном славы не увитый, / Презренной чернию забытый, / Без имени покинул свет!» [Пушкин, 2: 326]), «предсказывавшем» проблематику оды Ф.И. Тютчева «Silentium!», напечатанной Пушкиным в «Современнике» [Тютчев 1836: 16] и опиравшейся (в какой мере — еще предстоит установить) на мистическую трактовку *молчания* в целом ряде произведений В.А. Жуковского которые воспринимались современниками в квиетистском контексте [ср.: Вацуро 1994: 62]. С *молчанием* связаны *покой*, *тишина*, *сон* или *дремота*, в которых открывается истинный свет (Ср.: «Я возмужал [среди] печальных бурь, / И дней моих поток, так долго мутный, / [Теперь утих] [дремотою минутной] / И отразил небесную лазурь» [Пушкин, 3: 329]) благодати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.
2. Вебер Г. Всеобщая история. Перевод со второго издания, пересмотренного и переработанного при содействии специалистов. Издание К.Т. Солдатенкова. Т. 1–15. М., 1885–1893.

3. Вигель Ф.Ф. Москва и Петербург. Письмо к приятелю в Симбирск // Русский Архив. 1893. № 8. С. 566–584.
4. Сады, или Искусство украшать сельские виды. Сочинение Делиля. Перевел Александр Воейков. СПб., 1816.
5. Воейков А.Ф. Воспоминание о селе Савинском и о добродетельном его Хозяине // Новости литературы. 1825. Кн. 11. № 5. С. 66–90.
6. Гаврюшин М.К. Юнгов остров. Религиозно-исторический этюд. М., 2001.
7. Гаврюшин М.К. У колыбели смыслов. Статьи разных лет. М., 2019 (Серия «Исследования по истории русской мысли» под общей редакцией М.А. Колерова. Т. 22).
8. Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. М., 1919.
9. Домбровский Ю.О. Собр. соч.: В 6 т. М., 1992–1993.
10. Домбровский Ю.О. «И я бы мог...». Заметки и размышления писателя // Новый мир. 1975. № 12. С. 205–216.
11. Дубицкий А.И. Иван Владимирович Лопухин. Историко-литературное исследование. Казань, 1889.
12. [Жуковский В.А. О Фенелоне] // Вестник Европы. 1809. № 4. С. 298–299.
13. Кардаш Е.В. Поэтическая фразеология перевода А.С. Пушкина «Из А. Шенье»: источники и контексты // Slověne. 2019. Vol. 8, № 2. С. 220. С. 217–238.
14. [Ковальков А.И.] Мирное отдохновение в садах сельца Савинского, во время нашествия врагов, или восхищение Юноши — Юнга Рус<с>кого; при блеске дня не вечернего. Прозо–поэтическое творение // Друг юношества и всяких лет. 1813. № 2. С. 1–126.
15. Краснобородько Т.Г. Самый ранний автограф Пушкина? Надпись на книге «Fables de Fénelon» (Об одном пушкиноведческом заблуждении) // Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin. СПб., 2020. С. 38–51.
16. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. М., 1999.
17. [Лопухин И.В.] Примеры истинного геройства, или князь Репнин и Фенелон в своих собственных чертах // Друг юношества и всяких лет. 1813. № 3. С. 1–102.
18. Лубяновский Ф.П. Воспоминания. 1777–1834. М., 1872.
19. Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина. (Библиографическое описание). СПб., 1910.
20. Модзалевский Л.Б. Неизвестный автограф Пушкина // Литературный архив. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 157.
21. Мурзакевич Н.Н. Автобиография. Примечания и биографический очерк кн. В.Д. Дабижа. СПб., 1889.
22. Остафьевский архив князей Вяземских. Издание графа С.Д. Шереметева. Под ред. и с прим. В.И. Саитова. Т. 1–5. СПб., 1899–1913.
23. Пушкин [А.С.] Полн. собр. соч.: Т. 1–17 <М.; Л.>, 1936–1959.
24. Рак В.Д. Фенелон // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 18 / 19. СПб.: Наука, 2004. С. 338.
25. Стурдза А.С. Воспоминания об Иване Никитиче Инзове // Москвитянин. 1847. Ч. 1. С. 217–228.
26. Сушков Н.В. Московский университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского Благородного пансиона и Дружеского общества. Издание поправленное и пополненное. М., 1858.
27. [Тютчев Ф.И.] Стихотворения, присланные из Германии // Современник. 1836. № 3. С. 5–22.
28. Фадеев А.М. Воспоминания. 1790–1867 гг.: В 2 ч. Одесса, 1897.

29. *Фенелон, Франсуа де*. Похождение Телемака, сына Улисса. Сочинено г.[осподином] Фенелоном учителем детей короля французского, бывшим потом архиепископом Камбрейским, и князем Римския империи. Переведено на российской язык в 1734 году [А.Ф. Хрущевым]. И по особливому Высочайшему соизволению Ея Императорскаго Величества Всемилостивейшия Государыни Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийской напечатано. СПб., 1747.
30. *Фенелон, Франсуа де*. Странствовании Телемака сына Улисса. Творение архиепископа Фенелона, вновь переведенное Иваном Захаровым. Ч. 1–2. СПб., 1786.
31. *Фенелон, Франсуа де*. Приключения Телемака сына Улисса, сочиненные Фенелоном, а с французскаго на российской язык переведенныя кадетом Имп. Шляхетного сухопутнаго кадетскаго корпуса Петром Железниковым. В пользу онаго Корпуса. Ч. 1–2. СПб., 1788–1789.
32. *Фенелон, Франсуа де*. Приключения Телемака, сына Улисса. Вновь перевел с подлинника Федор Лубяновский: С прибавлением Краткаго описания свойств высокой добродетели и изящных сочинений великаго Фенелона, содержащаго несколько о нем анекдотов, между коими есть и мало еще известные; и с картинкою, представляющею некоторые из них, при изображении достопамятнаго восторга почтения, коим преисполнен был к Фенелону славный Ж.Ж. Руссо. Ч. 1–2. М., 1797–1800.
33. *Фенелон, Франсуа де*. Странствование Телемака сына Уллисова. Перевод г.[осподина] Ш.[иповского]. Ч. 1–2. В Санктпетербурге, 1805.
34. *Фенелон, Франсуа де*. Странствования Телемака, сына Улисса. Перевод г.<осподина> Шиповскаго, по его последней рукописи вновь с подлинником сверенный и исправленный Е. Люценко. Ч.1–2. С прибавлением картин, портрета Фенелона и жизни сего автора. Издвиением книгопродавца Ивана Заикина. СПб., 1822.
35. *Фенелон, Франсуа де*. Странствия Телемака, сына Улисса. Перевод, пересмотренный А. Очкиным. Издание книгопродавцев братьев Матвея и Михаила Заикиных. Ч. 1–2. СПб., 1835–1836.
36. *Chénier A., de*. Oeuvres complètes, Paris, 1819.
37. *Fénelon, François de*. Oeuvres [...], publiées d'après les manuscrits originaux, et les éditions les plus correctes; avec un grand nombre de pièces inédites. T. 1–22. A Versailles: De L'Imprimerie de J.B. Jebel, imprimeur du Roi, 1820–1824.
38. *Fénelon, François de*. Les Aventures De Telemaque. T. 1–3. A La Haye: Chés Adrien Moetjens, Marchand Libraire, 1699.
39. *Fénelon, François de*. Aventures De Telemaque, Fils D'Ulysse, Ou Suite Du Quatrieme Livre De L'Odysee D'Homere. [...]. Dernière Edition [...]. A La Haye: Chez Adrian Moetjens, Marchand Libraire, près la Cour, à la Librairie Française, 1703.
40. *Fénelon, François de*. Œuvres [...], précédées d'Etudes sur sa Vie, par M. Aimé-Martin. V. 1–3. Paris, 1835.

REFERENCES

1. Vatsuro V.E. *Lirika pushkinskoy pory. «Elegicheskaya shkola»* [Lyrics of Pushkin's time. "Elegiac School"]. St. Petersburg, Nauka, 1994. (In Russ.)
2. Vseobshchaya istoriya Georga Vebera [General history of Georg Weber]. *Perevod so vtorogo izdaniya, peresmotrennogo i pererabotannogo pri sodeystvii spetsialistov*. Izdaniye K.T. Soldatenkova. T. 1–15. Moscow, Tip. V.V. Melen'yeva, 1885–1893. (In Russ.)

3. Vigel' F.F. Moskva i Peterburg. Pis'mo k priyateliyu v Simbirsk [Moscow and St. Petersburg. Letter to a friend in Simbirsk] // Russkiy Arkhiv. 1893. № 8. S. 566–584. (In Russ.)
4. Sady ili Iskusstvo ukrashat' sel'skiye vidy [Gardens or the Art of decorating rural views]. Sochineniye Delilya. Perevel Aleksandr Voyeykov. St. Petersburg, V Meditsinskoy tipografii, 1816. (In Russ.)
5. Voyeykov A.F. Vospominaniye o sele Savinskom i o dobrodetel'nom yego Khozyaine [Memories of the village of Savinsky and its virtuous owner] // Novosti literatury. 1825. Kn. 11. № 5. S.66–90. (In Russ.)
6. Gavryushin M.K. Yungov ostrov. Religiozno-istoricheskiy etyud [Jung's Island. Religious-historical study]. Moscow, Logo-N, 2001. (In Russ.)
7. Gavryushin M.K. U kolybeli smyslov. Stat'i raznykh let [At the cradle of meanings. Articles from different years]. Moscow, Modest Kolerov, 2019 (Seriya «Issledovaniya po istorii russkoy mysli» pod obshchey redaktsiyey M.A. Kolerova. T. 22). (In Russ.)
8. Gershenzon M.O. Mudrost' Pushkina [Wisdom of Pushkin]. Moscow, Tovarishchestvo «Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve», 1919. (In Russ.)
9. Dombrovskiy Yu.O. Sobr. soch. [Works]: V 6 t. Moscow, Izdatel'skiy tsentr «Terra», 1992–1993. (In Russ.)
10. Dombrovskiy Yu.O. «I ya by mog...». Zametki i razmyshleniya pisatelya [“And I could...” Notes and reflections of the writer] // Novyy mir. 1975. № 12. S. 205–216. (In Russ.)
11. Dubitskiy A.I. Ivan Vladimirovich Lopukhin. Istoriko-literaturnoye issledovaniye [Ivan Vladimirovich Lopukhin. Historical and literary research]. Kazan': Tip. Imp. Universiteta, 1889. (In Russ.)
12. Zhukovskiy V.A. O Fenelone [About Fenelone] // Vestnik Yevropy. 1809. P. 298–299. (In Russ.)
13. Kardash Ye.V. Poeticheskaya frazeologiya perevoda A.S. Pushkina «Iz A. Shen'ye»: istochniki i konteksty [Poetic phraseology of translation by A.S. Pushkin “From A. Chenier”: sources and contexts] // Slověne. 2019. Vol. 8, № 2. P. 220. P. 217–238. (In Russ.)
14. [Koval'kov A.I.] Mirnoye otdokhnoveniye v sadakh sel'tsa Savinskogo [Peaceful relaxation in the gardens of the village of Savinsky], vo vremya nashestviya vragov, ili voskhishcheniye Yunoshi — Yunga Rus[s]kogo; pri bleske dnya nevechernego. Prozo — poeticheskoye tvoreniye // Drug yunoshestva i vsyakikh let. 1813. № 2. P. 1–126. (In Russ.)
15. Krasnoborod'ko T.G. Samyy ranniy avtograf Pushkina? [Pushkin's earliest autograph?] Nadpis' na knige «Fables de Fénelon» (Ob odnom pushkinovedcheskom zabluzhdenii) // Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin. St. Petersburg, 2020. P. 38–51. (In Russ.)
16. Letopis' zhini i tvorchestva A.S. Pushkina [Chronicle of the life and creativity of A.S. Pushkin]: V 4 t. / Sost. M.A. Tsyavlovskiy, N.A. Tarkhova. M.: Slovo, 1999. (In Russ.)
17. [Lopukhin I.V.] Primery istinnogo geroystva [Examples of true heroism], ili knyaz' Reprin i Fenelon v svoikh sobstvennykh chertakh // Drug yunoshestva i vsyakikh let. 1813. № 3. P. 1–102. (In Russ.)
18. Lubyanovskiy F.P. Vospominaniya [Memories]. 1777–1834. Moscow, Tip. Gracheva, 1872. (In Russ.)
19. Modzalevskiy B.L. Biblioteka Pushkina. (Bibliograficheskoye opisaniye) [Pushkin Library. (Bibliographic description)]. St. Petersburg, Imp. Imp. Akademii nauk, 1910. (In Russ.)

20. Modzalevskiy L.B. Neizvestnyy avtograf Pushkina [Unknown autograph of Pushkin] // Literaturnyy arkhiv. T. 1. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1938. P. 157. (In Russ.)
21. Murzakevich N.N. Avtobiografiya [Autobiography]. Primechaniya i biograficheskiy ocherk kn. V.D. Dabizha. St. Petersburg, Tipografiya V.S. Balasheva, 1889. (In Russ.)
22. Ostaf'yevskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh [Ostafevsky archive of the princes Vyazemsky]. Izdaniye grafa S.D. Sheremeteva. Pod redaktsiyey i s primechaniyami V.I. Saitova. T. 1–5. St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899–1913. (In Russ.)
23. Pushkin [A.S.] Poln. sobr. soch. [Omnibus edition]: T. 1–17 <Moscow; Leningrad> Izd-vo AN SSSR, 1936–1959. (In Russ.)
24. Rak V.D. Fenelon // Pushkin. Issledovaniya i materialy. T. 18 / 19. St. Petersburg, Nauka, 2004. P. 338. (In Russ.)
25. Sturdza A.S. Vospominaniya ob Ivane Nikitiche Inzove [Memories of Ivan Nikitich Inzov] // Moskvityanin. 1847. Ch. 1. P. 217–228. (In Russ.)
26. Sushkov N.V. Moskovskiy universitetskoy Blagorodnyy pansion i vospitanniki Moskovskogo universiteta [Moscow University Noble boarding school and students of Moscow University], gimnaziya yego, universitetskogo Blagorodnogo pansiona i Druzheskogo obshchestva. Izdaniye popravlennoye i popolnennoye. Moscow, V Universitetskoy tip., 1858. (In Russ.)
27. [Tyutchev F.I.] Stikhotvoreniya, prislannyye iz Germanii [Poems sent from Germany] // Sovremennik. 1836. № 3. P. 5–22. (In Russ.)
28. Fadeyev A.M. Vospominaniya [Memories]. 1790–1867 gg.: V 2 ch. Odessa: Tip. Vysochayshe uchrezhdennoye Yuzhno-Russkogo Obshchestva pechatnogo dela, 1897. (In Russ.)
29. Fenelon, Fransua. Pokhzhdeniye Telemaka, syna Uliissova [The Adventures of Telemachus, Son of Ulysses]. Sochineno g.<ospodinom> Fenelonom uchitelem detey korolya frantsuskogo, byvshim potom arkhiepiskopa Fenelona, vnov' perevedennoye Ivanom Zakharovym. Ch. 1–2. St. Petersburg, Pech. u Shnora, 1786. (In Russ.)
30. Fenelon, Fransua. Stranstvovaniye Telemaka syna Uliissova [The Wanderings of Telemachus, Son of Ulysses]. Tvoreniye arkhiepiskopa Fenelona, vnov' perevedennoye Ivanom Zakharovym. Ch. 1–2. St. Petersburg, Pech. u Shnora, 1786. (In Russ.)
31. Fenelon, Fransua. Priklyucheniya Telemaka syna Uliissova [The Adventures of Telemachus son of Ulysses], sochinennyye Fenelonom, a s frantsuzskago na rossiyskoy yazyk perevedennyya kadetom Imp. Shlyakhetskogo sukhoputnago kadetskago korpusa Petrom Zheleznikovym. V pol'zu onago Korpusa. Ch. 1–2. St. Petersburg, [Pech. pri Imp. Shlyakhetsk. sukhoput. kadet. korpus], 1788–1789. (In Russ.)
32. Fenelon, Fransua de. Priklyucheniya Telemaka, syna Uliissova [The Adventures of Telemachus son of Ulysses]. Vnov' perevel s podlinnika Fedor Lubyantsevskiy: S pribavleniyem Kratkago opisaniya svoystv vysokoy dobrodeteli i izyashchnykh sochineniy velikago Fenelona, soderzhashchago neskol'ko o nem anekdotov, mezhdru koimi yest' i malo yeshche izvestnyye; i s kartinkoy, predstavlyayushcheyu nekotoryye iz nikh, pri izobrazhenii dostopamyatnago vostorga pochteniya, koim preispolnen byl k Fenelonu slavnnyy Zh.Zh. Russo. Ch. 1–2. Moscow, Tip. Ponomareva, 1797–1800. (In Russ.)
33. Fenelon, Fransua de. Stranstvovaniye Telemaka syna Uliissova. Perevod g.[ospodina] Sh.[ipovskogo]. Ch. 1–2. V Sanktpeterburge: V Tipografii Shnora, 1805. (In Russ.)
34. Fenelon, Fransua de. Stranstvovaniya Telemaka, syna Uliissova [The Wanderings of Telemachus, Son of Ulysses]. Perevod g.[ospodina] Shipovskago, po yego posledney

- rukopisi vnov' s podlinnikom sverennyi i ispravlennyy Ye. Lyutsenko. Ch.1–2. S pribavleniyem kartin, portreta Fenelona i zhizni sego avtora. Izhdiveniyem knigoprodavtsa Ivana Zaikina. St. Petersburg, V Tipografii N. Grecha, 1822. (In Russ.)
35. Fenelon, Fransua de. Stranstviya Telemaka, syna Ulissova [The Wanderings of Telemachus, Son of Ulysses]. Perevod, peresmotrennyy A. Ochkinym. Izdaniye knigoprodavtsev brat'yev Matveya i Mikhaila Zaikinykh. Ch. 1–2. St. Petersburg, V tip. Konrada Vingebera, 1835–1836. (In Russ.)
36. Chénier A., de. Oeuvres complètes, Paris: Foulon et Compagnie, Libraires; Baudouin Frères, Libraires, 1819.
37. Fénelon, François de. Oeuvres [...], publiées d'après les manuscrits originaux, et les éditions les plus correctes; avec un grand nombre de pièces inédites. T. 1–22. A Versailles: De L'Imprimerie de J.B. Jebel, imprimeur du Roi, 1820–1824.
38. Fénelon, François de. Les Aventures De Telemaque. T. 1–3. A La Haye: Chés Adrien Moetjens, Marchand Libraire, 1699.
39. Fénelon, François de. Aventures De Telemaque, Fils D'Ulysse, Ou Suite Du Quatrieme Livre De L'Odysee D'Homere. [...]. Dernière Edition [...]. A La Haye: Chez Adrian Moetjens, Marchand Libraire, près la Cour, à la Librairie Française, 1703.
40. Fénelon, François de. Œuvres [...], précédées d'Etudes sur sa Vie, par M. Aimé-Martin. V. 1–3. Paris: Chez Lefèvre, Libraire- Éditeur, 1835.

Поступила в редакцию 08.02.2024

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 08.02.2024

Accepted 13.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Ивинский Дмитрий Павлович — профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dmitrij_ivinskij@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy Ivinskiy — Prof. Dr., Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dmitrij_ivinskij@mail.ru

ШИЛЛЕРОВСКИЙ КОНТЕКСТ ОБРАЗА ЛЕНСКОГО В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

А.Б. Криницын

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; derselbe@list.ru*

Аннотация: В герое романа «Евгений Онегин» Ленском отразились две концепции восприятия Шиллера в русской культуре 1820-х годов: «возвышенная», свободолюбивая, идеалистическая (как деятеля «Бури и натиска») и «псевдоромантическая», элегическая, восходящая к переводам его элегий и баллад Жуковским. При этом сам Пушкин в «Евгении Онегине», очевидно, их до конца не разделяет, актуализируя при необходимости ту или другую. Проекция обеих в романе варьируется от иронического снижения до сочувственного приятия, что, наряду с их латентным конфликтом между собой, создает диалектическую напряженность образа Ленского. Именно шиллеровские мотивы придают образу глубину.

В черновых вариантах экспозиции образа Ленского гораздо сильнее акцентируется экспрессивность и страстность натуры, бунтарство и политическая ангажированность поэта. Но автор при работе над текстом «сдвигает» образ Ленского в сторону мечтательного элегика, сохраняя узнаваемый шиллеровский облик. Описание идеалов Ленского целиком движется в русле философии и творчества Шиллера. В этой связи в статье впервые рассматриваются возможные реминисценции к образу Ленского из стихотворений Шиллера «Надежда», «Мечты», «Дружба», «Торжество любви», «Тайна воспоминания (Лауре)», «Художники», «Счастье», «Идеалы и жизнь», «Беглец».

Спародировав на примере предсмертных стихов Ленского традицию «унылой» элегии, автор неожиданно помещает две похожие элегии в качестве лирических отступлений. Несмотря на преобладание в романе байроновского идейно-художественного контекста и кажущуюся иронию Пушкина в отношении шиллеровской традиции, он видел в ней возможный ориентир для развития русской литературы.

Ключевые слова: Пушкин; «Евгений Онегин»; лирика Шиллера; Жуковский; Кюхельбекер; романтизм; жанр элегии; идеализм; образ Ленского; лирические отступления; пародия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-3

Для цитирования: Криницын А.Б. Шиллеровский контекст образа Ленского в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 39–55.

SCHILLER'S MOTIFS IN THE IMAGE OF LENSKY IN A.S. PUSHKIN'S NOVEL *EUGENE ONEGIN*

Alexander Krinitsyn

Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia; derselbe@list.ru

Abstract: When creating the image of Lensky, Pushkin combined two concepts of how Schiller was perceived in Russian culture of the 1820s: “sublime”, freedom-loving, idealistic (as a figure of *Sturm und Drang*) and “pseudo-romantic”, elegiac, dating back to translations of Schiller's elegies and ballads by Zhukovsky. At the same time, Pushkin himself in *Eugene Oegin*, obviously, does not completely separate them and does not oppose them, updating one or the other if necessary. The projection of both in the novel ranges from ironic reduction to sympathetic acceptance, which, along with their latent conflict with each other, creates a dialectical tension of Lensky's image. It is Schiller's motifs that give this image depth.

In the draft versions, the exposition of Lensky's image, the expressiveness and passion of his nature, rebellion and political engagement of the poet are much more strongly emphasized. But the author, while working on the text, “shifts” the image of Lensky towards a dreamy elegiac, while maintaining a recognizable Schiller appearance. The description of Lensky's ideals moves entirely along the lines of Schiller's philosophy and creativity. In this regard, the article for the first time examines possible reminiscences to the image of Lensky from Schiller's poems “Die Hoffnung”, “Die Ideale”, “Die Freundschaft”, “Der Triumph der Liebe”, “Das Geheimnis der Reminiscenz. An Laura”, “Die Künstler”, “Das Glück”, “Das Ideal und das Leben”, “Der Flüchtling”.

Having parodied the tradition of “dull” elegy on the example of Lensky's dying poems, the author unexpectedly places two similar elegies as lyrical digressions. Despite the predominance of the Byron ideological and artistic context in the novel and Pushkin's apparent irony in relation to the Schiller tradition, it represented for him a possible reference point for the development of Russian literature.

Keywords: Pushkin; *Eugene Oegin*; Schiller; Zhukovsky; Kuchelbecker; romanticism; elegy; idealism; the image of Lensky; lyrical digressions; parody

For citation: Krinitsyn A. (2024) Schiller's Motifs in the Image of Lensky in A.S. Pushkin's Novel *Eugene Oegin*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 39–55.

В «Евгении Онегине», отражая важнейшие ориентиры развития русской мысли и литературы, Пушкин изображает, наряду с главным героем-байронистом, его друга и оппонента — шиллерianца Ленского, хотя сам был от «немецкого влияния» относительно далек. Тем не менее фигура Ленского — одна из ключевых в романе, обнаруживающая отношение Пушкина к Шиллеру и особенности восприятия Пушкиным его творчества, которое оказывается достаточно сложным — не случайно образ Ленского показан и с шутливой иронией, и сочувственно, и трагически.

Влияние творчества Шиллера на русскую литературу началось еще при жизни поэта в XVIII веке, когда его читает Радищев, переводит Державин.

В силу многозначности творчества Шиллера (ввиду как его разноплановости, так и значительной эволюции) все поколения (с 1800-х до 1870-х гг.) и внутри них различные идеологические группы могли найти у немецкого «властителя дум» нечто близкое себе, чтобы поднять его на свое «знамя». С художественной стороны Шиллер был значим и приверженностью *классицизму* (идеализация Древней Греции в многочисленных стихах, подражание античной трагедии в «Мессинской невесте»), и сугубо *романтическим* мировидением (тоска по идеалу, двоемирие, см. напр., “Sehnsucht”, “Das Ideal und das Leben”), и прорывом к *реализму* («Коварство и любовь», «Лагерь Валленштейна»). С содержательной стороны востребованы были и *остро социальная проблематика с революционным пафосом* (в «Разбойниках», «Вильгельме Телле»), и идеология *либерального космополитизма* (у маркиза Позы в «Дон Карлосе»), и возвышенный *идеализм с культом красоты и искусства* (ода «Идеалы»). *Религиозная философия* («Философские письма», ода «К радости») сочеталась у Шиллера с *бунтом против Провидения* (“Resignation”) и *антихристианскими пассажами* («Боги Греции»).

Пушкин слышал о Шиллере, конечно, еще будучи в Лицее. Напомним, что поклонником немецкого поэта был в то время его друг Кюхельбекер. Но решающую роль в ознакомлении Пушкина с творчеством Шиллера, несомненно, сыграли Карамзин и Жуковский.

Карамзину ближе было вольнолюбивое понимание произведений Шиллера, распространенное в стенах Московского университета или в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств (имеются в виду переводы Мерзлякова, Батюшкова, Востокова, Милонова и т. д. [Фукс-Шаманская 2009]). В «Московском журнале», на страницах «Писем русского путешественника» имя Шиллера появлялось при рассказе о «Дон Карлосе» и «Заговоре Фиеско в Генуе». По словам «русского путешественника», он пленялся «привлекательными мечтами» Шиллера в революционном Париже.

Большое количество шиллеровских стихов печатается в журналах. Многократно переводились, в частности, ода “An die Freude”, “Die Ideale”; “Resignation” Шиллера публиковалась тогда в широко читавшихся журналах «Талия» и «Немецкий Меркурий».

Гимн «К Радости» рассыпался мотивами по всей лирике молодого Карамзина («Ода на счастье», «К милости» и т. д.). Этот гимн выходит сразу в нескольких вольных переводах и порождает множество подражаний, каковыми считаются и «Певец во стане русских воинов» Жуковского [Данилевский 2013: 129–130], и «Вакхическая

песня» Пушкина¹. В Дружеском литературном обществе стихотворение стало чем-то вроде гимна. Дневники Андрея Тургенева за 1797 и 1799 гг. открываются строфами из него: “Festen Muth in schweren Leiden” («Стойкость духа в тяжких страданиях») и “Männerstolz vor Königsthronen” («Гордое мужество перед королевскими тронами»). К стиху “Ewigkeit geschwornen Eiden” («вечность принятых клятв») летом 1799 г. сделана приписка: «также и нашей» [см. Данилевский 2013: 98].

В 1809 году Шиллера начинает переводить Жуковский. В издаваемом им «Вестнике Европы» появляются переводы почти всех баллад Шиллера. Мотивы Шиллера становятся заметны и в оригинальной лирике Жуковского, например в элегии «На кончину королевы Виртембергской».

В переводах Жуковского Шиллер представлял прежде всего элегическим, меланхолическим лириком. Это сказывалось в самом выборе стихотворений для перевода («К Минне», «Юноша у ручья», «Жалоба девушки», «Амалия», «К Эмме»), утонченных по психологизму и строящихся на мотивах утраты, разлуки и мечтаний. Мелодизм стиха приближал эти переложения к типичным для самого Жуковского жанрам песни и романса. Такого рода напевность была мало свойственна оригинальной поэзии Шиллера², для которого характерны многостопные размеры, риторичность, а также усложненность синтаксиса, философская насыщенность языка. У Жуковского возобладало «чувствительное, смягченное прочтение шиллеровской лирики и прозы. Не бунтарь наподобие Карла Моора, а тончайший психолог — повествователь о движениях души, более поэт-философ, нежели гражданин, прежде всего элегический “певец” — таким стал Шиллер под романтическим (в русском понимании) пером Жуковского» [Данилевский 2013: 125]. По мнению Л.Я. Гинзбург, «[э]стетическая доктрина “Московского вестника” восходит к Шиллеру...» [Гинзбург 1974: 187].

Благодаря таланту Жуковского как переводчика-интерпретатора, образ Шиллера трансформировался из идеолога *Sturm und Drang* в романтика. Н. Полевой прямо указывал, что Жуковский «ввел в поэзию русскую одну из новых идей романтического — безотчетную мечтательность Шиллера» [Полевой 1839: 148]. Такое восприятие, хотя и имело тематическое основание в выбранных для перевода Жуковским стихах, тем не менее очевидным образом сужало и даже искажало общее представление о творчестве Шиллера, для

¹ В частности, это отметил Белинский в статье 1841 года «Разделение поэзии на роды и виды».

² «У Шиллера звуковая образность занимает положение подчиненное, у Жуковского она выходит на передний план» [Эткинд 1973: 83].

которого в большинстве случаев характерно философски отчетливое мышление, побуждающее четко формулировать даже свои «мечты», не допуская ничего «неясного» или «туманного». Точно так же тоска по идеалу (скорее внутренняя духовная неудовлетворенность) не отменяет активной позиции Шиллера как идеолога и просветителя (ср. отчаянную решимость переплыть бурный поток, отделяющий поэта от «райского острова» в стихотворении “Sehnsucht” — «Желание» в пер. Жуковского). Это сильно отличается от ставшего основной темой Жуковского томления по идеалу, которое уводит поэта в потусторонний мир (ср. «Теон и Эсхин»).

В 1824 году в альманахе «Мнемозина» появляется статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», где последний резко выступал против возобладавшей, по его мнению, в русской поэзии элегической традиции, подражательной Западу и приравниваемой к «романтизму». «Антигероями» статьи назначались, прежде всего, Жуковский, а также Пушкин и Баратынский. Жуковский же, по Кюхельбекеру, в своих элегиях следовал главным образом Шиллеру: «Жуковский первый у нас стал подражать *новейшим* немцам, преимущественно Шиллеру». Таким образом, Шиллер для «архаиста» Кюхельбекера становился типичным европейским «элегиком»³, а далее дерзко объявлялся (вместе с Байроном!) неоправданно переоцененным.

Пушкин отнесся к этой статье серьезно и признал ее правоту в критике шаблонов элегической традиции [Тынянов 1968: 102–104], но отверг призыв вернуться к высоким жанрам классицизма. Мы помним, что отступление о статье Кюхельбекера вводится при упоминании о «текущих рекой» элегиях Ленского. Это подтверждает, что Пушкин, вслед за Кюхельбекером, прямо связывал Шиллера с переводами Жуковского и элегической традицией, что и повлияло на формирование образа Ленского, особенно в сочиненной от его имени предсмертной элегии.

Однако Пушкин мог воспринять творчество Шиллера не только в переводах Жуковского (в меньшей степени Батюшкова), но и по многочисленным французским переводам. Тогда круг произведений значительно расширился. Пушкин должен был представлять себе и Шиллера «Бури и натиска». Несомненно, Пушкин знал драму Шиллера «Разбойники», мотивы которой обнаруживаются в «Дубровском». Как справедливо замечает Р.Ю. Данилевский, «для Пушкина наследие Шиллера в общем ассоциировалось с поэзией Жуков-

³ Насколько сильно закрепилось такое восприятие в русской культуре, можно судить по тому, как А.Н. Веселовский, исходя из контекста творчества Жуковского как «поэзии чувства и “сердечного воображения”», рассматривал Шиллера как «сентименталиста и идеалиста» [Веселовский 1918: 303].

ского; ассоциировалось, но не сливалось полностью, поскольку Пушкин умел понять и другого Шиллера — создателя “Разбойников” и оды “К Радости”. Во всяком случае, молодой Пушкин относился к романтизированному по-русски Шиллеру (а значит, к Шиллеру в переводах Жуковского десятих и начала двадцатых годов, то есть к Шиллеру-элегiku) с легкой иронией. Она улавливается в тоне записки его к Жуковскому «штабс-капитану, Гете, Грегу, / Томсону, Шиллеру привет!..» (1817–1820) и, конечно, в элегии Ленского. В отличие от многих своих современников, Пушкин не был, по видимому, окончательно убежден тем истолкованием Шиллера, которое предлагал Жуковский; он шел *через* переложения Жуковского к *своему* Шиллеру» [Данилевский 2013: 127–128].

Чтобы уточнить отношение Пушкина к Шиллеру, перейдем к рассмотрению непосредственно шиллеровских аллюзий, использованных Пушкиным при создании образа Ленского (в сочетании с французской элегической традицией и со «Страданиями молодого Вертера»). Герой с самого начала представлен полностью ориентированным на немецкую культуру: его лира воспламенена «Шиллером и Гете».

Интересно сравнить окончательный вариант экспозиции образа с его черновыми вариантами. В них гораздо сильнее акцентируется экспрессивность и страстность натуры, бунтарство и политическая ангажированность поэта, свободолюбие почти революционного характера («**Крикун**, красавец и поэт», имеющий «дух пылкой, **благородный**», и привезший из «Германии **свободной**» «немного вольные/**неосторожные** мечты», любящий «страстей кипящих бурный пир» [Пушкин 1937: 267, 268]. Почти так же воспринимали Шиллера в кругу близких Пушкину московских «любомудров». Один из них, Д. Веневитинов, писал в 1827 году о Шиллере как о певце «пламенного, всегда необузданного восторга» [Веневитинов 1956: 144]. «Вольнолюбивые» мотивы звучат в большинстве драм Шиллера: помимо уже упоминавшихся «Разбойников», это «Заговор Фиеско в Генуе», «Дон Карлос», «Вильгельм Телль», где в той или иной форме звучат призывы к свержению тирании. В дальнейшем тексте «Евгения Онегина» «вольнолюбие» Ленского развития не получает.

В окончательном варианте бунтарство Ленского заметно смягчается: сохраняется «пылкость», «вольнолюбивые мечты, всегда восторженная речь», однако теперь он «**поклонник Канта** и поэт», наделенный «духом пылким и довольно **странным**», в то время как Германия уже названа «**туманной**» (туман в статье Кюхельбекера — неизбежная принадлежность элегического пейзажа).

Весьма характерна эволюция VII строфы 2-й главы:

Черновой вариант:

Он сердцем милый был невежда
Его лелеяла надежда
[И] мира новый блеск <и> шум
Обворожили юный ум —
Он [ведал] труд и вдохновенье
И освежительный покой
К чему то жизни молодой
Неизъяснимое влечение,
Страстей [кипящих] буйный пир
И [бури их] и сладкий мир...

[Пушкин 1937: 267]

Окончательный вариант:

Он сердцем милый был невежда,
Его лелеяла **надежда**,
И мира новый блеск и шум
Еще пленяли юный ум.
Он **забавлял мечтою сладкой**
Сомненья сердца своего;
Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.

[Пушкин 1937: 34]

В контрасте с предыдущей, VI строфой, где говорилось о «воль-нолюбии» поэта, здесь живописуется его наивность и идеализм, теплота сердца и любовь к людям. Опять характерно направление переработки текста: убираются «бури» и «страстей [кипящих] буй-ный пир», а спокойная ясность ума («труд и вдохновенье / И осве-жительный покой») и философическое «К чему то жизни молодой / Неизъяснимое влечение» заменяется *забавами сладкой мечтатель-ности*, в результате образ сильно приближается к «сентименталь-ному» Шиллеру в прочтении Жуковского (эпитет *сладкий* — один из излюбленных Жуковским), в контексте переведенных последним “Die Ideale” («Мечты»): именно со строками оттуда, рисующими первоначальный юношеский порыв мысли и чувства (до разочаро-вания), полностью согласуются горячие и пытливые сердечные ис-кания Ленского⁴. Одновременно появляется иронический тон, от-носящийся к мечтателю а la Жуковский («Над ней он **голову ломал** / И чудеса **подозревал**»), который в 6 главе приобретет окончательную отчетливость в предсмертной элегии поэта.

Таким образом, мы можем проследить, как Пушкин при работе над текстом «сдвигает» образ Ленского в сторону прекраснодушно-го мечтателя (высмеянного Кюхельбекером). Создается ощущение, что автор хочет учесть все устоявшиеся интерпретации фигуры Шиллера, сталкиваясь с их несогласованностью между собой, вслед-

⁴ Ср.: «И неестественным стремленьем / Весь мир в мою теснился грудь; / Картиной, звуком, выраженьем / Во всё я жизнь хотел вдохнуть. / И в нежном се-мени сокрытой, / Сколь пышным мне казался свет. <...> // Как бодро, следом **за мечтою / Волшебным очарован сном**, / Забот не связанный уздою, / Я жизни пол-летел путем. / Желанье было — исполнение; / Успех отвагу пламенил: / Ни высота, ни отдаленье / Не ужасали смелых крыл» [Шиллер 1901: 377]. Выделенные нами строки прямо перекликаются с «мечтою сладкой» у Ленского. Здесь и далее тек-сты Шиллера в русских переводах приводятся по собранию сочинений Шиллера в четырех томах под редакцией С.А. Венгерова (СПб., 1901–1902).

ствие чего образ заметно варьируется от строфы к строфе. По мнению В.Э. Вацура, образ Ленского выстроен по шиллеровской концепции “Schöne Seele” (нем. «прекрасная душа», питающая естественную сердечную склонность к добродетели, а не принуждаемая к ней кантовским *долгом*), которой должна была быть свойственна сентиментальная мягкость, чувствительность и эмоциональная открытость. Позднее «движение “Бури и натиска” противопоставило сентиментализму принцип “полноты сердца”», «резко отвергая предшествующий сентиментальный тип “прекрасной души”»; они требовали от поэзии изображения силы и страсти» [Вацура 1994: 35]. Примечательно, что творческая мысль Пушкина в данном случае двигалась в «обратную сторону», может быть, склоняясь к более привычному типу.

Обратим внимание также на строку «Его лелеяла надежда», которая несколько необычна по своему синтаксису: не указано, *на что* направлена «надежда», так что слово получает самодостаточность как полноценный концепт. Это позволяет видеть в нем отсылку к одноименному шиллеровскому стихотворению (“Die Hoffnung”, 1797). В нем есть строки, точно передающие содержание 5–12 строк данной VII строфы — упования Ленского на высокое назначение человечества. Прочитаем перевод М. Дмитриева (публ. «Вестник Европы» 1820, № 12) который мог быть знаком Пушкину:

Довольно о лучших, о будущих днях
Все люди твердят и мечтают:
Бегут и плывут, и летят на крылах
И к **цели** златой спешают!⁵
Стареет? и вновь молодеет сей свет,
А смертный с **Надеждой** — все лучшего ждет!
<...> То громкий глас сердца, вещающий нам,
Что к лучшему мы сотворены...

[Шиллер 1901: 433]

Шиллеровские мотивы отчетливо звучат и в следующих строфах, где раскрывается мировоззрение Ленского — его святая вера в идеалы *дружбы, любви и искусства*. Само слово «идеал», один из ключевых концептов, разрабатываемых Шиллером в лирике и философии, в одном из вариантов завершало X строфу, посвященную поэтическому творчеству Ленского [Пушкин 1937: 273], но затем исчезло. Вместо этого появилось пародийное перечисление мотивов

⁵ Выражение «к цели златой» является точным переводом шиллеровской строки: “Nach einem glücklichen goldenen **Ziel**”, поэтому употребление Пушкиным слова «цель» в одном контексте со словом «надежда» представляется не случайным.

сентиментальных элегий, якобы сочиняемых поэтом («Он пел разлуку и печаль, / И нечто, и туманну даль, / И романтические розы; <...>/ Он пел поблеклый жизни цвет, / Без малого в осьмнадцать лет»). Здесь Пушкин мог иметь в виду вторую часть песни «Мечты» Жуковского как перевод “Die Ideale” Шиллера, где поэт признается в «измене» первоначальных кумиров: Любви, Счастья, Истины и Славы:

Украдкой Счастье сокрылось;
Изменой Знание ушло;
Сомненья тучей обложилось
Священной Истины чело.
Я зрел, как дерзкою рукою
Презренный Славу похищал;
И быстро с быстрою весною

Прелестный цвет Любви увял.
И всё пустынно, тихо стало
Окрест меня и предо мной!
Едва Надежды лишь сияло
Светило над моей тропой.

[Шиллер 1901: 377]

При этом в последующих строфах говорится о том, что Надежда, Труд, и Дружба продолжают поддерживать шиллеровского героя. Таким образом, многочастное философское стихотворение “Die Ideale” по своему содержанию оказывается гораздо обширней и глубже «унылой» элегии в духе «Падения листьев» Мильвуа и предопределяет некоторую непоследовательность в развитии образа «шиллерянца» Ленского.

Идеалист Ленский «по-шиллеровски» верит во всё то, что отрицает «байронист» Онегин. Прежде всего, в святость истинной дружбы: «Он верил, что друзья готовы / За честь его приять оковы, / И что не дрогнет их рука / Разбить сосуд клеветника».

Набоков справедливо пишет, что здесь имеется в виду баллада Шиллера «Порука» [Набоков 1999: 255–256], в которой тиран Сиракуз приговаривает Дамона к распятию, но тот просит отпустить его на три дня, оставляя за себя в залог друга Пифия. Пифий добровольно следует в темницу, а потом, когда Дамон запаздывает, идет вместо него на казнь. Дамон возвращается в последний момент, спасая Пифия, и тиран, умилившись столь самоотверженной верной дружбе, прощает обоих и просит их принять его в их союз третьим. Также стоит назвать драму «Дон Карлос», где Маркиз Поза берет на себя вину Дон Карлоса, идет вместо него под арест и в конце концов гибнет ради спасения друга⁶.

⁶ Правда, в драмах Шиллера самая преданная дружба может быть «принесена в жертву» ради высших идеалов свободы. Так, вначале сам маркиз Поза фактически предает Карлоса и велит его арестовать, чтобы заставить друга отказаться от любви к королеве в пользу миссии освобождения Нидерландов. В «Заговоре Фиеско в Генуе» Веррина, сокрушаясь всем сердцем, убивает лучшего друга Фиеско, собравшегося сделаться диктатором Генуи. Таким образом, перед нами опять пример того, как романтизм Шиллера сопротивляется упрощенным трактовкам.

Описывая Ленского, Пушкин верно передает общий высокий настрой Шиллера, у которого любовь и дружба трактуются философски как дарующие бессмертие и возносящие человека до богов. В известном стихотворении Шиллера “Die Freundschaft”, отрывком из которого Гегель завершил свою «Феноменологию духа», *дружба* провозглашается силой, сотворившей мир и направляющей его к совершенству⁷. Священный союз становится для друзей смыслом и преображением жизни.

О, не та же ль мировая сила
И меня, мой друг, соединила
В вечно-счастливый союз с тобой?
О, Рафаэль! пусть рука с рукою
К солнцу духа я всегда с тобою
К совершенству путь свершаю
свой!
Я нашел тебя, о, час счастливый!

Из миллионов выбрал — и ревниво
Говорю: ты из миллионов мой!
Пусть настанет света преставленье,
Пусть все будет хаос и смешенье —
Ввек пребудет наш союз святой!
Не в твоих ли взорах, добрый гений,
Собственных желаний и стремлений
Отражение вижу я?

[Шиллер 1901: 17]

Приведенный нами русский перевод Ф. Миллера был напечатан в 1857 г., но Пушкин мог ознакомиться с французскими переводами или воспринять общий пафос и философию дружбы Шиллера из бесед с друзьями, прежде всего с тем же Кюхельбекером.

Не менее сакральной для Шиллера была *любовь*. Воодушевление ею Ленского описывается Пушкиным в той же VIII строфе с еще более откровенной иронией. Безоглядная идеализация Ленским Ольги объясняется не столько ее реальными достоинствами, сколько желанием поэта обрести предмет для поклонения. Пример такого чувства герой мог взять в гимне «Торжество любви» (“Der Triumph der Liebe”, 1781) Шиллера или в его одах к Лауре. Стоит заметить, что, по свидетельству биографов Шиллера, роман с Лаурой (Луизой Фишер, у которой юный поэт снимал комнату) существовал скорее в пылком воображении Шиллера, вдохновлявшегося идеалом любви [Сафрански 2007: 123–125]. Так что Ленский, боготворя Ольгу, вполне следовал идеализму своего кумира и романтическому культу любви. В «Торжестве любви» рефреном повторяется тезис:

Счастливы любовью
Боги! — не любовью ль
Мы равны богам?

⁷ Как утверждает в финальной строфе «Дружбы», именно одиночество сподвигло Демиурга сотворить мир духов по своему образу и подобию: «Одинок был сам Отец творенья, / И — своих же качеств отраженье / Он духам бессмертным передал» [Шиллер 1901: 17].

С нею рай светлее;
С нею мир подлунный
Небом светит нам!

(пер. С. Шевырева 1827 г.)
[Шиллер 1901: 377]

Мысль Ленского о взаимной предназначенности Богом любящих друг другу («Он верил, что душа родная / Соединиться с ним должна, / Что, безотрадно изнывая, / Его вседневно ждет она») находит близкое созвучие в оде Шиллера «Тайна воспоминания (Лауре)» («Das Geheimnis der Reminiszenz. An Laura», 1781), навеянной «Пиром» Платона, где источник истинной любви возводится к «правечному» небесному единству двух душ, разделенных на Земле и жаждущих слияния, дабы составить вместе единую божественную «двоицу»:

Не в луче ль погасших звезд с тобою	<...> Мы — обломки дивного начала,
Были мы единою душою,	И не зная удовлетворенья,
Жизнию одною?	Ненасытно в нас живет влечение:
Да, мы были — внутренне была ты	К Божеству стремление.
В тех зонах (им же нет возврата)	От того-то вся преданность сча-
Связана со мною... <...>	стью —
В существе, соединенном тесно,	Вечно лнуть к устам с безумной
Взором вещим я прочел чудесно:	страстью,
Мы единым Богом неизменно,	Эта жажда пить твое дыханье,
Творческою силой вдохновенной	Слить с твоим свое существованье
Были во вселенной.	В вечное лобзанье.

[Шиллер 1901: 22]

Третий, и самый действенный для Шиллера путь обожествления человека — это художественное творчество: гений равен бессмертным богам, и силой искусства низводит, как небесную богиню, на Землю Красоту, преображающую уже все человечество, и ведет его за собой в высшие сферы. Для Шиллера «красота есть воплощенная истина: всякая духовная культура имеет источником чувство красоты, и высшее совершенство искусства есть цель культурного развития»⁸. Цивилизующую и спасительную роль искусства Шиллер постулирует в своем трактате «Об эстетическом воспитании человечества» и в целом ряде программных стихотворений — «Художники» («Die Künstler»), «Счастье» («Das Glück»), «Идеалы и жизнь» («Das Ideal und das Leben»), «Власть песнопения» («Die Macht des Gesanges»). Торжественно и высокопарно звучащее восхваление по-

⁸ Венгеров С.А. Примечания к оде «Художники» (Шиллер т. I, с. 366).

этических гениев в VIII строфе 2-й главы отсылает к шиллеровским эстетическим концепциям: «Что есть **избранные судьбами**, / Людей священные друзья; / Что их **бессмертная** семья / Неотразимыми лучами, / Когда-нибудь, нас озарит / И мир **блаженством** одарит». В.Э. Вацуро видит в этих строках прямое отражение оды «К Радости» [Вацуро 1994: 34]. Но гораздо ближе к ним по содержанию шиллеровские стихи, непосредственно посвященные метафизике искусства и творчества.

Так, в переведенном Жуковским шиллеровском стихотворении «Счастье» говорится об избранности «еще до рождения любимых» богами гениев, блаженству которых не нужно завидовать, ибо они служат *красоте* и исполняют высшую цель всего человечества. Отчетливо звучит мотив *обожествления* художников, как античных героев, при жизни удостоившихся бессмертия:

Не сетуй, что дар песнопенья с Олимпа на избранных сходит;
Что сладкий певец вдохновеньем невидимой арфы наполнен:
Скрывающий бога в душе претворен и для внимлющих в бога;
Он **счастлив** собою — ты, им наслаждаясь, блаженствуй.
Пускай пред зеркалом Фемиды венок отдается заслуге —
Но радость лишь боги на смертное око низводят.
Где не было чуда, вотще там искать и **счастливец**.

[Шиллер 1901: 118]

Ленский, вслед за Жуковским и Шиллером, возносит «бессмертную семью» гениев до богов (отсюда ироническое выражение «людей священные друзья» — то есть уже преодолевшие тленное человеческое естество). Впоследствии у Пушкина перефразирует Шиллера Моцарт: «Нас мало избранных, **счастливец** праздных, <...> единого прекрасного жрецов».

Явно перекликается с шиллеровским «Счастьем» фрагмент следующей IX строфы:

И Муз возвышенных искусства,
Счастливец, он не постыдил:
Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы **девственной** мечты
И прелесть важной **простоты**⁹.

Ср. строки из перевода Жуковского:

⁹ Призыв вернуться в искусстве к простоте природы теоретически обосновывается в «Письмах об эстетическом воспитании человечества» Шиллера: «Характер времени должен подняться из своего глубокого унижения, избавиться, с одной стороны, от слепого насилия природы, с другой — возвратиться к ее простоте, истине и изобилию» [Шиллер 1901: 303].

«Бессмертные в славе чудесной себя открывают:
Им мил **простоты** непорочны **девственный** образ».

[Шиллер 1901: 118]

Повторяющийся эпитет «возвышенный» («муз **возвышенных** искусство», «всегда **возвышенные** чувства») отсылает читателей к ключевому для эстетики Шиллера понятию *возвышенного* (см. трактат «О возвышенном»).

Метафора «неотразимых лучей», которыми гении «озаряют» человечество, многократно встречается в знаменитой оде Шиллера «Художники», где красота именуется «дивной богиней света», «сияющей с солнечного трона», открывая истину назначения человечества¹⁰: «Лишь **светлыми** прекрасного вратами / В мир чудный знания вступишь ты; / Чтob **высший блеск** **снести очами**, / Постигни прелесть красоты» [Шиллер 1901: 37]¹¹.

Таким образом, описание идеалов Ленского целиком движется в русле философии и творчества Шиллера. Разумеется, не все перечисленные нами параллели могли быть осознанно проведены Пушкиным, однако сама их плотность и разнообразие свидетельствуют о том, насколько детально Пушкин ориентировался в творчестве Шиллера и как систематически выстраивал на шиллеровских мотивах образ своего героя.

При этом восторженность и идеализм мировоззрения Ленского противоречат описанию в соседствующей строфе его меланхолического «псевдоромантического» творчества, в духе критики Кюхельбекером элегической традиции Жуковского.

Далее по ходу романа «псевдоромантическая» интерпретация Шиллера получает решительное преобладание, когда в шестой главе перед дуэлью Ленский, открыв «при свечке Шиллера», сочиняет «унылую» элегию, состоящую из ставших шаблонными метафор русской и французской элегической поэзии, а по завершении ее засыпает «на модном слове *идеал*». Это дало возможность коммента-

¹⁰ Ослепительный свет *красоты*, через приобщение к которой гении ведут человечество к познанию истины, восходит к философии Платона, в диалоге «Государство» описывающего выход из пещеры к ослепительному свету красоты и истины. Отсюда следующее воззвание к «художникам» в оде Шиллера: «Ведите же его таинственной стезей / Чрез формы чистые, чрез звуков мир чистейший / Все к высшим высотам, все в красоте полнейшей / По чудной лестнице поэзии святой, / Чтob на конце времен еще порыв живой, / Еще одно святое вдохновенье — / И человек повергся в упоенье / В объятья истины самой» [Шиллер 1901: 41].

¹¹ «Художники» цитируются нами в переводе Д.Е. Мина 1857 г. При жизни Пушкина из этой оды была переведена только одна строфа Шевыревым в 1827 году (то есть уже после написания II главы «Евгения Онегина»). Но, поскольку это одно из самых известных и программных стихотворений Шиллера, можно предположить знакомство Пушкина с ним во французских переводах.

торам связать стихотворение героя с уже упоминавшейся нами элегией Шиллера “Die Ideale” («Мечты. Песня» в переводе Жуковского), в первой же строфе которой присутствуют строки: «О дней моих весна златая, / Постой... тебе возврата нет» [Шиллер 1901: 377]¹², очевидным образом перекликающиеся с началом стихов Ленского: «Куда, куда вы удалились, / Весны моей златые дни?» [Набоков 1999: 598; Лотман 2000: 675]. Сопровождаются стихи уничижительным комментарием Автора, с повторением критики Кюхельбекера: «Так он писал *темно* и *вяло* / (Что романтизмом мы зовем, / Хоть романтизма тут ни мало / Не вижу я; да что нам в том?)».

У Шиллера действительно есть целый ряд стихов, перекликающихся по сюжету и мотивам с элегией Ленского — о безвременной кончине юноши и/или скорби близких на могиле: «Амалия» (“Amalia”), «Над свежей могилой» (“Eine Leichenphantasie”), «Элегия на смерть юноши» (“Elegie auf den Tod eines Jünglings”), «Беглец» (“Der Flüchtling”), «Отречение» (“Resignation”), «Жалоба девушки» (“Des Mädchens Klage”). Однако при ближайшем рассмотрении видно, что стихотворение Ленского ближе скорее сентиментальному «Паденью листьев» Мильвуа или «Певцу» Жуковского по тону тихой грусти и смирению перед неизбежным. Разработка темы Шиллером отличается и экспрессивностью, и усложненным построением на контрастах частей: тут и ужас перед смертью («Над свежей могилой»), и переход от ледяного отчаяния к гимну о Воскресении («Элегия на смерть юноши»), и дерзкий вызов Высшим Силам («Отречение»).

Особенно показательно в этом отношении стихотворение «Беглец», которое так же, как и элегия Ленского, написано от лица героя, готовящегося к смерти:

О, взойди, утренняя заря, и окрась	Блеснет завтра луч денницы
В пурпур своим поцелую луг и долину,	И заиграет яркий день;
<...> Ах, утро — ты озаришь розовыми	А я — быть может, я гроб-
лучами	ницы
Луг смерти. И ты — Ах! — вечерняя заря,	Сойду в таинственную сень...
Погрузишь меня в долгий сон ¹³ .	

При внешней схожести мотивов, разница состоит в том, что герой Шиллера сам решил уйти из мира, подобно гетевскому Вер-

¹² У Шиллера первая строфа звучит: “So willst du treulos von mir scheiden / Mit deinen holden Phantasien, / Mit deinen Schmerzen, deinen Freuden, / Mit allen unerbittlich fliehn? / Kann nichts dich, Fliehende, verweilen, / O! **meines Lebens goldne Zeit?**” [Schiller 1943: 234].

¹³ “Steig empor, o Morgenroth, und röthe / Mit purpurnem Kusse Hain und Feld, / Säusle nieder Abendroth und flöte / Sanft in Schlummer die erstorb'ne Welt. / Mor-

теру. Поэтому он и назван «беглецом». Так наглядно демонстрируется психологическое различие между реальным Шиллером и его условной проекцией в спорах русской литературной среды середины 1820-х годов.

Важно также отметить, что, спародировав на примере Ленского традицию «унылой» элегии, автор неожиданно дает в качестве лирических отступлений одну за другой две похожие элегии от себя, так же жалея в них «о *прежнем*, о *былом*» — о рано ушедшей молодости с ее «сладкими» мечтами. Это завершающие XLIV–XLVI строфы 6-й главы («Познал я глас иных желаний...» и т. д.), будто в память об ушедшем Ленском, и далее II–III строфы новой, 7-й главы («Как грустно мне твое явленье...»). Автор будто свидетельствует, во-первых, что тематическое ядро элегической традиции всегда останется лирически актуальным; во-вторых, что объектом пародии был не сам Шиллер и даже не Жуковский, но их многочисленные эпигоны.

Вновь «высокие» шиллеровские темы звучат в своеобразном некрологе Ленскому в XXXVI–XXXVII строфах шестой главы («Друзья мои, вам жаль поэта...» и т. д.). Из арсенала шиллеровской фразеологии опять извлекается и «благородное стремление и чувств и мыслей молодых», и дразнящий воображение «призрак жизни неземной», и «святая тайна» творчества, и «животворящий глас» гения, который должен был служить «благу мира» и снискать «благословение племен». На сей раз иронии по поводу «идеалов» почти не ощущается, зато она заключена в противопоставлении «высоким» строфам последующей нарочито сниженной XXXVIII строфы («А может быть и то: поэта / Обыкновенный ждал удел...»).

Подведем некоторые итоги.

Зачастую трудно выделить конкретно шиллеровские мотивы из широкого общеромантического контекста, который вобрал в себя образ Ленского, но бесспорно их наличие и доминирование.

При создании образа Ленского получили отражение две противоречащие друг другу концепции восприятия Шиллера в русской культуре 1820-х годов: «возвышенная» идеалистическая (основанная на философском и «бунтарском» содержании *Sturm und Drang*) и «псевдоромантическая» элегическая. При этом сам Автор, очевидно, их до конца не разделяет и не противопоставляет, актуализируя при необходимости ту или другую. Проекция обеих в романе варьируется от иронического снижения до сочувственного приятия, что, наряду с их латентным конфликтом между собой, создает диалек-

gen — ach! du röthest / Eine Todenflur, / Ach! und du, o Abendroth umflötest / Meinen langen Schlummer nur” [Schiller 1943: 120]. Мы даем подстрочник, точнее отражающий текст, чем переводы XIX в.

тическую напряженность образа Ленского. Именно шиллеровские мотивы придают данному образу глубины.

И в случае Ленского, и в случае Онегина зачастую трудно до конца определить, где ирония Автора относится к самим героям, а где — в целом к культурной традиции и идеям, носителями которых они являются. Однако Шиллеру *напрямую* Пушкин не дает однозначно отрицательных оценок, которые позволяет себе по отношению к Байрону¹⁴. Не будем забывать также, что, в отличие от Онегина, Ленский близок Автору как *поэт*. Из очевидного сочувствия и сопереживания Автора Ленскому следует, что, несмотря на преобладание в романе байроновского идейно-художественного контекста и кажущуюся иронию Автора в отношении шиллеровской традиции, она представляла собой для Пушкина значимый возможный ориентир для развития русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.
2. Веневитинов Д.В. Избранное. М., 1956.
3. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918.
4. Веселовский Ю.А. Шиллер как вдохновитель русских писателей // Веселовский Ю. Литературные очерки. М., 1910. Т. 2. С. 1–18.
5. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974.
6. Данилевский Р.Ю. Русский образ Фридриха Шиллера. К двухсотлетию со дня смерти поэта // Русская литература. 2005. № 4. С. 3–20.
7. Данилевский Р.Ю. Фридрих Шиллер и Россия. СПб., 2013.
8. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 2000. С. 472–762.
9. Набоков В.В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Пер. с англ. под ред. А.Н. Николюкина. М., 1999.
10. Полевой Н. Очерки русской литературы: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1839.
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 6. М.; Л., 1937.
12. Сафрански Р. Шиллер, или Открытие немецкого идеализма. М., 2007.
13. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1968.
14. Фукс-Шаманская Л.П. Фридрих Шиллер и русский шиллеризм. Рецепция творчества Фридриха Шиллера в России 1800–1820 годов. М., 2009.
15. Шиллер Ф. Собрание сочинений в 4 т. под ред. С.А. Венгерова. Т. I. СПб., 1901.
16. Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.
17. Schillers Werke: National-Ausgabe. In 43 Bänden. B. I. Weimar, 1943.

REFERENCES

1. Vacuro V.E. *Lirika pushkinskoj pory. «Elegicheskaya shkola»* [Lyrics of Pushkin's time. The "Elegiac School"]. St. Petersburg, 1994. 240 p. (In Russ.)

¹⁴ Ср. XII строфу 3-й главы: «Лорд Байрон прихотью удачной / Облек в унылый романтизм / И безнадежный эгоизм».

2. Venevitinov D.V. *Izbrannoe* [Selected Texts]. Moscow, 1956. 259 p. (In Russ.)
3. Veselovskij A.N. V.A. Zhukovskij: *Poeziya chuvstva i «serdechnogo voobrazheniya»* [V.A. Zhukovsky: Poetry of feeling and “heart imagination”]. Petrograd, 1918. (In Russ.)
4. Veselovskij Yu.A. Shiller kak vdohnovitel’ russkih pisatelej [Shiller as the inspirer of Russian writers] // Veselovskij Yu. *Literaturnye ocherki* [Literary essays]. Moscow, 1910. Vol. 2, pp. 1–18.
5. Ginzburg L.Ya. *O lirike* [On lyrics]. Leningrad, 1974. (In Russ.)
6. Danilevskij R.Yu. *Russkij obraz Fridriha Shillera. K dvuhsotletiyu so dnya smerti poeta* [The Russian image of Friedrich Schiller. To the bicentennial of the poet’s death]. *Russkaya literatura*. № 4, 2005. pp. 3–20. (In Russ.)
7. Danilevskij R.Yu. *Fridrih Shiller i Rossiya* [Friedrich Schiller and Russia]. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)
8. Lotman Yu.M. Roman A.S. Pushkina «*Evgenij Onegin*». *Kommentarij* [A.S. Pushkin’s novel “Eugene Onegin”. Comments]. Lotman Yu.M. Pushkin. St. Petersburg, 2000, pp. 472–762. (In Russ.)
9. Nabokov V.V. *Kommentarii k «Evgeniyu Oneginu» Aleksandra Pushkina* [Comments on “Eugene Onegin” by Alexander Pushkin]. Moscow, 1999. 1008 p. (In Russ.)
10. Polevoj N. *Ocherki russkoj literatury: v 2 ch.* [Essays of Russian literature: in 2 Parts]. Part 1. St. Petersburg, 1839 (In Russ.)
11. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t.* [Complete works: In 16 vol.]. Vol. 6. Moscow, Leningrad, 1937 (In Russ.)
12. Safranski R. *Shiller ili Otkrytie nemeckogo idealizma* [Schiller or The Discovery of German idealism]. Moscow, 2007 (In Russ.)
13. Tynyanov Yu.N. *Pushkin i ego sovremenniki*. Moscow, 1968. (In Russ.)
14. Fuks-Shamanskaya L.P. *Fridrih Shiller i russkij shillerizm. Recepciya tvorchestva Fridricha Shillera v Rossii 1800–1820 godov* [Friedrich Schiller and Russian Schillerism. Reception of Friedrich Schiller’s work in Russia in 1800–1820]. Moscow, 2009. (In Russ.)
15. Shiller F. *Sobranie sochinenij v 4 t.* [Works in 4 Vol.]. Edited by S.A. Vengerov. Vol. I. St. Petersburg, 1901. (In Russ.)
16. Etkind E.G. *Russkie poety-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina* [Russian poets-translators from Trediakovsky to Pushkin]. Leningrad, 1973. 247 p. (In Russ.)
17. Schillers Werke: National-Ausgabe. In 43 Bänden. Weimar: Verlag Hermann Böhlaus. Band I. 1943.

Поступила в редакцию 08.02.2024

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 08.02.2024

Accepted 13.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Криницын Александр Борисович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; derselbe@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexandr Krinitsyn — Prof. Dr., Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; derselbe@list.ru

«ПУШКИНСКОЕ» В ПОЗДНЕМ ЧЕХОВЕ

С.А. Кибальник

Институт русской литературы РАН; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; kibalnik007@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена значению Пушкина для позднего Чехова. В отличие от значения его для раннего и зрелого Чехова, оно усматривается не просто в использовании пушкинских образов с целью расширения художественного словаря писателя. Речь здесь идет также о существенной ориентации на Пушкина в области реинтерпретации классических художественных тем — в частности, темы подлинной и мнимой любви, намеченной Львом Толстым в «Анне Карениной». Поскольку в образе главного героя чеховской пьесы «Три сестры» барона Тузенбаха есть отчетливо различимые черты автора, здесь можно усмотреть проявление того, что, будучи смертельно больным в последние годы своей жизни, Чехов иногда находил опору во внутреннем сопоставлении своей судьбы с пушкинской. Одновременно в своем позднем творчестве он все более опирался на пушкинскую трактовку некоторых художественных тем. Так, например, характер решения Чеховым темы любви в его поздних рассказах содержит отчетливую отсылку к хрестоматийным пушкинским стихотворениям и поэмам о преобразующем воздействии любви на душу человека. Тем самым, например, образ Гурова из чеховской «Дамы с собачкой» оказывается соотнесен с героями русской литературы, испытывавшими подобное преобразование: от Евгения Онегина до Федора Лаврецкого и Константина Левина. Благодаря подобным прямым реминисценциям из Пушкина, рассказ приобретает особые качества. И становится понятно, что он написан с отчетливой опорой на эстетику «преобразования человека», общую для всей русской классики, — от Пушкина до Тургенева, Достоевского и Толстого.

Ключевые слова: Чехов; Пушкин; «пушкинское»; «Три сестры»; Тузенбах; прототип; Гурзуф; «Дама с собачкой»; «Анна Каренина»; Л.Н. Толстой; «Каменный гость»; «Андреа»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-4

Для цитирования: Кибальник С.А. «Пушкинское» в позднем Чехове // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 56–62.

“PUSHKIN FEATURES” IN THE LATE CHEKHOV

Sergey Kibalnik

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences;
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; kibalnik007@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the significance of Pushkin for the late Chekhov. In contrast to the early and mature Chekhov, it is manifested not simply in the use of Pushkin's images to enrich the writer's artistic vocabulary. In his later years, Chekhov also correlated his own fate with Pushkin's and turned to Pushkin to re-interpret classical themes of literature, in particular, the theme of real and imaginary love, outlined by Leo Tolstoy in *Anna Karenina*.

Keywords: Chekhov; the late Chekhov; Pushkin; Tuzenbakh; prototype; Gurzuf; “The Lady with the Dog”; *Anna Karenina*; Leo Tolstoy; *The Stone Guest*; “Angelo”

For citation: Kibalnik S. (2024) “Pushkin Features” in the Late Chekhov. *Lo-monosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 56–62.

Пушкин для Чехова значил, конечно же, немало. И об этом уже немало написано (см., напр.: [Чеховиана 1998]).

По всей вероятности, особое значение Пушкин приобрел в глазах позднего Чехова. С одной стороны, обстоятельства личной жизни то и дело давали ему хотя и немногочисленные, но все же поводы для внутреннего сопоставления их с судьбой Пушкина. С другой стороны, эстетика Пушкина все более открывалась Чехову как вечные законы искусства, которые неожиданным образом оказывались непреложными и для его, казалось бы, совсем иной эпохи.

1. Тузенбах и Пушкин

Пьесу «Три сестры» Чехов начал писать в таком «пушкинском» месте, как Гурзуф. Там он приобрел маленькую дачу на слегка изогнутом берегу моря, по-видимому, вызывавшем у него ассоциации с пушкинским «лукоморьем».

В том числе и поэтому чеховская Маша то и дело повторяет знаменитые пушкинские строки:

«У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...»¹

Неподалеку от чеховской дачи была так называемая «пушкинская скала». Чехов поминал о ней сестре Марье Павловне с самого момента своей покупки: «Я купил кусочек берега с купаньем и **Пушкинской скалой** около пристани и парка в Гурзуфе. Принадлежит нам теперь целая бухточка, в которой может стоять лодка или катер» [Чехов, П. 9, 14].

¹ Здесь и далее выделено полужирным мной. — С.К.

В 15 минутах ходьбы от чеховской дачи, в Гурзуфском парке, расположена дача герцога А.-Э. Ришелье, на которой Пушкин с семьей генерала Н.Н. Раевского провел три «счастливейших в его жизни» недели в 1820 году.

В конце мая 1899 года, когда Чехов обдумывал новую пьесу, в России отмечалось столетие со дня рождения Пушкина. В печати появлялось множество документов, относящихся к истории его последней дуэли.

Из ряда этих публикаций следовало, что дуэль Пушкина с Дантесом можно было предотвратить. А между тем даже ближайшие друзья так ничего и не сделали.

Может быть, именно в истории дуэли Пушкина Чехов и нашел зерно центральной коллизии «Трех сестер». Это равнодушие, пресловутое чебутыкинское «все равно», увы, так многое объясняющее в истории русской общественной жизни...

Предположение тем вероятней, что в судьбе Пушкина особую роль также сыграли «три сестры» — сёстры Гончаровы...

Так что же, барон Тузенбах — это Пушкин? Нет, конечно! Но сюжетную развязку пьесы, по-видимому, отчасти определили размышления Чехова о том, как **всеобщее попустительство привело к гибели первого поэта России...**

Разумеется, Пушкин — это лишь один из возможных прототипов Тузенбаха. Между тем есть у него и другие прототипы. Однако Пушкин среди них далеко не наименее значимый. Поскольку в то же время в Тузенбахе есть и отчетливо различимые черты автора (см.: [Кибальник 2023: 69–70]), можно предположить, что, будучи смертельно больным в последние годы своей жизни, Чехов иногда находил опору во внутреннем сопоставлении своей судьбы с пушкинской.

2.

Рассказ «Дама с собачкой» (1899) довольно прозрачным образом связан с романом Льва Толстого «Анна Каренина». Отношения между Гуровым и Анной Сергеевной складываются вначале как обычный курортный роман. И этим с самого начала напоминают отношения Вронского с Анной.

Отношения этих героев Толстого в каком-то смысле так и остаются на стадии адюльтера. Во втором томе романа Вронский и Анна даже становятся в положение раздраженных противников: «дух зла и обмана», что-то “жестокое”, “бесовское”, проступающее сквозь “прелесть” Анны на балу в Москве, “непроницаемая броня лжи”, на которую наталкивается Каренин, пытаясь вызвать Анну на откровенность <...> — все это рисует **страсть Анны как роковое на-**

важдение, а не как светлое и возвышенное чувство» [Купреянова 1964: 340–341].

Между тем отношения Гурова с Анной Сергеевной с течением времени превращаются в любовь с большой буквы: «Чехову, так сказать, не нужна была любовь как фатально действующая стихийная и разрушительная сила. Ему нужна была **любовь-благо, как сила соединяющая, гуманизирующая и возвышающая**. Любовь Гурова и “дамы с собачкой” была прежде всего делом их духовного мира» [Пруцков 1971: 241, 243].

И происходит это, во-первых, благодаря временному духовному «перерождению» Гурова, которое он испытывает под воздействием этой любви еще в Крыму: «...Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда **забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве**. <...> Совершенная праздность, эти поцелуи среди белого дня, с оглядкой и страхом, как бы кто не увидел, жара, запах моря и постоянное мелькание перед глазами праздных, нарядных, сытых людей **точно переродили его**; он говорил Анне Сергеевне о том, как она хороша, как соблазнительна, был нетерпеливо страстен, не отходил от нее ни на шаг...» [Чехов, С. 10, 134].

Неожиданно Гуров при этом начинает напоминать уже не Вронского, а влюбленных героев позднего Пушкина — например, Дон Гуана, полюбившего Донну Анну:

Дона Анна.

И любите давно уж вы меня?

Дон Гуан.

Давно или недавно, сам не знаю,
Но с той поры лишь только знаю цену
Мгновенной жизни, только с той поры
И понял я, что значит слово **Счастье**.

[Пушкин, 7: 157]

А во-вторых, благодаря тому внутреннему кризису, через который Гуров проходит позднее, уже в Москве: «Гуров **не спал всю ночь** и возмущался и затем весь день провел **с головной болью**. И в следующие ночи он **спал дурно**, все сидел в постели и думал **или ходил из угла в угол**. Дети ему **надоели, банк надоел, не хотелось никуда идти, ни о чем говорить**» [Чехов, С. 10, 137].

И этот внутренний кризис напоминает уже тот момент в жизни героя одноименной пушкинской поэмы Анджело, когда, увлекшись Изабелой, он теряет покой:

День целый Андже́ло **безмолвный и угрюмый**
Сидел, уединясь, объят одною думой,
Одним желанием; **всю ночь не тронул сон**
Усталых вежд его. <...>
Размышлять, молиться хочет он,
Но **мыслит, молится рассеянно.** Словами
Он небу говорит, а волей и мечтами
Стремится к ней одной. **В унынье погружен,**
Устами праздными жевал он имя бога,
А в сердце грех кипел. **Душевная тревога**
Его осилила. Правленье для него,
Как дельная, давно затверженная книга,
Несносным сделалось. Скучал он; как от ига,
Отречься был готов от сана своего...

[Пушкин, 5, 114–115]

Получается, что герои Чехова действительно «не потеряли себя, а нашли себя» [Пруцков 1971: 237]. Если же «самое сложное и трудное» в их жизни, тем не менее, «только еще начинается» [Чехов, С. 10, 143], то оно заключено не в самом характере их любви, как у Толстого, а в запутанных семейных отношениях, в которых они оказались вследствие совершенных ими ранее ошибок.

В последнее время в «Даме с собачкой» то и дело предлагается видеть «знакомую амбивалентность составляющей основу рассказа ситуации», при которой «с одинаковым успехом читатель может увидеть здесь и возвышенно-романтическую историю истинного чувства, и трезво-ироническое описание банальной любовной иллюзии». При этом за основание для этого выдается «сугубая субъективность представлений героя и героини: Гурову и Анне *казалось*, что они связаны какими-то мистическими узами, предназначены друг другу самой судьбой. Читатель может согласиться с этой точкой зрения, но **вправе и усомниться в ее истинности**» [Большев 2013: 39].

Однако, вопреки сказанному исследователем, кое-что в чеховском пассаже, о котором идет речь, говорится от лица автора: **«Анна Сергеевна и он любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья;** им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга, и было непонятно, для чего он женат, а она замужем; и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках. **Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, прощали всё в настоящем и чувствовали, что эта их любовь изменила их обоих»** [Чехов, С. 10, 143].

Даже если полагать, что выделенные нами места также окрашены соседствующей субъективной конструкцией: «им казалось» — если даже считать, что это опять-таки лишь чувства самих героев, то чего же еще нам нужно? Значит, герои и в самом деле любят друг друга. На чем же в таком случае могут основываться предполагаемые исследователем сомнения читателя в истинности их чувств?

Тем более что заключительные слова о том, что «эта любовь изменила их», как будто бы прямо отсылают читателя к пушкинским стихотворениям о преображающем воздействии любви на душу человека и к многочисленным героям русской литературы, испытывавшим подобное преображение: от Евгения Онегина до Федора Лаврецкого и Константина Левина. И становится понятно: рассказ написан с отчетливой опорой на эстетику «преображения человека», общую для всей русской классики, — от Пушкина до Тургенева, Достоевского и Толстого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Большев А.О. Морфология любовной истории.* СПб., 2013.
2. *Кибальник С.А. Ирина и Тузенбах (О прототипах героев чеховской пьесы «Три сестры») // Чехов в меняющемся мире: Биография, комментирование, поэтика. Сб. ст. по материалам Международной научной конференции. Великий Новгород, 22–23 сентября 2022 года. Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2023. С. 65–73.*
3. *Купреянова Е.Н. «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва Толстого // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 270–349.*
4. *Пруцков Н.И. Об одной параллели («Анна Каренина» Толстого и «Дама с собачкой» Чехова) // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 236–246.*
5. *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1949; 1959.*
6. *Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Соч.: В 18 т. Письма: В 12 т. М., 1974–1983.*
7. *Чеховиана: Чехов и Пушкин. Сборник. Вып. 7. Отв. ред. В.Б. Катаев. М., 1998.*

REFERENCES

1. *Bolshev A.O. Morfologiya liubovnoi istorii [Morphology of a love story]. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)*
2. *Kibalnik S.A. Irina i Tuzenbakh (O prototipah geroev chekhovskoi p'esy "Tri sestry"). Chekhov v meniayushchemsia mire: Biografiya, kommentirovaniye, poetika [Irina and Tuzenbakh (On the Prototypes of the Characters in "Three Sisters"). Chekhov in the Changing World: Biography, Commentary, Poetics]. Sbornik Statey po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Velikiy Novgorod, 22–23 September 2022. Yaroslav Mudry Novgorod State University. Veliky Novgorod, 2023. P. 65–73. (In Russ.)*
3. *Kupreyanova E.N. "Voina i mir" i "Anna Karenina" L'va Tolstogo ["War and Peace" and "Anna Karenina" by Leo Tolstoy]. Istoriya russkogo romana: V 2 t. Moscow; Leningrad, 1964. Vol 2. P. 270–349. (In Russ.)*

4. Prutskov N.I. Ob odnoi paralleli [On One Parallel] ("Anna Karenina" Tolstogo i "Dama s sobachkoy" Chekhova). *Poetika i stilistika russkoi literatury*. Leningrad, 1971. P. 236–246. (In Russ.)
5. Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch.: V 16 t.* [Complete Works: In 16 Vol.]. Moscow; Leningrad, 1949; 1959. (In Russ.)
6. Chekhov A.P. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete Works: In 30 Vol.]. *Soch.: V 16 t. Pis'ma: V 12 t.* Moscow, 1974–1983. (In Russ.)
7. Chekhoviana: Chekhov i Pushkin [Chekhov and Pushkin]. Issue 7. Ed. by V.B. Kataev. Moscow, 1998. (In Russ.)

Поступила в редакцию 08.02.2024

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 08.02.2024

Accepted 13.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, профессор кафедры сопоставительного изучения языков и культур Санкт-Петербургского государственного университета; kibalnik007@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey Kibalnik — Doctor of Philology, a Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Comparative Study of Languages and Cultures, St. Petersburg State University; kibalnik007@mail.ru

ПУШКИН В НОВОЙ «ЭМБЛЕМАТИКЕ» А.Е. МАХОВА

О.Л. Довгий

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; olga-dovgy@yandex.ru*

Аннотация: Статья написана на материале только что вышедшей монографии А.Е. Махова «Эмблематика: микрокосм». Пушкин входит в «личный пантеон» Махова, являясь связующим звеном между основными исследовательскими мирами ученого: эмблематикой, историей русской и европейской поэтики, историей европейского романтизма и т. д. Под пушкинским «присутствием» в книге мы понимаем не только упоминания имени Пушкина и прямые цитаты из его сочинений, но и относительно легко считываемые схождения на уровне топики. Новая книга Махова посвящена человеку как предмету европейской эмблематики XVI–XVII вв.; важное место в ней занимает исследование человеческого тела как языка эмблематики и источника знаков при создании эмблематических композитных образов. При интерпретации европейских эмблем постоянно возникают ассоциации с пушкинским творчеством — например, фигура *conciliatio* скупого богача и бедняка, выраженная в топосе «богатый беден», у русского читателя рождает параллель с пушкинским «Скупым рыцарем»; топос «напрасного бегства от любви, неизлечимости любовной болезни» — с лирикой. Примененный в статье метод чтения «сквозь призму Пушкина» позволяет посмотреть на богатый материал монографии по крайней мере в двух новых аспектах: пролить новый свет на связь Пушкина с европейской эмблематикой и еще более глубоко вписать его творчество в европейскую культурную традицию; увидеть, как пушкинское начало может служить своего рода стержнем, имманентной доминантой в интерпретациях европейских культурных реалий у многомирного ученого — каким является Махов.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; А.Е. Махов; европейская эмблематика; топка

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-5

Для цитирования: Довгий О.Л. Пушкин в новой «Эмблематике» А.Е. Махова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 63–74.

PUSHKIN IN A. MAKHOV'S NEW *EMBLEMATICA*

Olga L. Dovgy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; olga-dovgy@yandex.ru

Abstract: The article is based on the material of the recently published A. Makhov's *Emblematica: Microcosm*. Pushkin is included in the "personal pantheon" of A. Makhov, being a link between the main research worlds of the scholar: emblem studies, the history of Russian and European poetics, the history of European Romanticism, etc. By Pushkin's "presence", we mean not only mentions of Pushkin's name and direct quotations from his writings, but also more or less easily readable convergences at the topic level. Makhov's new book is devoted to man as a subject of European emblems of the 16th and 17th centuries; an important place in it is occupied by the study of the human body as the language of emblems and the source of signs, the application of the main four combinatorial operations in the creation of emblematic composite images. When interpreting European emblems, associations with Pushkin's work constantly arise — for example, the figure of the conciliation of the stingy rich and poor, expressed in the topos "rich is poor", allows a Russian reader to see a parallel with Pushkin's "The Miserly Knight"; the topos of "vain flight from love, the incurable love disease" — with his lyrics. The method of reading "through the prism of Pushkin" used in the article allows us to look at the rich material of the monograph at least in two aspects: to shed new light on Pushkin's connection with European emblems and to incorporate his work even more deeply into the European cultural tradition; to see how the Pushkin principle can serve as a kind of core, an immanent dominant in interpretations of European cultural realities by such a multi-world scholar as A. Makhov.

Keywords: A.S. Pushkin; A.E. Makhov; European emblems; topic

For citation: Dovgy O.L. (2024) Pushkin in A. Makhov's New *Emblematica*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 63–74.

«Есть здесь что-то пушкинское», — не раз приходилось слышать и произносить каждому филологу. «Что-то пушкинское» — это топос, вроде ренессансного "je ne sais que" [Махов 2010: 51]. Гипограмма этого топоса — безусловно, формула «Пушкин — наше всё». В чтении мира «сквозь призму Пушкина» параллели возникают на каком-то иррациональном уровне («что-то слышится» в топике, грамматике, синтаксисе, фонетике). Так проявляется пресловутый пушкиноцентризм.

А.Е. Махов признавал присутствие этого свойства в своих отношениях с миром. Нам уже приходилось писать о «пушкинском» в его трудах по эмблематике, истории европейской поэтики и европейского романтизма, средневековой христианской демонологии; о том, что Пушкин оказывается тем центром, вокруг которого враща-

ются такие разные научные миры ученого [Довгий 2023а; Довгий 2023b]. Тема нашей статьи не «Пушкин и эмблематика» (здесь нужны годы скрупулезной работы¹) и даже не вся эмблематика Махова, а «пушкинское» в только что вышедшей его новой книге «Эмблематика: микрокосм» [Махов 2024], посвященной человеку как предмету европейской эмблематики XVI–XVII вв. Важное место в ней занимает исследование человеческого тела как источника знаков при создании эмблематических композитных образов. О самых первых пушкинских ассоциациях, возникших при ее чтении, и пойдет речь.

Свой метод мы называем методом «ретроградного чтения» (ловим отражения более позднего в более раннем) или чтения «сквозь пушкинскую призму». «Пушкинское освещение» при таком чтении двойное: 1) пушкинские топические схождения с европейской эмблематикой (не следует забывать и про их общий литературный фон — Гораций, Овидий, Петрарка, etc., что постоянно отмечает Махов); 2) пушкинские формулы, привнесенные самим Маховым. Именно он впервые перевел на русский язык эмблемы, девизы, адагии Эразма Роттердамского, о которых идет речь в книге. А при переводе давал себя знать врожденный пушкиноцентризм: пушкинские формулы сами собой «слетают с пера». В соответствии с этими двумя «потоками света» двухчастной окажется и наша статья: в первой части представим несколько топических параллелей Пушкина с эмблематикой; во второй дадим примеры применения Маховым пушкинских формул при переводе и интерпретации эмблем.

1. «Пушкинское» в эмблематической топике

В первую часть включаем несколько топических блоков, широко разработанных в эмблематике и релевантных для Пушкина. Эти блоки представляют собой комплекс мотивов, набор ключевых слов и метафор. Принципы эмблематики — остроумие, парадоксальность, возможность одну мысль выразить разными метафорами. Мы ограничимся указанием на несколько таких блоков, видимых при первом же чтении; каждый из них может быть развернут в подробное исследование. И еще одно предварительное замечание²: у Пушкина нас будут интересовать изображения эмблематических персонажей и предметов не визуальные (вроде «дородного Амура с перевернутым факелом» или рисунка в альбоме, где изображены «Два сердца,

¹ Впервые об эмблематике Пушкина написала Л.И. Сазонова [Сазонова 1999: 510–534].

² Число предварительных замечаний превысило границы допустимого, но задуманную нами конструкцию действительно трудно отнести к числу очевидных, поэтому она нуждается в объяснительных «лесках».

факел и цветки»), а только словесные. Для подачи материала мы выбираем принцип «нисходящей объективности», или — как любил говорить сам Махов — от «скорее всего» до «едва ли».

Тождество скупости и расточительства; бедность богача

В разделе, посвященном типам эмблематического парадокса, Махов рассматривает парадокс, основанный на отождествлении противоположностей, и определяет его термином, взятым из аппарата риторики, — *conciliatio*, сближение: «*Conciliatio* происходит, когда сближаем различное: расточитель и скупой — одно и то же; ведь оба не умеют пользоваться богатством; оба грешат; оба себя позорят... *conciliatio* сближает, даже в известной мере отождествляет противоположности, и в этом плане данная фигура — антипод антитезы...» (140)³.

В той же тематической сфере очень распространено и *conciliatio* богача и бедняка. «Такое *conciliatio* становится возможным лишь в том случае, если богач одновременно и скупец, отказывающий себе в наслаждении собственными богатствами; мифологической метафорой такого скупого богача (одновременного бедняка) становится Тантал» (140). Махов дает примеры использования парадокса богатого богача в литературе (Овидий, Шекспир, Уэбстер) (142).

Подпись эмблемы Б. Ано «*Avarus inops* (Скупец беден)» начинается обращением к скупому и варьирует парадокс богатого бедняка: «...Ты беден среди многих богатств, которых не можешь коснуться; тебе неведомо, как использовать деньги: обладая богатством, ты живешь как бедняк» (142).

Для Пушкина топика скупости, во всем ее богатстве, очень важна. «Скупость врожденная и благоприобретенная во мне тревожится», — пишет Пушкин П.В. Нащокину 20 июня 1831 г. Хорошо известен Пушкину и описанный в книге Махова парадокс скупого богача. Он возникает, например, в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом»: «Я был хранитель их <«музы сладостных даров» — О.Д.> скупой...» Барон из «Скупого рыцаря», который, имея несметные богатства, «Живет в нетопленной конуре, / Пьет воду, ест сухие корки...» — высшая точка развития темы. А перевод из Барри Корнуолла 1835 г. «О бедность, затвердил я наконец», где тема дана в развитии («затвердивший урок бедности» некогда «был богат» — т. е. совершился переход из одной крайней точки в другую: заставляет вспомнить эмблему А. Альчиато (в русле направления движения параллелей, выбранного нами, эмблема Альчиато будит

³ Здесь и далее указания на страницы «Эмблематики» Махова приводятся в тексте в круглых скобках.

воспоминание о пушкинском тексте) «Paupertatem summis ingeniis obesse ne provehantur (Бедность мешает возвышению наилучших способностей)». На ней изображен человек с поднятой правой рукой и опущенной левой; к правой руке привязаны крылья, левую тянет вниз камень. Подпись гласит: «Как поднимают меня перья, так опускает [меня же] тяжкое бремя. Благодаря моим способностям я мог бы парить в небесных высотах, если бы злосчастная бедность не придавливала меня)» (192).

Memento mori

Тема бренности и смерти, разнообразные изводы *ars moriendi* — любимы эмблематикой, и спектр метафорических выражений здесь чрезвычайно широк. Махов снова отмечает использование фигуры *conciliatio*: быстротечность человеческой жизни, приводящая к мысли о том, что рождение и есть (почти уже) смерть, — «Nascendo morimur (Рождаясь умираем)», как утверждается в надписи на эмблематической гравюре «Возрасты человеческой жизни» К. Антониса (145). Среди наиболее популярных атрибутов, описанных в книге, — факел (погасший или перевернутый) и череп (часто соединенный с младенцем в разнообразных визуальных конструкциях) (145–147).

Эмблематическое «Heute mir Morgen dir (Сегодня мне завтра тебе [умирать])» — постоянная тема Пушкина⁴: «Мы все сойдем под вечны своды, / И чей-нибудь уж близок час». Пушкинское отношение к смерти очень близко к эмблематическому, сближающему, объединяющему: это игра «вечной жизни» у «гробового входа». Череп у него — «О жизни мертвый проповедник». «Знакомых мертвецов живые разговоры» слышатся во многих его сочинениях, а любимая эмблематикой встреча живого с мертвецом подается в самых разных модальностях, вплоть до иронической. Пушкинское *conciliatio* в данном случае даже шире эмблематического: не просто рождение и смерть, но жизнь и смерть составляют единство и — по сути — тождество. Визуальные знаки смерти у Пушкина — например, всевозможные кладбищенские атрибуты (включая и «дородного Амура»⁵) — мы в настоящей статье не рассматриваем, хотя связь кладбищенской лирики Пушкина с эмблематикой очевидна.

⁴ Список литературы по теме «топика смерти у Пушкина» мог бы заполнить все пространство статьи.

⁵ О визуальной эмблематической образности в «Повестях Белкина», включая Амура и погасший или опрокинутый факел, см.: [Сазонова 2016].

Сила Венеры

Среди мотивов, входящих в «любовный» блок, — «муки любви», «коварство Амура», мощь и власть Венеры, парадокс «огонь производит воду», напрасный бег от любви, неизлечимость любовной болезни, похищение Венерой всех материальных богатств влюбленного, нагота Венеры и Амура, etc.

Произведения Пушкина, где звучат эти мотивы, легко вспоминаются. Скажем о выделенном Маховым парадоксе «огонь производит воду», пока не ставшем общим местом в исследованиях (145–147). В его основе 23-й девиз из «Делии» М. Сева, «*Mes pleurs mon feu decelent* (Мои слезы обнаруживают мой огонь)», восходящий к балладе Петрарки “*Quel foco...*”, где сталкиваются метафора сердечного огня и мотив слез (102). Есть соединение слез и сердечного огня и у Пушкина: «Сердце старика закипело, слезы навернулись на глазах»; «...пышет бурно / В ней страстный жар; ей душно, дурно; / Она приветствий двух друзей / Не слышит, слезы из очей / Хотят уж капать».

Среди множества любовных эмблематических мотивов, присутствующих и у Пушкина, отметим только еще один: напрасное бегство от любви, неизлечимость любовной болезни. В эмблематике часто используется аналогия влюбленного и бегущего оленя: «влюбленный, безнадежно пытающийся излечиться от любви, уподобляется раненому оленю, который, стремясь избавиться от стрелы, ускоряет бег и тем самым лишь усугубляет боль» (100). Этот парадокс, восходящий к Вергилию (сравнение Дидоны с раненой оленихой), появляется у Петрарки (*Canzoniere*, 209), где раненный стрелой олень «бежит и тем больше испытывает боль, чем быстрее бежит»; его перенимает М. Сев: на 18-м девизе изображение раненного стрелой оленя окаймлено надписью: «*Fuyant ma mort j’haste ma fin* (Убегая от смерти, я ускоряю свой конец)» — и далее мотив становится достоянием эмблематики. Например, в эмблеме Д. Хейнзия, избравшего в качестве надписи фрагмент из сонета Петрарки (“*Et piu dolsi*”), изображен не только раненый олень, но и крылатый Амур с колчаном — мучитель и оленя, и влюбленного. Латинская подпись поясняет: «Раненый зверь своим бегом растравляет рану; так ты хотя и будешь постоянно убегать от стрел Бога, все же не спасешься от них» (101). Параллельно с этим вариантом метафоры оленя развивается другой, где судьбы оленя и влюбленного разводятся. Счастливый олень находит исцеление от своей раны в «критской» траве *dictamnus*, удивительные целебные свойства которой отмечали Вергилий и Плиний Старший, в то время как любовная болезнь остается, увы, неизлечимой. Олень теперь изображается не бегущим, но покоящимся, как на импрезе Г. Симеони «*D’un amore incurabile*

(О неизлечимой любви)». В подписи от лица влюбленного говорится, что олень нашел в критском диктаmine (dittamo Creto) исцеление от своей тяжелой болезни, но «мне» не поможет «никакое средство, никакая помощь», ведь «All'amoroso colpo alcun non vale (от удара любви нет средства)» (102).

Парадокс губительного бега от любви встречается и у Пушкина: «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья, / Куда б ни вздумали, готов за вами я / Повсюду следовать, надменной убегая... / Поедем... но, друзья, / Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя? / Забуду ль гордую, мучительную деву, / Или к ее ногам, ее младому гневу, / Как дань привычную, любовь я принесу?» А мотив неизлечимости любви, отказа от целебного средства звучит уже в лицейской лирике: «Вот здесь лежит больной студент; / Его судьба неумолима. / Невсидите прочь медикамент: / Болезнь любви неизлечима».

Заметим в скобках, что и мотив бега оленя (хотя и не связанного с любовной топикой) у Пушкина есть, причем речь тоже о беге напрасном: «Напрасно я бегу к сионским высотам, / Грех алчный гонится за мною по пятам... / Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий, / Голодный лев следит оленя бег пахучий».

В разделе «Семантика наготы» (197–201) речь о семантической оппозиции наготы и одетости. Нагота в эмблематике — знак невинности. Подпись к эмблеме П. Кусто «In morem Lacedaemoniorum. Contra mulierum licentiam (О нравах спартанцев. Против распущенности женщин)» гласит: «Ты видишь спартанских дев без одежды — верный знак нетронутой невинности» (197). В этом же разделе дана трактовка наготы Венеры, Амура, граций и других аллегорических фигур в иконографии. Мотив наготы Амура есть и у Пушкина: «Вы знаете, что наша дева / Была одета в эту ночь, / По обстоятельствам, точь-в-точь / Как наша прабабушка Ева. / Наряд невинный и простой! / Наряд Амура и природы!» Пушкинское замечание о невинности «наряда Амура» — попадание (скорее всего чисто интуитивное или ироническое) в самую суть эмблематического понимания наготы как знака невинности.

«Взыскательный художник» и посмертная слава

При описании стоического этоса в эмблематике Махов затрагивает тему «стоической автаркичности», презрения к мнению толпы, способности «жить в себе самом». Эмблема Ф. Схонховена «Gloria post obitum maior (Слава после кончины больше)» изображает двух путников, из которых один отбрасывает тень за собой, другой — перед собой. В финале автокомментария эмблематиста высказано упование на то, что не понятый современниками достойный муж найдет справедливую оценку в тысячелетиях, которые последуют

за его кончиной. Суждение далеких потомков и есть тень, отбрасываемая путником за собой; это метафора посмертной славы, вознаграждающей добродетель.

Пушкинские строки вспоминаются мгновенно — от «Ты сам свой высший суд; / Всех строже оценить умеешь ты свой труд...» до «Нет, весь я не умру...».

Союз стихий против человека

Мотив невозможности спасения от мирового зла и его постоянной опасности присутствует в эмблематике постоянно. Б. Ано переосмысляет в духе такого космического пессимизма миф Овидия о Корониде, которую Минерва превратила в ворону, чтобы избавить от преследования влюбленного Нептуна. На рисунке эмблемы Нептун готов выпрыгнуть из своей колесницы, чтобы устремиться за Коронидой, которая, наполовину превратившаяся в птицу, выходит из воды и одной ногой (или птичьей лапой?) уже встала на твердую землю. Но и земля ее не спасет — надпись эмблемы обыгрывает равновеликую опасность земли и воды: «Periculum in terra, periculum in mari. Vel nusquam a malis tutum (Опасность на земле, опасность в море. Нигде нет безопасности от несчастий)» (94).

Тема единства двух стихий в борьбе против человека, злость Нептуна есть и у Пушкина: «Так море, древний душегубец, / Воспламеняет гений твой? / Ты славешь лирой золотой / Нептуна грозного трезубец. / Не славь его. В наш гнусный век / Седой Нептун земли союзник. / На всех стихиях человек — / Тиран, предатель или узник». «Правда ли, что Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург? Вот каково море наше хваленое!» — пишет Пушкин Вяземскому 14 августа 1826 года. У Пушкина Нептун — антономасия морской стихии.

Немилость сильных

Анализируя константы прагматического этоса, Махов отмечает, что главной ценностью в нем является человеческая жизнь: «Если в традиционном... в эмблематике конфликте государя (тирана) и ученого (философа) стоик был готов отдать жизнь во имя торжества автаркийной добродетели, то в этосе прагматическом “ученому” предлагается хорошо подумать, прежде чем дерзить государю: ведь от этого зависит сохранение самого ценного — жизни. На рисунке к эмблеме Ороско-и-Коваррубиаса «Principibus non male dices (Не говори государям дурного)» изображен повешенный на дереве грамматик Дафит, позволявший себе говорить плохое о своем государе; он наказан таким вот образом, чтобы служить предостережением другим» (51).

«С Петром мой прашур не поладил / И был за то повешен им. / Его пример будь нам наукой: / Не любит споров властелин», — вторит эмблематисту Пушкин.

Мягкая сила

В разделе, посвященном прагматическому поведению, Махов выделяет оппозицию «мягкое/гибкое vs твердое» и подробно останавливается на принципе уступки: лучше уступить силе, чем погибнуть от нее (84–85). Мягкое прагматическое поведение, с точки зрения прагматического этоса, оценивается как более жизнеспособное, в басенной оппозиции дуба и тростинки прагматизм предпочтет гибкость тростинки.

В пушкинском творчестве параллель с этим пунктом нам слышится в словах Председателя из «Пира во время чумы»: «Ага! Луизе дурно; в ней, я думал, / По языку судя, мужское сердце. / Но так-то — нежного слабей жестокий...» «По языку судя», Луиза кажется «дубом», однако «тростинка» Мери оказывается более стойкой.

«Живите хорошо, а мне не подражайте»

Для героического этоса в эмблематике, предполагающего самопожертвование во благо ближних, одной из ключевых метафор выступает свеча, сжигающая себя ради помощи другим. Но этот героический образ имеет предысторию. В средневековых текстах образ свечи становится символом священника, который хорошо учит, но ведет дурной образ жизни. Метафора восходит к Исидору Севильскому: «Кто хорошо учит и дурно живет, подобен восковой свече: он дает другим свет, когда излагает благое, но в пороках своих сам себя истощает и гасит» (44).

Не такой ли священник описан в лицейском стихотворении: «Однажды, осушив бутылки и стаканы, / Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный; / Попалися ему навстречу мужики. / «Послушай, батюшка, — сказали простяки, — / Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь, / Быть трезвым всякому всегда повелеваешь, / И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...» / «Послушайте, — сказал священник мужикам, — / Как в церкви вас учу, так вы и поступайте, / Живите хорошо, а мне — не подражайте».

«Собрание насекомых»

Эта параллель отмечена самим Маховым. В эмблеме А. Альчиато и адагии № 828 Эразма Роттердамского «Cicadam ala corripuisti (Ты схватил цикаду за крылья)» злобные критики уподобляются неумолкающей цикаде. Махов замечает: «эпиграмма утверждает в духе стоицизма необходимость пренебрегать враждебностью завистли-

вой критики, которую нельзя избежать... Презрение к ничтожным врагам выражено бестиарной метафорой — уподоблением этих врагов насекомым, которое встречается и в более ранней ренессансной культуре, и в гораздо более поздней эпиграмматической поэзии («Собрание насекомых» А.С. Пушкина) (22). Отношение А. Альчиато и более поздних эмблематистов к хулящей критике в сознании Махова мгновенно связывается с пушкинским отношением к журнальным противникам.

Пушкинские формулы

«Друзья и дружба». «Дружба, сие священное чувство»

В комментарии к эмблеме Г. Ролленхагена «Fide sed cui vide (Доверяй, но смотри кому [доверять])», где речь идет о необходимости подкреплять доверие проверкой, Махов замечает: «Итак, речь идет о друзьях и дружбе. Теперь понятно, что если горящее сердце обозначает “дружбу, сие священное чувство” (по ироническому выражению Пушкина), которое не может подвергаться никаким сомнениям, то глаз символизирует именно сомнение, подозрение, проверку и контроль этого чувства» (220). Налицо сразу две пушкинские цитаты — из «Онегина» и из статьи «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов».

«Неподвижная идея»

Рассуждая о прагматическом этосе, Махов замечает: «За какую-либо неподвижную “идею” он не держится, и это означает, что “статическое отношение соответствия” <...> между нашим сознанием и реальностью» подменяется в прагматическом этосе богатым и активным взаимообменом» (50). «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место», — эту цитату из «Пиковой дамы» Махов очень любил.

«Что пользы»

Эту пушкинскую формулу Махов использует дважды:

1) в переводе подписи к эмблеме Самбука «Molestia vana (Напрасные тяготы)»: «Что пользы в том, что ценно лишь искусностью работы и не приносит пользы, а также ускользает» (87);

2) в переводе надписи к эмблеме С. Коваррубиаса Ороско «Quid immania corpora possunt (Что пользы в огромных телах?)» (137).

Почему ж он заседает?

Подпись к эмблеме А. Альчиато «In senatum boni principis (О совете при хорошем правителе)» переведена не без пушкинской моде-

ли — хотя и с измененной приставкой у ключевого глагола: «Здесь, перед алтарями богов, восседают фигуры, чьи руки отрублены... Почему они восседают? Потому что судьям подобает обладать серьезным, спокойным умом и постоянством души...»

Подведем итог. Мы рассмотрели некоторые параллели с Пушкиным, возникшие при чтении новой книги Махова «Эмблематика: микрокосм». Метод чтения «сквозь призму Пушкина» позволяет посмотреть на богатый материал монографии в двух аспектах: 1) пролить новый свет на связь Пушкина с европейской эмблематикой; 2) увидеть, как пушкинское начало может служить стержнем, имманентной доминантой в интерпретациях европейских культурных реалий у многомирного ученого — каким является А.Е. Махов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Довгий О.Л. Магический кристалл Александра Махова // Махов А.Е. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 1. О русской литературе. Тула, 2023а. С. 13.
2. Довгий О.Л. А.Е. Махов — пушкинист // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 2023b. С. 182–190.
3. Махов А.Е. Европейская поэтика. Темы и вариации // Европейская поэтика от античности до Эпохи просвещения. Энциклопедический путеводитель. М., 2010. С. 7–72.
4. Махов А.Е. Эмблематика: микрокосм. Тула, 2024.
5. Сазонова Л.И. Эмблематика и изобразительные мотивы в «Повестях Белкина» // Пушкин А.С. Повести Белкина. М., 1999. С. 510–534.
6. Сазонова Л.И. Эмблематика в России: от Симеона Полоцкого до Пушкина // Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре. М., 2016. С. 114–152.

REFERENCES

1. Dovgii O.L. Magicheskii kristall Aleksandra Makhova [Alexander Makhov's magic crystal]. // Makhov A.E. *Izbrannye sochineniya: v 3 t. T. 1. O russkoi literature* [Selected works: in 3 volumes. Vol. 1. On Russian literature]. Tula, Akvarius, 2023. P. 13. (In Russ.)
2. Dovgii O.L. A.E. Makhov — *pushkinist* [Alexander Makhov as Pushkin scholar]. *Boldinskie chteniya* [Boldino Readings]. Nizhny Novgorod: NI NNGU, 2023. pp. 182–190. (In Russ.)
3. Makhov A.E. *Evropeiskaya poetika. Temy i variatsii* [European poetics. Themes and Variations]. *Evropeiskaya poetika ot antichnosti do Epokhi prosveshcheniya. Entsiklopedicheskii putevoditel'* [European poetics from Antiquity to the Age of Enlightenment: Encyclopedic guide]. M., Izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada, 2010. P. 7–72. (In Russ.)
4. Makhov A.E. *Emblematika: mikrokosm* [Emblematic: microcosm] Tula, Akvarius, 2024. 356 s. (In Russ.)
5. Sazonova L.I. *Emblematika i izobrazitel'nye motivy v «Povestiyakh Belkina»* [Emblems and visual motifs in “Belkin's Tales”]. Pushkin A.S. *Povesti Belkina* [Belkin's Tales]. M., IMLI GNAN; Nasledie, 1999. P. 510–534. (In Russ.)

6. Sazonova L.I. *Emblematika v Rossii: ot Simeona Polotskogo do Pushkina* [Emblematics in Russia: from Simeon Polotsky to Pushkin]. *Emblematika i emblematichnost' v zapadnoevropeiskoi i russkoi kul'ture* [Emblematics and emblematicity in Western European and Russian culture]. M., *Intrada*, 2016. P. 114–152. (In Russ.)

Поступила в редакцию 08.02.2024

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 08.02.2024

Accepted 13.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Довгий Ольга Львовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; olga-dovgy@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Dovgy — Prof. Dr., Senior Researcher, Department of Literary and Art Criticism and Publicism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; olga-dovgy@yandex.ru

ЯЗЫК ПУШКИНА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ IV (ТОВАРИЩ, ДРУГ ИЛИ ПРИЯТЕЛЬ?)

О.В. Кукушкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ovkukush@mail.ru

Аннотация: Данная публикация продолжает серию работ, в которых описываются результаты анализа Лексикографированного корпуса текстов Пушкина, созданного в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Статья посвящена существительным, характеризующим межличностные отношения с точки зрения близости общения. В ней рассмотрен основной состав, значение и употребление таких слов в текстах Пушкина. Проводится их сравнение с современным языком и с описанием, данным в «Словаре Академии Российской» и «Словаре языка Пушкина». Анализ показывает, что у Пушкина представлена группа единиц, близкая к современной, но не полностью совпадающая с ней. В эту группу входят ныне утраченные или редко употребляющиеся слова *другиня*, *знакомец*, *знакомка*, *наперсник*, *наперсница*. В лексическом значении и употреблении слов данной группы также имеются некоторые отличия и особенности, которые нужно учитывать при анализе пушкинских текстов. Они иллюстрируются примерами из этих текстов. Отдельное внимание уделено мене слов *приятель* и *друг*. Эта проблема обсуждается в связи с описанием Пушкиным отношений Онегина с Ленским и Онегина с автором. Проведенный анализ показал, что виды близкого межличностного общения описываются в лексической системе языка пушкинской эпохи более детально, чем сейчас (за счет пары *наперсник* — *наперсница*), а слово *товарищ* маркирует межличностные отношения в гораздо меньшей степени, чем его современный аналог. При этом слова *знакомый*, *приятель*, *друг* можно рассматривать и использовать как достаточно надежные маркеры этих отношений.

Ключевые слова: лексические маркеры; межличностные отношения; язык Пушкина; корпус текстов; анализ употреблений; история слов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-6

Для цитирования: Кукушкина О.В. Язык Пушкина: лексикографические этюды IV (*товарищ*, *друг* или *приятель*?) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 75–93.

PUSHKIN'S LANGUAGE: LEXICOGRAPHIC STUDIES IV (TOVARISHCH, DRUG OR PRIYATEL?)

O.V. Kukushkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ovkukush@mail.ru

Abstract: This publication continues the series of papers devoted to Pushkin's language. They describe the results of the analysis of the Lexicographic Corpus of Pushkin's texts created in the Laboratory of General and Computer Lexicology and Lexicography at the Lomonosov Moscow State University's Faculty of Philology. The article is devoted to the nouns characterizing interpersonal relations from the point of view of proximity of communication. It considers the basic composition, meaning and use of such words in Pushkin's texts. They are compared with the modern language and with the description given in the *Dictionary of the Academy of Russia* and *Dictionary of Pushkin's Language*. The analysis shows that Pushkin presents a group of units close to the modern one, but not fully coinciding with it. This group includes the now lost or rarely used words *drugin'a*, *znakometz*, *znakomka*, *napersnik*. The lexical meaning and use of words from this group also have some differences and peculiarities in comparison with the modern language, which should be taken into account when analyzing Pushkin's texts. They are analyzed and described with the help of examples from these texts. A special attention is paid to the change of the words *drug* and *priyatel*. This problem is discussed on the example of Pushkin's description of Onegin's relations with Lensky and Onegin's relations with the author. The analysis has shown that the types of close interpersonal communication are described in the lexical system of Pushkin's language in more detail than they are now (due to the pair *napersnik* — *napersnitsa*), and the word *tovarishch* marks interpersonal relations to a much lesser extent than its modern counterpart. At the same time, the words *znakomyj*, *drug*, *priyatel* can be considered and used as rather reliable markers of these relations.

Keywords: lexical markers; interpersonal relations; Pushkin's language; corpus of texts; usage analysis; word history

For citation: Kukushkina O.V. (2024) Pushkin's Language: Lexicographic Studies IV (*tovarishch*, *drug* or *priyatel*?). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 75–93.

Есть такие коммуникативные ситуации, которые вынуждают нас эксплицитно обозначать характер своих отношений с другими людьми. Для этого язык предоставляет в наше распоряжение особый набор лексических средств. Их можно рассматривать как маркеры таких отношений и пытаться реконструировать на их основе последние. Однако лексические маркеры отношений, как и все лексические средства, исторически изменчивы и требуют диахронного лингвистического исследования. Поэтому, чтобы получить доступ к важной экстралингвистической информации, которая может

стоять за тем или иным лексическим средством, нужно сначала установить его значение и особенности употребления в текстах определенной эпохи. Пушкинские тексты в отношении маркеров межличностных отношений представляют особый интерес. Они дают благодатный материал благодаря богатству отражаемых в них связей между людьми и глубокому осознанию Пушкиным характера этих связей. Ниже будут представлены результаты анализа употребления в текстах А.С. Пушкина существительных, характеризующих межличностные отношения как близкие, но неродственные. Анализ проводился с помощью Лексикографированного корпуса текстов Пушкина, созданного в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ (ЛОКЛЛ).

В современном языке группа слов рассматриваемого типа представлена прежде всего синонимическим рядом ДРУГ — ТОВАРИЩ — ПРИЯТЕЛЬ. Члены этого ряда достаточно устойчиво обозначают разные типы близких межличностных отношений — дружбу, товарищество, приятельство, то есть могут использоваться как маркеры таких отношений. Вместе они противопоставлены слову ЗНАКОМЫЙ, также указывающему на наличие достаточно близких контактов между людьми, но не характеризующему эти контакты как соответствующие определенному этическому и эмотивному эталону. Сравнение данной денотативной группы с состоянием на конец XVIII — начало XIX вв. показывает, что она была больше по составу. Судя по данным Словаря Академии Российской (далее САР¹), в нее входили *знакомец* — *знакомка*, *приятель* — *приятельница*, *таварищ* (*товарищ*), *наперсник* — *наперсница*, *подруг* — *подруга*, *друг* — *другиня*. Кроме того, слово ДРУГ имело ныне утраченные синонимы *ближний* и *искренний*, использовавшиеся в Священном Писании, а также *содруг*, *содружественник*, *содружэбник*, *сотаварищ*. В текстах Пушкина представлен переходный к современному состав данной группы: *знакомец* (16) // *знакомый* (20) — *знакомка* (4) // *знакомая* (3); *приятель* (124) — *приятельница* (8); *товарищ* (195); *наперсник* (36) — *наперсница* (16); *друг* (859) — *подруга* (89) // *другиня* (1) (в скобках дано количество употреблений слова в Корпусе текстов Пушкина ЛОКЛЛ). Значения и употребления этих слов также не полностью совпадают с современными, и это нужно учитывать при анализе смысла пушкинских текстов. Ниже будут рассмотрены основные особенности, которые удалось выявить в ходе анализа Корпуса и имеющихся словарных описаний.

¹ Словарь Академіи Россійской. Часть I–VI. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1789–1794.

Единицы, указывающие на простое наличие личных контактов, без подчеркивания какой-либо общности, представлены у Пушкина, помимо современного ЗНАКОМЫЙ — ЗНАКОМАЯ, утраченной парой ЗНАКОМЕЦ — ЗНАКОМКА. Ср.:

- ...жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали... [Дубровский, т. 8–1, с. 161–162²]
- Знакомец милый и старинный, О сон, хранитель добрый мой [К сну, т. 1, с. 163]
- Все наши Петербургские знакомки тебе кланяются и ждут тебя. [Письмо П.А. Вяземскому (603), т. 14, с. 168]

В двух контекстах эти единицы используются в значении, требующем особого комментария. Ср.:

(1) Учителем его был Челобитного приказа дьяк Никита Моисеевич Зотов, бывший знакомый боярину Феодору Соковнину, который и привел его во дворец... [История Петра I, т. 10, с. 16]

(2) Недавно узнал я, что ты знакомец и родственник почтенному нашему Александру Ивановичу... [Письмо А.А. Шишкову (66), т. 13, с. 75]

Значение слова ЗНАКОМЫЙ в (1) становится понятным, если видеть здесь денотат, описанный в САР следующим образом:

ЗНАКОМЕЦЪ, ЗНАКОМКА: 2) ВЪ старину у насЪ назывались тѣ маломощные и мѣлкіе дворяне, кои у знатныхЪ искали себѣ покровительства, и бывали у нихЪ какЪ домашніе люди; беседовали имѣ, принимали и угощали ихЪ гостей, и разными непостыдными способами услуживали благодѣтелямЪ своимЪ. [САР, ч.3. с. 103].

Близкое к этому значение можно видеть и в контексте (2): А.А. Шишков с помощью выражения *знакомец кому* характеризуется, очевидно, не просто как родня, но и как принимаемый в доме достаточно близкий, «домашний» человек, что для родственника не обязательно. Таким образом, описанное в САР значение нельзя считать устаревшим для Пушкина. Отметим также, что в «Словаре языка Пушкина» (далее СЯП³) данное значение не описано.

Слова ЗНАКОМЫЙ и ЗНАКОМЕЦ во множественном числе могли выступать у Пушкина, судя по всему, как немаркированные по семе 'пол', что характерно для ЗНАКОМЫЙ и сейчас. Ср.:

- И тут ко мне идет незримый рой гостей, Знакомцы давние, плоды мечты моей. [Осень (Отрывок), т. 3, с. 320]

² Адресация дается по «Пушкин. Полное собрание сочинений» 1837–1937: В 16 т. (в переиздании: М.: Воскресенье, 1994–1997).

³ Словарь языка Пушкина. 2-е, дополненное издание. М.: Азбуковник, 2020.

Синонимическое употребление с другими словами рассматриваемой группы встречено лишь в одном специфическом случае — при поиске перевода для заимствования *кунак*, что не свидетельствует о возможной нейтрализации различий. Ср.:

- *Кунак (т.е. приятель, знакомец) отвечает жизнью за вашу безопасность...* [Кавказский пленник. Примечания, т. 4, с. 116]

В остальных случаях слова ЗНАКОМЫЙ и ЗНАКОМЕЦ у Пушкина четко противопоставлены по значению другим словам группы. Это эксплицитно выражено сочинительной связью со словом ДРУГ. Ср.:

- *И друзья, и родня, и знакомые — все лезут с ним прощаться...* [От этих знатных господ покою нет, т. 7, с. 254]
- *Вы его близкой знакомый, вы ему родственник или друг — он вас не узнает...* [Из лицейского дневника 1815 г., т. 12, с. 301]
- *Мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья...* [Письмо П.А. Плетневу (637), с. 197].

Самый яркий пример противопоставления ЗНАКОМЫЙ и ДРУГ находим в известной фразе современника Пушкина Б. Федорова, ранее приписывавшейся самому поэту:

- *Знакомых тьма, а друга нет ...* [Федоров Б. Послание к А.С. Новрову, 1816 г.]

Таким образом, ЗНАКОМЫЙ и ЗНАКОМЕЦ, как и в современном языке, выступают у Пушкина как надежные и устойчивые маркеры определенного типа отношений, противопоставленных дружеским и приятельским. При этом нужно учесть, что в модели управления *знакомый/знакомец кому* эти слова могут выражать утраченное ныне значение. Оно интересно тем, что маркирует особый тип неравноправной близости между главным и приближенным лицом, выполняющим поручения, касающиеся частной жизни «хозяина». Для этого типа отношений в современном языке трудно подобрать однословное лексическое выражение.

Слово ТОВАРИЩ в САР и у Пушкина, как и в современном языке, не имеет родовой пары (ср. современную стилистическую ограниченность слова *товарка*, у Пушкина не встреченного). Как и сейчас, представлено регулярное употребление данного слова в общереферентных контекстах. Однако при этом у слова ТОВАРИЩ, в отличие от его современного аналога, даже в таких контекстах обнаруживается четкая гендерная маркированность — оно обозначает у Пушкина отношения между мужчинами. Нужно отметить, что в современном языке гендерная привязка также до некоторой степени сохраняется: «слово ТОВАРИЩ в прототипическом случае указывает на мужскую солидарность, основанную на совместном участии в одних и тех же событиях групп мужчин, кото-

рых судьба собрала вместе» [Шмелев 2005: 293–293]. Это касается как литературного, так и диалектного языка. Так, исследователи Томского диалектного корпуса констатируют, что «слово *товарищ* в анализируемых материалах практически всегда характеризует именно мужскую дружбу, даже если используется в женской речи» [Земичева, Васильченко 2021: 236]. У Пушкина гендерная привязка носит абсолютный характер. В современных же текстах имеется позиция, где маркированность по мужскому полу полностью отсутствует, — это официальное обращение.

С точки зрения характеристики типа межличностных отношений важно соотношение слова ТОВАРИЩ со словами ДРУГ и ПРИЯТЕЛЬ. В описании САР ни о какой синонимии между этими словами речи не идет. Ср.:

ТаварищЪ: 1) УчастникЪ в торгу. 2) ВЪ пространнѣйшемЪ смыслѣ значитЪ: отправляющаго одну сЪ кѣмЪ должность, находящагося вЪ одномЪ сЪ кѣмЪ состояніи (*ТаварищЪ вЪ ученіи. ТаварищЪ вЪ пути*) [САР, ч. 6, с. 6]

У Пушкина реализуется только второе значение данного слова. В СЯП оно описано как основное и содержит указание на синонимию с ПРИЯТЕЛЬ и ДРУГ:

ТОВАРИЩ: 1. Человек, делающий с кем-н. общее дело, объединенный с кем-н. общностью взглядов, деятельности, условиями жизни и т.п.; приятель, друг.

2. В наименованиях званий и должностей — помощник, заместитель [кого] [СЯП, т. 4, с. 546]

Современная синонимия с ДРУГ и ПРИЯТЕЛЬ базируется на способности современного слова ТОВАРИЩ указывать на хорошие, близкие отношения, т. е. характеризовать их и с качественной (этической и/или эмоциональной) стороны. Однако анализ употреблений слова ТОВАРИЩ у Пушкина показывает, что с его помощью обозначается именно общая сфера деятельности, т. е. соучастие. Товарищи у Пушкина, как и попутчики, могут быть случайными и не вызывать теплых чувств. Не обязательна также длительность отношений, они могут быть «одноразовыми». Ср.:

- *Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда — да еще и спесивится...* [Борис Годунов, т. 7, с. 29]
- *Собирался я выехать в зимнем дилижансе, но мне объявили, что по причине оттепели должен я отправиться в летнем. Взяли с меня лишних 30 рублей и посадили в четвероместную карету*

вместе с двумя товарищами. ...Один из моих спутников был рижский купец... [Письмо Н.Н. Пушкиной (710), т. 14, с. 245]

- *Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины, я хотел запастись книгою, понадеясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоров с почтовыми товарищами.* [Путешествие из Москвы в Петербург, т. 11, с. 244]

Важность признака 'совместная деятельность' для слова ТОВАРИЩ подчеркивается у Пушкина регулярным уточнением времени или характера этой деятельности. Оно реализуется с помощью моделей управления *товарищ чего? в чем? по чему?* При этом время отношений часто описывается через указание на определенный период жизни человека. Ср.:

- *Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости* [Дубровский, т. 8–1, с. 176]
- *Не друг ли едет запоздалый, Товарищ юности удалой?* [Граф Нулин, т. 5, с. 5]
- *Обедал у Суденки моего приятеля, товарища холостой жизни моей.* [Письмо Н.Н. Пушкиной (842), т. 15, с. 77]

Еще более регулярны контексты, в которых уточняется характер совместной деятельности. Ср.:

- *Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда...* [Путешествие из Москвы в Петербург, т. 11, с. 261 (в цитате из Радищева)]
- *Я счастлив был: я наслаждался мирно... Трудами и успехами друзей, Товарищей моих в искусстве дивном.* [Моцарт и Сальери, т. 7, с. 124]
- *...умножа свою шайку приписными крестьянами и башкирцами, товарищами его разбоев.* [История Пугачева, т. 9, с. 24]
- *Опора милая стареющих отцов, Младые сыновья, товарищи трудов Из хижины родной идут собой умножить Дворовые толпы измученных рабов.* [Деревня, т. 2, с. 82]
- *Мы вспомнили б... Как мы впервой все трое полюбили, Наперсники, [товарищи] проказ...* [19 октября. Исключенные строфы (беловая редакция), т. 2–2, с. 914]
- *Но ты, Бордо, подобен другу, Который, в горе и в беде, Товарищ всегда, везде, Готов нам оказать услугу Иль тихий разделить досуг* [Евгений Онегин, т. 6, с. 92]
- *...ты помнишь Пушкина...неизменного твоего товарища в театре, наперсника твоих шалостей* [Письмо Н.Н. Всеволожскому (108), т. 13, с. 114]

Совместную деятельность обозначает у Пушкина и слово ТОВАРИЩЕСТВО (7). Оно используется в значении 'сообщество, компания'. Ср.:

- *Жены и дочери соседей редко езжали к Кирилу Петровичу, коего обыкновенные разговоры <и> увеселения требовали товарищества мужчин, а не присутствия дам.* [Дубровский, т. 8–1, с. 187]

В толковании СЯП в качестве возможной основы отношений между товарищами упоминаются общие взгляды (см. выше значение 1), однако у Пушкина встречаем прямое противопоставление ТОВАРИЩА и СОУМЫШЛЕННИКА (т. е. единомышленника). Ср.:

- *Заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей... Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников.* [Александр Радищев, т. 12, с. 32]

Таким образом, у Пушкина слово ТОВАРИЩ выступает как маркер равноправных отношений, базирующихся на совместных действиях. Подобное употребление сохраняется и в современном языке, однако характеризуется оно как «уходящее». Как отмечает Е.В. Урысон, в этом употреблении «слово **товарищ** указывает лишь на общее занятие, общую деятельность людей, которая делает их равными, но не на хорошие взаимоотношения» [Урысон 2003: 297].

На четкую семантическую противопоставленность слов ДРУГ и ТОВАРИЩ указывает неоднократное использование Пушкиным этих слов по отношению к одному и тому же референту в сочинительной конструкции. Оно свидетельствует о том, что эти слова характеризуют отношения с разных сторон. Ср.:

- *поди, выпей стакан воды и приди к нам; я представлю тебе старинного друга и товарища.* [Выстрел, т. 8–1, с. 74]
- *Уж он меня не узнавал И поминутно призывал к себе товарища и друга.* [Братья-разбойники, т. 4, с. 148]
- *Товарищ милый, друг прямой, тряхнем рукою руку...* [Пирующие студенты, т. 1, с. 46]
- *Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу.* [Капитанская дочка, т. 8–1, с. 282]

Использование сочетания *друг и товарищ* наглядно подтверждает большую степень противопоставленности лексических значений слов ТОВАРИЩ и ДРУГ у Пушкина по сравнению с современным языком. Объективную основу для сближения этих слов создавало сложившееся у ТОВАРИЩ к концу XVIII века «пространнейшее» (см. выше толкование САР) употребление. Оно разрывало его исходную связь с торговой сферой и устраняло указание на конкретный тип деятельности. Это выгодно отличало его от слов более конкретной семантики (ср. у Пушкина: *собутельник, сослуживец, сопутник, сотрудник* и др.) и делало средством актуализации лишь самого факта наличия совместной деятельности. А с успешной совместной деятельностью, с партнерством связаны определенные этические и эмоциональные представления. Они, очевидно, и сфор-

мировали особый и главный в современном языке тип употребления слова ТОВАРИЩ. Этот тип «предполагает х о р о ш и е отношения между людьми, хотя и не столь близкие, как между **друзьями**. «**Товарищи** считают себя обязанными друг другу **п о м о г а т ь ...**» [Урысон 2003: 297]. При этом и в современном языке между синонимами сохраняются отличия: «**Товарищ**, в отличие от **друга**, оценивается не с точки зрения его преданности и способности понять субъекта, а с точки зрения его способности совместно преодолевать трудности...» [Там же].

В некоторых употреблениях слова ТОВАРИЩ у Пушкина тоже можно было бы видеть признаки его использования в качестве маркера хороших отношений. В них имеет место мена ТОВАРИЩ и ДРУГ при обозначении одного и того же референта. Такую неожиданную мену мы видим, например, в стихотворении «Товарищам», в котором используется обращение «друзья»:

- *Промчались годы заточенья; Недолго, мирные **друзья**, Нам видеть кров уединенья...* [Товарищам, т. 1, с. 198].

Ср. также сходную мену *лицейские товарищи // **лицейские друзья***:

- *Со мною друга нет, С кем долгую запил бы я разлуку, Кому бы мог пожать от сердца руку И пожелать веселых много лет. Я пью один; Вотще воображеньё Вокруг меня товарищей зовет; ...Я пью один, и на берегах Невы меня друзья сегодня именуют* [19 октября, т. 2, с. 374]

О мене можно говорить и в случае именованя ТОВАРИЩЕМ человека, который, как известно, был близким другом Пушкина. Ср.:

- *Зовет меня мой Дельвиг милый, Товарищ юности живой, Товарищ юности унылой, Товарищ песен молодых, Пиров и чистых помышлений...* [Чем чаще празднует лицей..., т. 3, с. 277]

Однако и в таких контекстах выбор слова можно объяснить акцентированием внимания на разных сторонах отношений. В стихотворении Пушкина «Товарищам» можно видеть подчеркнутое указание на то, что адресат стихотворения связан с поэтом не только совместной деятельностью, но что он близок ему и дорог. В обращении же *товарищ юности моей* по отношению к другу имеет место обратная ситуация — акцентируется внимание на факте совместно проведенных юных лет, о чем говорит и модель управления (см. ниже об отличии между *друг чего* и *товарищ чего*). При этом нельзя не учитывать тот факт, что в позиции обращения может иметь место и «ослабленное», контактоустанавливающее употребление слова ДРУЗЬЯ, не свидетельствующее о близких отношениях и используемое по отношению к незнакомым. Так, у Пушкина мы встречаем его в «Евгении Онегине» при обращении к читателю:

- *Всё это значило, друзья, с приятелем стреляюсь я.* [т. 6, с. 124]

Таким образом, есть достаточные основания говорить о том, что ТОВАРИЩ у Пушкина имеет значение, близкое к зафиксированному в САР, что это слово характеризует референта прежде всего как соратника, а функция маркера хороших межличностных отношений, основная для современного слова ТОВАРИЩ, у Пушкина еще не сложилась. В связи с этим о полноценном вхождении этого слова в синонимический ряд с ДРУГ и ПРИЯТЕЛЬ говорить еще нельзя.

В отличие от ТОВАРИЩ, слово ПРИЯТЕЛЬ, как и ПРИЯТЕЛЬНИЦА, указывает, как и сейчас, на наличие отношений именно дружеского типа. Их важной частью является чувство. Эмотивный компонент закреплен в самой внутренней форме, сейчас уже плохо осознаваемой: в САР эта пара закономерно дается в гнезде ЕМЛЮ ('беру, принимаю') вместе с *приятнь* и *приятный*. В этом словаре ее значение описано так:

ПРИЯТЕЛЬ, приятельница: 1) Доброжелатель; тотЪ, который взаимную оказываетЪ услугу, или обходится дружески. 2) Иногда употребляется какЪ привѣтственное слово. [САР, ч. 2, с. 993]

В СЯП у этого слова выделены два значения, совпадающие с современными:

ПРИЯТЕЛЬ: 1. Человек, с которым состоят в дружеских отношениях, близкий знакомый.

2. Фамильярно-дружественное обращение к мужчине [СЯП, т. 3, с. 828].

Как и сейчас, ПРИЯТЕЛЬ маркирует дружеские связи как менее глубокие, чем ДРУГ. У Пушкина есть высказывание, прямо описывающее, чего не хватает приятелю, — это общность взглядов и честность в отношениях, т. е. соответствие этическому эталону. Ср.:

- *...я с ним не только приятель, но кой о чем и мыслим одинаково, не лукавя друг перед другом.* [Письмо П.А. Вяземскому (60), т. 13, с. 70]

Употребление слова ПРИЯТЕЛЬ в текстах Пушкина указывает на те же особенности, которые отличают его от ДРУГА в современном языке. Е.В. Урысон описывает эти отличия следующим образом. У ПРИЯТЕЛЯ меньшая степень знания другого человека. Она предполагает общие вкусы, но не внутреннюю общность; меньшую степень готовности помогать; меньшую степень уникальности. ПРИЯТЕЛЕЙ объединяет, прежде всего, совместное проведение времени, но не общая цель. То есть ПРИЯТЕЛЬ используется как маркер, обозначающий дружеские, но «наименее обязывающие и одновременно наиболее короткие и легкие отношения между

людьми» [Урысон 2003: 297–298]. При всем сходстве с современным употреблением, у ПРИЯТЕЛЯ в пушкинских текстах встречается и непривычная для нас сочетаемость. Ее можно видеть в контекстах (3)–(5):

(3) *...наша...подозвал меня к себе и громко объявил, что французы были приятели туркам.* [Записки бригадира Моро-де-Бразе, т. 10, с. 282]

(4) *...но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники.* [Письмо Н.Н. Пушкиной (838), т. 15, с. 72]

(5) *«Если вы хотите, чтобы мы были вперед приятелями», сказала она с важностью, «то не извольте забываться».* [Барышня-крестьянка, т. 8–1, с. 114]

В (3) это слово используется в качестве маркера международных, а не межличностных отношений. В (4) приятельские отношения шутиливо распространяются и на животное. В (5) находим немаркированное по полу употребление слова ПРИЯТЕЛЬ. Сейчас это слово и во множественном числе обозначает обычно только мужчин.

Обращает на себя внимание также ироническое использование Пушкиным данного слова при обозначении негативных отношений. Ср. стихотворение «Приятелям», начинающееся обращением «Враги мои...» [т. 2, с. 336], а также именование приятельницей цензуры:

- *Кланяйтесь от меня цензуре, старинной моей приятельнице.* [Письмо А.А. Бестужеву (34), т. 13, с. 38]

В контекстах с негативными эмоциями у Пушкина встречены и производные от ПРИЯТЕЛЬ слова БЛАГОПРИЯТЕЛЬ (1) и РАСПРИЯТЕЛЬ (1), отсутствующие в САР. Первое слово подчеркивает факт «благоприятствования», т. е. оказания разного рода услуг (см. толкование в СЯП):

- *...сломались у меня колеса, растрясенные в Москве другом и благоприятелем моим г. Соболевским...* [Письмо П.А. Вяземскому] (292), т. 13, стр. 304]

Второе встречаем в отказе принимать благодеяния от приятелей друзей, даже самых лучших. Ср.:

- *...он не ты... От тебя благодеянье мне не тяжело — а от другого не хочу. Будь он тебе расприятель, будь он сын Карамзина.* [Письмо В.А. Жуковскому (220), т. 13, с. 236]

Итак, как и сейчас, слово ПРИЯТЕЛЬ у Пушкина описывает отношения как дружеские, но менее близкие и надежные. И это позволяет считать слова ДРУГ и ПРИЯТЕЛЬ значимыми маркерами того, как Пушкин оценивает те или иные межличностные отношения. Градуальный характер оппозиции ПРИЯТЕЛЬ — ДРУГ заставляет нас выбирать между этими словами при описании отношений

одних и тех же лиц. Это делает аномальным сочетание *мой друг и приятель*, при вполне нормальном *мой друг и товарищ*. Однако при всей аномальности первого и его закономерном отсутствии у Пушкина, в его текстах все же наблюдается такое явление, как мена слов ДРУГ и ПРИЯТЕЛЬ по отношению к одному и тому же референту, и она требует объяснения. Яркие примеры такой мены мы находим в «Евгении Онегине». При описании отношений между Онегиным и Ленским 10 раз используется слово ДРУГ и 4 раза ПРИЯТЕЛЬ. См. (в порядке следования в тексте):

(1) *И скоро стали неразлучны. Так люди (первый каюсь я) От делать нечего друзья.* [т. 6, с. 37]

(2) *Поедем. — Поскакали други...* [т. 6, с. 51]

(3) *Я тут еще беды не вижу. Да скука, вот беда, мой друг.* [т. 6, с. 51]

(4) *Приехал Ольгин обожатель. Скажите: где же ваш приятель?* [т. 6, с. 69]

(5) *Порою той, что названа Пора меж волка и собаки, ...Теперь беседуют друзья.* [т. 6, с. 93]

(6) *Теснятся гости, всяк отводит Приборы, стулья поскорей; Зовут, сажая двух друзей.* [т. 6, с. 110]

(7) *Она приветствий двух друзей не слышит, слезы из очей...* [т. 6, с. 110]

(8) *Учтиво, с ясностью холодной Звал друга Ленский на дуэль* [т. 6, с. 120]

(9) *Всё это значило, друзья, с приятелем стреляюсь я.* [т. 6, с. 124]

(10) *Когда бы ведала Татьяна, Когда бы знать она могла, Что завтра Ленский и Евгений Заспорят о могильной сени; Ах, может быть, ее любовь Друзей соединила б вновь!* [т. 6, с. 124]

(11) *Зарецкий... Друзей развел по крайний след, И каждый взял свой пистолет.* [т. 6, с. 129]

(12) *Что ж, если вашим пистолетом Сражен приятель молодой... Скажите: вашею душой Какое чувство овладеет...* [т. 6, с. 131–132]

(13) *Но, что бы ни было, читатель, Увы, любовник молодой, поэт, задумчивый мечтатель, Убит приятельской рукой!* [т. 6, с. 134]

(14) *...Онегин, вновь займуся им, Убив на поединке друга...* [т. 6, с. 134]

Такая мена требует, чтобы мы задействовали, по меткому выражению Н.К. Онипенко, «объяснительные возможности лингвистического анализа». Согласно приводимой ею схеме В.В. Виноградова, при анализе стихотворного текста должна рассматриваться «логика подбора лексики в связи с содержанием, ритмикой и синтаксическим построением» [Онипенко 2020: 68]. В данном случае логику выбора между ДРУГ и ПРИЯТЕЛЬ проще всего объяснить ритмикой, но,

учитывая уровень пушкинского владения стихотворной формой и внимание Пушкина к содержательной стороне, лингвист не может не попытаться связать эту логику с содержанием. Мена номинации может быть вызвана меной субъекта, который оценивает отношения (см. понятие «субъектная перспектива»). Ее причиной может быть также эволюция самих отношений — как известно, межличностные отношения динамичны и изменчивы. С точки зрения субъекта оценки обращает на себя внимание то, что слово ПРИЯТЕЛЬ впервые появляется в вопросе постороннего лица (см. 4), которому характер отношений между героями не столь важен и/или неизвестен. Здесь мена ДРУГ на ПРИЯТЕЛЬ вполне семантически мотивирована. В остальных трех случаях эту мену также можно объяснить семантически. В (9) можно было говорить об изменении отношения Ленского к Онегину (от *друга* к *приятелю*), в (12) и (13) — об исходной оценке Онегиным отношений с Ленским всего лишь как приятельских, а не дружеских. Но для этого сначала нужно доказать, что субъектом оценки в данном случае является именно этот персонаж. А это сделать достаточно трудно. Можно уверенно говорить лишь о том, что сам автор в целом описывает отношения между героями как дружбу, а не приятельство. На это указывает и финальный выбор номинации — ДРУГ (см. 14). Он усиливает трагичность ситуации и глубину переживаний, которые должен испытывать Онегин, убивший не просто приятеля, а друга.

При описании отношений Онегина и автора романа соотношение лексических показателей говорит, напротив, в пользу приятельства, а не дружбы: ПРИЯТЕЛЬ — 3 раза, ДРУГ — 1 раз. Ср.:

- *Онегин, добрый мой приятель, Родился на берегах Невы...* [т. 6, с. 5]
- *Всё это ныне обветшало, Не знаю право почему; Да впрочем, другу моему В том нужды было очень мало...* [т. 6, с. 31]
- *Вы согласитесь, мой читатель, Что очень мило поступил С печальной Таней наш приятель...* [т. 6, с. 80]
- *Пою приятеля младого И множество его причуд...* [т. 6., с. 163]

Появление здесь слова ДРУГ трудно объяснить семантически, если только не видеть здесь некую иронию и разновидность «ослабленного» употребления. Однако нельзя полностью исключать, что в стихотворном тексте ритмика в каких-то случаях, где семантические различия не столь важны, могла побеждать у Пушкина семантику. Иначе обстоит дело в прозаических текстах — здесь главным фактором выбора должна являться именно оценка описываемых отношений. И здесь за меной ДРУГ и ПРИЯТЕЛЬ должно стоять изменение самих отношений и/или условий, в которых производится их оценка. Как показал предварительный анализ писем Пушкина, в них выбор между ДРУГ и ПРИЯТЕЛЬ носит достаточно

последовательный и устойчивый характер. Поэтому случаи такоймены должны быть предметом пристального внимания и исследования. Конкретные результаты такого анализа планируется представить в следующей публикации.

При описании группы маркеров близких отношений нельзя игнорировать практически утраченную пару НАПЕРСНИК — НАПЕРСНИЦА. Она занимала в этой группе достаточно важное место. В толковании, данном в СЯП, НАПЕРСНИК прямо сближается со словом ДРУГ. Ср. значение 1:

НАПЕРСНИК: 1. Друг и доверенное лицо, тот, кому поверяют сокровенные мысли и тайны.

2. Традиционное действующее лицо в драматических произведениях эпохи классицизма — друг, доверенный главного героя. [СЯП, т.2, с. 747]

В САР же в качестве первого описывается неличное значение этого слова, а при описании личного значения упоминается не друг, а любимец:

НАПЕРСНИКЪ: 1) Нагрудник; и 2) ЛюбимецЪ, тотЪ, кто пользуется особенною чьею либо кЪ себѣ довѣренностию. [САР, ч. 4, 774]

Нужно отметить, что основное употребление данного слова у Пушкина больше соответствует описанию САР (см. второе значение). НАПЕРСНИК в этом употреблении — это не ближайший, особенно доверенный друг, хотя он может выбираться и из друзей, поскольку именно они пользуются наибольшим доверием. Пушкин о таком выборе также пишет. Ср.:

- *В толпе младых друзей наперсника мы ищем и находим, С ним тайный глас мучительных страстей Наречием восторгов переводим.* [Гаврилада, т. 4., с. 124]
- *Оставя счастья призрак ложный, Без упоительных страстей, Я стал наперсник осторожный Моих неопытных друзей.* [Алексееву, т. 2, ч. 205]

Однако самым важным для НАПЕРСНИКА является указание на то, что это избранное лицо, с которым делятся той личной информацией, которой не делятся с другими. Именно доверяемая конфиденциальная информация является основой фиксируемого этим словом отношения, что отражают оба словаря. А это не предполагает обязательного для дружбы равноправия, добровольности и следования этическим нормам. Поэтому не случайно, что слово НАПЕРСНИК в пушкинских текстах чаще всего используется при характеристике отношений вышестоящего к нижестоящему, например богов и царей к обычным людям. Ср.:

- ...ты поэт. Наперснику богов не страшины бури злые... [Дельвигу, т. 2, с. 24]
- Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века... Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам... [Вольтер, т. 12, с. 80]
- И сходно купленный Арап, Возрос усерден, неподкупен, Царю наперсник, а не раб. [Моя родословная, т. 3. с. 263]

Роль наперсника, как ее описывает Пушкин в стихотворении «Наперсник», не всегда добровольна и желательна — наперсник может быть и не рад откровенности доверителя. Ср.:

- Но прекрати свои рассказы, Таи, таи свои мечты: Боюсь их пламенной заразы, Боюсь узнать, что знала ты! [Наперсник, т. 3, с. 111]

Как прекрасный психолог, Пушкин описывает процесс превращения из знакомого в наперсника и формирование психологической зависимости от последнего:

- Он подстрекал ее ободрением и советами, сделался ее наперсником и вскоре стал ей необходим. [Гости съезжались на дачу, т. 8–1, с. 40]

Роль наперсника, судя по контекстам употребления, допустима, хотя и нежелательна, даже для референтов, к которым Пушкин относится негативно. Ср.:

- Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. [Письмо Н.Н. Пушкиной (942), т. 15, с. 150]
- О себе говорить я тебе не хочу, потому что не намерен в наперсники брать московскую почту... [Письмо П.В. Нащокину (1026), т. 16, с. 4]

Еще одной интересной особенностью, подчеркивающей информационную основу наперсничества, является использование конструкции *наперсник чего*. В ней в качестве доверителя выступает не лицо, а сам тип сообщаемой информации — тайный, сокровенный. Ср.:

- Моей причудливой мечты Наперсник иногда нескромный, Я рассказал, как ночью темной... [Руслан и Людмила, т. 4, с. 27]
- Откройся: кто ты, благодатный, Судьбы наперсник непонятный? [Руслан и Людмила, т. 4, с. 15]
- Наперсница моих сердечных дум, О верная, задумчивая лира [Наперсница моих сердечных дум, т. 2, с. 154]
- Стоит Параша перед ней, ... Параша эта Наперсница ее затей... [Граф Нулин, т. 5. с. 8]
- О женщины, наперсницы любви... [Гаврилиада, т. 4, с. 133]

Обращает на себя внимание также большая употребительность слова НАПЕРСНИЦА (16) по сравнению со словом ПРИЯТЕЛЬНИ-

ЦА (8). Такая разница объясняется чисто лингвистически — соглашением, а не представлениями Пушкина о наиболее типичных для женщин отношениях. Дело в том, своими наперсницами Пушкин называет музу, а также орудия своего творчества, передающие мысли поэта — лиру и чернильницу. Ср.:

- *Со мною неразлучно Живи благополучно, Наперсница моя.* [К моей чернильнице, т. 2, с. 164]

Важно также то, что, в отличие от остальных слов рассматриваемой группы, слово НАПЕРСНИК описывает межличностные отношения как наиболее уникальные. Наперсник, как правило, один, тогда как друзей, товарищей и приятелей может быть несколько и даже много. На большúю значимость роли наперсника в жизни человека указывает тот факт, что на основе этой роли сформировался особый тип театральных персонажей. У Пушкина данное значение пары НАПЕРСНИК — НАПЕРСНИЦА также представлено (см. 2-е значение этого слова в СЯП), но не как основное. Что же касается основного значения, то современный русский язык, несмотря на важность передаваемого с его помощью отношения, практически потерял специальное лексическое средство для его выражения. На это могли повлиять разные факторы, но представляется, что главным из них была мотивация слова НАПЕРСНИК словом ПЕРСИ ('грудь'). Не случайно первое значение слова НАПЕРСНИК в САР описано как 'нагрудник' (см. выше). Эта мотивация порождает в сознании образ человека, на груди у которого можно поплакать, но эта яркая образность могла вызывать ненужные ассоциации и мешать выражению личного значения.

Говоря о средствах рассматриваемого типа, нельзя не упомянуть также о регулярном использовании в пушкинских текстах переносного употреблении слова БРАТ (53). У Пушкина оно, как и в современном языке, «встроено» в один ряд с ДРУГ и ТОВАРИЩ, о чем говорит, например, следующее перечисление:

- *Ещё таки я всё надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна.* [Письмо П.А. Вяземскому] (274), т. 13, с. 291]

В СЯП данное употребление описано как отдельное значение: «единомышленник, друг, соотечественник» [СЯП, т. 1, с. 160]. Однако в этом описании оставлены без внимания очень важные семантические компоненты. За счет основного значения слово БРАТ обозначает наивысшую степень душевной близости и схождения, а также равенство в отношениях, без которого такая близость невозможна. Ср.:

- *Я жду тебя. Тебя со мною Обнимет в сельском шалаше Мой брат по крови и душе...Наш Дельвиг...* [К Языкову, т. 2, с. 288]

- Друг Дельвиг, мой парнасский брат... [Дельвигу, т. 2, с. 152]
- Лицейской жизни милый брат, Делю с тобой последние мгновенья. [Разлука, т. 2, с. 26]
- Скажи, Вильгельм, не то ли с нами было, Мой брат родной по музе, по судьбам? [19 октября, т. 2. с. 376]

Важность равенства в отношениях, называемых словом БРАТ, подчеркивает шутливый отказ Пушкина называть братом дядю. Причиной этого является более высокий статус последнего «на Парнасе». Ср.:

- Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад. Нет, нет — вы мне совсем не брат; Вы дядя мне и на Парнасе [Дяде, назвавшему сочинителя братом, т. 1, с. 156]

Высшая степень близости реализуется и через признак «свой», что находит выражение в сочетании *свой брат*. Интересно, что оно может терять гендерную привязку. Так, Пушкин использует его, объясняя различие между невестой и женой. Ср.:

- Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает... [Письмо П.А. Плетневу (522), т. 14, с. 112]

Главное место среди средств рассматриваемого типа и сейчас, и у Пушкина занимает слово ДРУГ. Оно используется в пушкинских текстах независимо от пола и от родственных отношений — другом может быть названа и жена, и брат, и сестра. В качестве родовой пары в одном из текстов встречено слово ДРУГИНЯ, упоминаемое в САР как пара к ДРУГ. Но это слово имеет у Пушкина явную архаическую, «славянооросскую» окраску и используется в стилистических целях. В ранней сатирической поэме «Тень Фон-Визина» словом ДРУГИНЯ обозначаются отношения поэтессы Анны Петровны Буниной, почетного члена «Беседы любителей русского слова», с главой этого объединения А.С. Шишковым. Ср.:

- Твоя невинная другиня, Уже поблекший цвет невиц, Вралих Петрополя богиня, Пред ним со страхом пала ниц. [т. 1, с. 122]

Функцию стилистически нейтральной родовой пары у Пушкина, как и сейчас, выполняет при ДРУГ слово ПОДРУГА, составлявшее в XVIII в. пару к утраченному слову ПО́ДРУГ. Интересно, что в САР у пары *подруг* — *подруга* зафиксировано, помимо синонимии с *друг* — *другиня*, более конкретное значение:

ПОДРУГЪ, подруга: 2) СверстникЪ, сверстница; в одном домѣ или в сосѣдствѣ живущіе, свычку имѣющіе. [САР, ч. 2, с. 770]

У Пушкина *подруга* встречается только с современным значением — как 'женск. к *друг*' и как 'любимая, возлюбленная'. У существительного ДРУГ¹ в СЯП выделено 4 значения:

ДРУГ¹: 1. Тот, кто связан с кем-н. дружбой, близкими, дружескими отношениями.

2. Сторонник, поклонник, почитатель, покровитель [чего]

3. Любимый, возлюбленный (или любимая, возлюбленная).

4. В непринужденном или снисходительной обращении. [СЯП т. 1, с. 733]

Важным отличием пушкинского употребления слова ДРУГ от современного можно считать высокую частотность второго значения (в Корпусе более 50 употреблений). Круг явлений, отношение к которым описывается в текстах Пушкина сочетанием *друг чего*, очень широк. Это высокие идеалы (ср.: *друг истины, чести, свободы, мудрости, общей пользы*); народ и человечество (*друг народа, народов, человечества*), искусство (*друг муз, словесности, таланта, бардов английских, вымыслов*), развлечения разного рода (*друг чаши, сладострастья, забавы, вина, Венеры и пиров*) и др. «Дружить» можно и с порицаемыми общественными явлениями (*друг непросвещения, кровавой старины*). Слово ТОВАРИЩ также имеет модель управления *чего?* (см. выше), но между выражениями *товарищи проказ* и *друзья забавы* выдерживается четкое различие: в первом случае имеется в виду совместный характер действия (*совместно проказящие*); во-втором — расположенность к этому действию (*склонные к забавам*).

Таким образом, слово ДРУГ в пушкинских текстах, в отличие от современных, активно выступает не только как маркер межличностных отношений (*друг кого*), но и как показатель положительного отношения к определенным явлениям и взглядам (*друг чего*).

Итак, проведенный анализ в очередной раз показал, что язык пушкинской эпохи, при всей его близости к современному, требует самостоятельного изучения. И результаты этого изучения важны не только для лингвистов, но и для нашего продвижения в постижении смысла текстов Пушкина, в том числе выраженной в них информации о типах межличностных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земичева С.С., Васильченко А.А. Друг, подруга, товарищ, знакомый: специфика семантики и функционирования в диалектной речи (по корпусным данным) // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2021» 1–3 июля 2021 г., Санкт-Петербург, 2021.
2. Ониненко Н.К. Объяснительные возможности лингвистического анализа прозы А.П. Чехова // Гуманитарная парадигма. 2020. № 3 (14). С. 67–85.
3. Урысон Е.В. Друг, товарищ, приятель: Новый объяснительный словарь русского языка. М., 2003.
4. Шмелев А.Д. Дружба в русской языковой картине мира. Ключевые идеи языковой картины мира. М., 2005.

REFERENCES

1. Zemicheva S.S., Vasilchenko A.A. Drug, podrugа, tovarishch, znakomyj: specifika semantiki i funkcionirovanija v dialectnoj rechi (po korpusnym dannym) [Drug, podrugа, tovarishch, znakomyj ('friend'): Specificity of semantics and functioning in dialect speech (based on corpora data)]// Proceedings of the International Conference "Corpus Linguistics — 2021". July 1–3, 2021, St. Petersburg. St. Petersburg: SKIFIA-Print, 2021, pp. 232–239.
2. Onipenko N.K. Objasnitelnaje vozmoznosti lingvisticheskogo analiza prozy A.P. Chehova [Explanatory possibilities of linguistic analysis of A. P. Chekhov's prose] // Humanitarian paradigm. 2020. № 3 (14), p. 67–85.
3. Uryson E.V. Drug, tovarishch, prijatel'. Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka [Friend, comrade, buddy. New explanation Comprehensive dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, 2003, pp. 297–299.
4. Shmelev A.D. Druzhiba v russkoj jazykovoj kartine mira [Friendship in the Russian linguistic world-view]. In: Kljuchevye idei jazykovoj kartiny mira [Key ideas of the linguistic world-view in Russian]. Moscow, 2005, pp. 289–303.

Поступила в редакцию 12.02.2024

Принята к публикации 16.04.2024

Отредактирована 21.04.2024

Received 12.02.2024

Accepted 16.04.2024

Revised 21.04.2024

ОБ АВТОРЕ

Кукушкина Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ovkukush@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Kukushkina — Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ovkukush@mail.ru

СТАТЬИ

RUCONST: СИНТАКСИЧЕСКИЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА С РАЗМЕТКОЙ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ СОСТАВЛЯЮЩИМ

П.В. Гращенков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; pavel.gra@gmail.com*

Аннотация: В статье представлены результаты работы по созданию корпуса русского языка с разметкой по синтаксическим составляющим. После обсуждения основных преимуществ подхода к синтаксическому анализу, построенному на грамматике составляющих, представлены примеры некоторых имеющихся на данный момент ресурсов и сформулированы основные ожидания от корпуса. Далее описан процесс создания корпуса, включавший в себя проработку дизайна представления данных, привлечение ансамбля инструментов морфосинтаксической разметки, фильтрацию ошибочных разборов и совпадающих примеров и т. д. В конце статьи изложены основные принципы работы с корпусом, описаны его базовые характеристики и приведены примеры использования.

Ключевые слова: корпуса текстов; русский язык; синтаксис; морфология

Финансирование: Исследование поддержано грантом РНФ 22-18-00037 и проводится в НИВЦ МГУ имени М.В. Ломоносова.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-7

Для цитирования: Гращенков П.В. RuConst: синтаксический корпус русского языка с разметкой по непосредственным составляющим // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 94–112.

RUCONST: A TREEBANK FOR RUSSIAN

Pavel V. Grashchenkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; pavel.gra@gmail.com

Abstract: The paper presents the results of the development of a corpus for Russian with the syntactic markup. Having discussed the main advantages of the constituent grammar approach to the syntax, we present examples of resources, that are currently available on the internet, and highlight basic expectations for a constituent

ency treebank. Then the paper describes the process of developing the treebank, which includes working out the design of data representation, creation of an ensemble of morphosyntactic markup tools, filtering erroneous parses and matching examples, etc. The paper finishes outlining the basic principles of search in the treebank, describing its main characteristics and giving some examples of use.

Keywords: corpora; Russian; syntax; morphology

Funding: The study is supported by a grant from the Russian Science Foundation (22-18-00037) and is carried out at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University.

For citation: Grashchenkov P. (2024) RuConst: A Treebank for Russian Language. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 94–112.

1. Преимущества составляющих перед зависимостями¹

Синтаксический анализ традиционно проводится в рамках одного из двух формализмов: грамматики составляющих (ГС) или грамматики зависимостей (ГЗ), см. [Тестелец 2001: 61–154] и приводимую там литературу. Несмотря на то, что в прикладной и корпусной лингвистике тотальное распространение получил формализм ГЗ, составляющие имеют ряд существенных преимуществ. Назовем некоторые из них.

- i) «Голые» зависимости без специального иерархизирования не могут задавать корректный порядок слов, ср., например: **съесть два эти яблока* vs. *съесть эти два яблока*². С точки зрения ГЗ обе структуры должны быть приемлемы, достаточно того, что в обе-

¹ По справедливому замечанию одного из рецензентов, в большинстве случаев в данной работе речь идет о противопоставлении «синтаксическая группа — синтаксическая вершина». Мы, однако, будем говорить о составляющих, т. к. корпус подразумевает поиск и по группам, и по вершинам. Те преимущества, которые есть у корпуса по сравнению, например, с синтаксическим подкорпусом НКРЯ, относятся к возможности учета информации именно о группах.

² Один из рецензентов заметил здесь: «Автор слишком хорошо думает о русской грамматике. Чтобы не препираться о расхождении интуиций о приемлемости, сверимся с НКРЯ, корпус выдает 132 примера с последовательностью *два эти*: после отсева мусора остается 119 чистых примеров вида *два эти X-а*. Конечно, это не столько, сколько при базовом порядке *эти два X-а* (D Num NP), но базовый и инвертированный порядки и не должны быть представлены с одинаковой частотностью, а возможность инверсии D Num NP Ю Num D__NP является интересным свойством русской грамматики».

Если прибегнуть к помощи поисковых систем, то «Яндекс» дает 2 результата против 250 на инвертированный vs. прямой порядок, а Google — 0 результатов против 7340. Как представляется, такие цифры можно считать показателем неграмматичности первого и грамматичности второго вариантов. В любом случае, описание неграмматичных порядков слов представляется более предпочтительным в терминах именно ГС, а не ГЗ.

их *эти*, два зависит от яблока. Современный формализм ГС обычно подразумевает указание на вершину составляющей, поэтому он легко преобразуем в ГЗ, см., например, [Gelbukh, Torres, Calvo 2005]. Обратное преобразование возможно, только если кроме указания зависимостей все словоформы проиндексированы с точки зрения порядка их следования.

- ii) Отношения связывания между антецедентом и анафорическим средством, перемещенными объектами и их следами и т. п. естественно определяются в терминах составляющих, а не связанных в цепочки словоформ.
- iii) Селективные ограничения могут быть представлены в терминах составляющих более экономно, чем в терминах зависимостей. Например, переходные глаголы принимают в качестве комплемента именную группу, вершиной которой может быть как существительное, так и местоимение; определением в именной группе может быть как группа прилагательного, так и группа причастия и т. д. Таким образом, в ГС мы оперируем типами составляющих, а в ГЗ — частями речи. Поскольку одной и той же составляющей могут соответствовать разные части речи (именная группа: существительные, местоимения, атрибуты при эллипсисе и субстантивации и т. д.), мы действительно можем говорить о большей экономности.
- iv) В ГС есть возможность различать разные типы вложенных структур: комплементы, адъюнкты, спецификаторы. Важность различения адъюнктов и аргументов (последних — и между собой) очевидна синтаксистам, работающим в разных формальных парадигмах. Но именно в терминах ГС такое различие получает некоторое онтологическое обоснование, опирающееся, например, на тайминг деривации (а не только ярлыки для стрелочек).
- v) В некоторых случаях зависимые элементы ориентируются на группу, а не на вершину, по сути имеет «место зависимость через две стрелки». В [Тестелец 2001: 149] в качестве примера приводится предложная группа *прямо над окном*. Формирование зависимости только между *прямо* и *над* было бы невозможно, если бы у *над* не было зависимой именной группы. Можно сказать, что *прямо* в данном случае надстраивается над составляющей (РР). Аналогичны примеры модификаторов типа *слишком*: *слишком низкий для меня потолок*, употребление *слишком низкий потолок* возможно, но подразумевает невыраженного экспериментера (для кого).

- vi) Элементы, имеющие сферу действия, располагаются в определенной позиции относительно всей фразы. Например, *только* находится перед всей именной группой (*только старые московские улицы* vs. **московские только старые улицы*), *не* — перед глагольной группой (*не ест картошку*) и т. д. При этом такие частицы имеют сферу действия либо на всех элементах составляющей, к вершине которой они относятся, либо или на любом ее элементе (*Кот не ест картошку, он мясом питается*).
- vii) Именно составляющие (а не вершины) как феномен лежат в основе эффектов «тяжести» [Hawkins 1990], ср. английское: **John gave to Mary some money* vs. *^{Ok}John gave to Mary everything that he has earned in his entire difficult life*. Синтаксическую тяжесть гораздо проще определять как количество входящих в составляющую словоформ, чем количество стрелок, которые могут зависеть от других стрелок, которые в конце концов выходят из вершины (*everything* → *earned* → *life* → *difficult* → ...), см. здесь [Dryer 1992].

Есть и другие свойства, говорящие о том, что синтаксические модели на составляющих гораздо лучше описывают языковую реальность, см. [Тестелец 2001: 107–154]. По этой причине синтаксические корпуса, имеющие разметку по составляющим, приобретают особую ценность.

2. Синтаксические корпуса с разметкой на составляющих

В 1961 г. лингвистами Университета Браун в США был создан корпус Брауна, который включал примерно миллион слов американского варианта английского языка из текстов различных жанров. В 1980-х годах этот корпус получил разметку, включающую частеречные и синтаксические теги, см. [Баранов 2001: 119–120]. Один из наиболее известных синтаксических корпусов, в основе которого лежит разметка синтаксическими составляющими, — Penn Treebank. Он был создан в 1990-х гг. Пенсильванским университетом на основе материала американской деловой газеты *The Wall Street Journal* а также нескольких других корпусов, существовавших на тот момент [Там же].

Для русской корпусной лингвистики большим прогрессом явилось создание Национального корпуса русского языка, в который на определенном этапе вошел подкорпус СинТагРус, получивший разметку в виде синтаксических отношений. СинТагРус содержит чуть более полутора миллиона слов в 107 129 предложениях и является единственным значительным по объему синтаксическим кор-

пусом русского языка со снятой омонимией³. При создании СинТагРуса использовался понятийный аппарат проекта ЭТАП, и номенклатура используемых синтаксических отношений оказывается насколько подробной, настолько же и порой плохо предсказуемой и трудной для написания запросов. Кроме синтаксических отношений, поиск по СинТагРусу может быть произведен с использованием лексических функций⁴. Другим ограничением СинТагРуса является его онлайн-формат: он удобен для поиска отдельных конструкций, но использовать его как массив для обучения или для многофакторного поиска невозможно в силу того, что он доступен только в интернете.

Если говорить о корпусах, использующих аппарат синтаксических составляющих, такие корпуса были разработаны для целого ряда языков: английского [Marcus, Santorini, Marcinkiewicz 1993; Taylor, Marcus, Santorini 2003], французского [Abeillé, Clément, Toussenet 2003; Wang et al. 2020], немецкого [Brants et al. 2004; Telljohann, Hinrichs, Kubler 2004], итальянского [Montemagni et al. 2000], испанского [Moreno et al. 2000], португальского [Afonso, Haber, Santos 2002], норвежского [Dyvik et al. 2016], болгарского [Simov, Popova, Osenova 2002], чешского [Hajič J. et al. 2001], турецкого [Kara et al. 2020], китайского [Xue et al. 2005], японского [Horn, Alastair, Yoshimoto 2017], тайского [Chay-intr, Sarakit, Theeramunkong 2017] и др. Объем корпусов варьирует от нескольких тысяч до нескольких сотен тысяч предложений. Для русского языка корпуса с разметкой на составляющих до сих пор создано не было.

3. Требования к функционалу корпуса и базовая структура данных

Для русского языка, таким образом, представляется востребованным создание синтаксического корпуса, размеченного составляющими. Информация о зависимостях также должна быть доступна, равно как и разметка частеречными и другими морфологическими тегами.

Итого, требования к проектируемому корпусу на этапе планирования включали:

- i) наличие информации о синтаксических составляющих;
- ii) наличие информации о синтаксических зависимостях;

³ 107 129 предложений, 1 529 501 слово, см. <https://ruscorpora.ru/new/search-syntax.html>.

⁴ <https://ruscorpora.ru/page/instruction-syntax/>.

- iii) наличие удобной и общепонятной морфосинтаксической нотации;
- iv) размер — сотни тысяч предложений (миллионы словоформ);
- v) доступность датасета офлайн;
- vi) возможность написания сложных поисковых запросов;
- vii) возможность выгрузки и анализа данных после отработки запросов.

В качестве морфосинтаксической нотации был выбран ставший общепринятым в последние годы формализм Universal Dependencies (далее — UD) [Nivre 2015]⁵. Синтаксические теги в нем имеют достаточно общий и абстрактный вид⁶ и соответствуют общелингвистическим представлениям, не требуя глубоко погружения в детали конкретных синтаксических теорий⁷.

Для представления информации о предложении было решено использовать достаточно стандартную структуру данных, предполагающих отдельные поля для id, самого текста, информации о длине, источнике (см. ниже) и скобочном представлении разбора составляющей. Кроме этих полей, есть также два больших поля со списками словоформ (tokens) и составляющих (constituents), а также ссылка на пример в интернете:

(1) Схема организации данных в корпусе

JSON	Необработанные данные	Заголовки
Сохранить	Скопировать	Свернуть все
Развернуть все	Поиск в JSON	
▼ 0:		
id:	"172069_11"	
▶ text:	"Мартин Эдегор считается ... перспективных игроков."	
length:	8	
source:	"1"	
▶ sentence_tree:	" [VP [NP Мартин [NP Эдег...ективных] игроков]]] ."	
▶ tokens:	[...]	
▶ constituents:	[...]	
url:	" https://lenta.ru/news/2015/04/08/police/ "	

Ниже приводится пример представления для отдельной словоформы (список в блоке tokens):

⁵ См. также <https://universaldependencies.org/>.

⁶ См. <https://universaldependencies.org/u/dep/>.

⁷ В частности, для поиска по СинТагРусу не всегда прозрачным является то, какое именно из комплетивных, определительных, аппозитивных и др. отношений нужно выбирать, где проходят границы классов разных синтаксических отношений и т. п.

(2)

```
▼ tokens:
  ▼ 0:
    itoken:          1
    token:           "Мартин"
    lemma:           "Мартин"
  ▼ tagsets:
    ▼ 0:
      0:             "PROPN"
      1:             "Animacy=Anim"
      2:             "Case=Nom"
      3:             "Gender=Masc"
      4:             "Number=Sing"
    parent_token_index: 3
    edge_type:        "nsubj:pass"
    ► constituent:    {...}
```

В следующем примере представлен вход для одной из составляющих (блок constituents):

(3)

```
▼ constituents:
  ▼ 0:
    name:            "NP"
    id:              0
    ► tags:          [...]
    ► tokens:        [...]
    head_id:         1
    text:            "Мартин Эдегор "
    length:          2
```

Так хранится каждое конкретное предложение в корпусе. Весь корпус после разработки был разбит на 4 части (источник, поле «source»), каждая хранится в отдельном json-файле, где все предложения представлены как список верхнего уровня.

4. Процесс разработки, работа по устранению ошибок

В качестве источника данных был взят архивный массив данных с публикациями портала Lenta.ru. Поскольку этот ресурс хранит публикации прошлых лет, все примеры из корпуса доступны по ссылкам в интернете. Исходный массив был разбит на части, состоящие из 1 млн предложений каждое. Четыре такие части подверглись разбору для добавления в корпус морфологической и синтаксической информации.

Для получения морфосинтаксической разметки были задействованы автоматические системы грамматического анализа. Ошибки парсеров устранялись при помощи так называемой методики «ансамбля» инструментов: текст пропускался через все выбранные парсеры и оставлялись лишь те примеры, анализ которых совпадал.

Были задействованы три наиболее часто используемых нейросетевых инструмента, дающих оптимальное на сегодня качество за приемлемое время работы: Stanza (см. [Qi et al. 2020]), UDPipe (см. [Nguyen et al. 2021]) и Trankit (см. [Straka, Hajic, Strakova 2016]). Поскольку все разрабатываемые к данному моменту нейросетевые решения для русского языка обучаются на корпусе СинТагРус, был риск, что использование подобных инструментов для создания нового датасета может не дать качественного прироста в данных. Существовала возможность, что примеры, которые верно разбираются всеми перечисленными инструментами, будут некоторым образом похожи на те или иные данные СинТагРуса. Напротив, примеры, на которых один или несколько парсеров отрабатывают неудачно, могут являться проблемой из-за недопредставленности конструкций определенного типа в СинТагРусе. Для расширения феноменологической базы создаваемого корпуса было решено использовать также разработанный в рамках одного из коммерческих проектов контекстно-свободный парсер на правилах.

На первом этапе обработки, таким образом, исходные данные проходили через четыре указанных инструмента синтаксического анализа. На следующем этапе на основании построенного четырьмя парсерами дерева зависимостей формировалось скобочное представление в терминах ГС. Далее для устранения ошибок автоматического разбора, потенциально возможного у каждого из инструментов, отбирались лишь те варианты, которые совпадали у трех разных систем. Такие разборы считались валидными, примеры отбирались в датасет. Приведем примеры таких скобочных представлений:

(4)

а) [VP O6 [NP этом] сообщает [NP The [NP Hollywood [NP Reporter]]]].

б) [VP O6 [NP этом] сообщает [NP The [NP Hollywood] [NP Reporter]]]

в) [VP O6 [NP этом] сообщает [NP The [NP Hollywood] [NP Reporter]]]

Пример а) в данном случае взят из разбора парсера на правилах, б) и в) — из разборов от Stanza / UDPipe соответственно. Как видно, все они совпадают с точностью до знаков препинания⁸. Такие случаи считались тождественными независимо от того, совпадают ли ярлыки синтаксических отношений или нет. Решение игнорировать ярлыки отношений было принято потому, что нотации могут слегка различаться (близкие синтаксические отношения из UD иногда размечаются недостаточно систематично). Кроме того, иногда в разборе какого-либо парсера могла происходить ошибка в определении отношений, чаще всего — путались местами субъект и объект (здесь, например, выделено подлежащее *кубок*: [VP [NP *Первое место* [NP *и кубок* [NP *чемпионов*]]] *завоевал* [NP *МГУ*]]).

Часть 1 (первый миллион предложений) была отобрана при помощи парсера на правилах и систем Stanza и UDPipe, остальные три части — при участии Stanza, UDPipe, Trankit⁹.

Следующим этапом была фильтрация схожих предложений. Был выбран порог совпадения в четыре символа, т. е. все предложения, которые различались на четыре символа или менее, фильтровались¹⁰ — оставалось только одно из них, см. следующие примеры:¹¹

(5)

==>duplicates found: О причинах смерти ничего не сообщается. О причинах аварии ничего не сообщается.

==>duplicates found: Об этом он заявил в интервью BBC. Об этом он заявил в интервью CNN.

⁸ Знаки препинания и разделители игнорировались при сопоставлении.

⁹ Парсер на правилах использовался только для отбора первой части, т. к. суммарное время его работы над 1 млн предложений составило около 3 месяцев. Время работы над частями в 1 млн предложений у UDPipe составлялось около 2–3 дней, у Stanza — порядка одной недели, у Trankit — несколько более недели.

¹⁰ Из-за необходимости сопоставлять каждое из сотен тысяч предложений со всеми остальными время фильтрации каждой из четырех частей составляло 1–2 недели.

¹¹ Появление полных или частичных дубликатов объясняется как перепечатыванием материалов, так и обилием в данных стандартных журналистских клише.

=>duplicates found: Это на 23,3 процента больше, чем в 2015 году. Это на 3,4 процента больше, чем в 2012 году.

=>duplicates found: Врачи оценивают его состояние как стабильное. Врачи оценивают их состояние как стабильное.

=>duplicates found: В результате аварии пострадали 18 человек. В результате аварии пострадали 33 человека.

=>duplicates found: Информации о пострадавших нет. Информации о пострадавших нет.

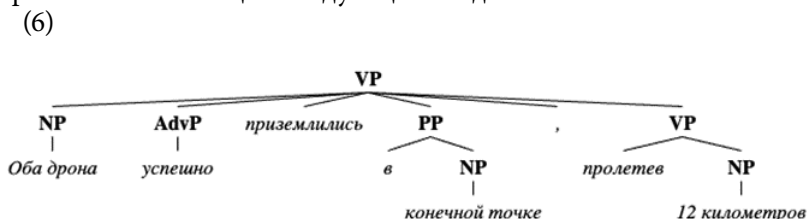
=>duplicates found: 182 человека пострадали. Три человека пострадали.

После этого прошедшие фильтрацию примеры добавлялись в части 1–4 корпуса. Часть 1, в создании которой участвовал парсер на правилах, в результате представляет собой наиболее короткие предложения (см. статистику ниже), т. к. контекстно-свободный парсер склонен «набирать» большее количество ошибок с ростом длины предложения.

Скажем несколько слов о принятой структуре составляющих. Составляющей при создании корпуса считалась любая ветвящаяся вершина. Именные вершины и вершины-наречия оборачивались в составляющие даже в отсутствие зависимых.

Будучи построена из ГЗ UD, итоговая структура в результате небинарна, не различает комплементы и адъюнкты, не содержит нулевых элементов и информации о кореферентности и т. д. В действительности почти никакие сколько-нибудь представительные по объему корпуса не содержат указанных сведений. Часть такой информации может быть добавлена в корпус в процессе дополнительной доработки, но это требует очень большой вовлеченности человеческих ресурсов.

В настоящий момент имеющаяся разметка позволяет строить деревья составляющих следующего вида:

В процессе подготовки корпуса было пройдено еще два важных этапа. Во-первых, из морфологического пакета r morphology2 [Korobov 2015], являющегося самым популярным для русского языка не нейросетевым парсером, была добавлена в морфологические теги глаголов информация о переходности. Во-вторых, принятая в UD

схема организации зависимости между адлогами и субстантивами (стрелка «case» идет от субстантива к адлогу) была инвертирована и приведена к традиционному виду, при котором вершиной предложной группы в русском языке является предлог¹².

5. Итоговая структура: объем, грамматический состав, оставшиеся неточности

В корпусе на данный момент 628 173 предложений, в которых 6 857 935 слов, средняя длина предложения 10,9 слова. Далее приведены таблицы, отображающие статистику по частям речи, типам составляющих и связям.

(7) Размер частей корпуса в словах и предложениях¹³

Часть корпуса	Предложений	Слов	Ср. длина предложения
1	105 757	738 853	6,99
2	182 670	2 023 648	11,08
3	158 618	1 914 319	12,07
4	181 128	2 181 115	12,04
Всего	628 173	6 857 935	10,9

(8) Части речи в корпусе

POS	Количество	Процент	POS	Количество	Процент
NOUN	2304641	27,94%	CCONJ	147669	1,79%
PUNCT	1342708	16,28%	DET	142571	1,73%
VERB	975200	11,82%	SCONJ	141886	1,72%
ADP	922110	11,18%	PART	111481	1,35%
ADJ	668638	8,11%	PTCPL	44462	0,54%
PROPN	625020	7,58%	AUX	34439	0,42%
PRON	284710	3,45%	X	714	0,01%
NUM	274623	3,33%	SYM	123	0,00%
ADV	226320	2,74%	INTJ	26	0,00%

(9) Типы составляющих в корпусе

Группа	Количество	Процент	Группа	Количество	Процент
NP	3224065	57,65%	NumP	103898	1,86%

¹² Вся работа по созданию корпуса заняла около полугода.

¹³ Отметим, что средняя длина предложения в СинТагРусе составляет 14,3 слова, см. <https://ruscorpora.ru/new/search-syntax.html>.

Группа	Количество	Процент	Группа	Количество	Процент
VP	1004649	17,96%	AP	99126	1,77%
PP	920839	16,46%	PartP	7307	0,13%
AdvP	226320	4,05%	CCONJP	4926	0,09%
			SCONJP	1796	0,03%

(10) Синтаксические связи в корпусе

Тип связи	Количество	Процент	Тип связи	Количество	Процент
Punct	1 341 249	16,26%	flat:foreign	73 621	0,89%
Case	935 066	11,34%	flat:name	72 736	0,88%
Nmod	874 606	10,60%	nummod:gov	53 395	0,65%
Obl	789 980	9,58%	flat	50 295	0,61%
Nsubj	717 952	8,71%	iobj	50 076	0,61%
Root	645 244	7,82%	advcl	41 012	0,50%
Amod	616 071	7,47%	cop	34 738	0,42%
Obj	288 669	3,50%	acl:relcl	32 469	0,39%
Advmod	281 353	3,41%	fixed	27 372	0,33%
nummod	223 004	2,70%	nsubj:pass	27 369	0,33%
Conj	204 136	2,48%	acl	18 157	0,22%
Cc	148 397	1,80%	csbj	16 543	0,20%
Mark	139 973	1,70%	compound	5567	0,07%
Det	138 903	1,68%	discourse	1645	0,02%
parataxis	129 295	1,57%	csbj:pass	1643	0,02%
Appos	100 852	1,22%	orphan	1265	0,02%
Xcomp	85 859	1,04%	nummod:entity	69	0,00%
Ccomp	78 744	0,95%	expl	17	0,00%
			aux	2	0,00%

В корпусе еще остаются в некотором количестве ошибки разметки. Чаще всего они связаны со следующими проблемами: а) неверное определение типа связи (субъект вместо прямого объекта); б) неверное определение типа составляющей (NumP вместо NP и т. п.); в) ошибка в уровне прикрепления составляющей. В качестве примера ошибки последнего типа можно привести случай потенциальной омонимии прикрепления адъюнкта к именной либо глагольной группе. В примере ниже вероятнее всего подразумевалась структура [_{VP} [_{PP} в январе] упали], однако в корпус попал другой потенциально допустимый разбор:

(11)

6. Принципы работы и предполагаемое использование

Корпус снабжен поисковыми средствами и доступен для скачивания в интернете¹⁴. После скачивания можно создавать поисковые запросы в формате файлов yaml, их функционал подробно описан. Поиск позволяет обращаться к морфологическим и синтаксическим тегам, ярлыкам составляющих, леммам и их спискам, задавать ограничения на порядок слов. Ниже приведен пример правила, задающего поиск субъектных и объектных именных групп, возглавляемых существительными и следующих в порядке «субъект — глагол — прямой объект»:

(12)

```
- SubExample:
  Name: SV0

  Participants:
    - Obligatory: Verb, S, O

  Items:
    - A: S
      Morph: NOUN, Case=Nom
      ConstituentType: NP

    - B: O
      Morph: NOUN, Case=Acc
      ConstituentType: NP

    - C: Verb
      Morph: VERB, VerbForm=Fin

  Links:
    - C, A: nsubj
    - C, B: obj

  Constraints:
    - Order: A, C
    - Order: C, B
```

¹⁴ https://github.com/grapaul/Ru_Const.

Поисковая выдача формируется в виде файлов txt и csv, после чего файл csv может быть открыт и проанализирован в Excel. При задании поиска по составляющим в результат выдачи автоматически включается информация о позиции вершины в предложении и ее длине:

(13) Пример выдачи в формате txt

```
=>Найден пример Clause_WO_Nouns номер 4 типа SVO с текстом
Лидер евроскептиков назвал участников акции подонками.
=>из предложения #174133_4
[VP [NP Лидер [NP евроскептиков]] назвал [NP участников [NP акции]] [NP подонками]]
=>Слоты:
=>S = Лидер евроскептиков
=>Verb = назвал
=>O = участников акции
```

(14) Пример выдачи в формате csv

id	ex	example_name	subexarn text	tree	sent_len	DO	V	Subj		
1	174115_1	Clause_WO_Noun	SVO	Шампа продолжит работу в центральном офисе С	[VP [NP Шампа] продолжи	7	работу в цен	3 5 Шампа	1 1 продолжит	2
2	174130_11	Clause_WO_Noun	SVO	В начале марта соответствующий законопроект, п	[VP [PP В [NP начале [NP	11	правительст	12 2 соответствующий с	5 6 одобрило	11
3	174131_9	Clause_WO_Pronc	SOV_oN	Я детей не люблю.	[VP [NP Я] [NP детей]] не л	4	детей	2 1 Я	1 1 люблю	4
4	174133_4	Clause_WO_Noun	SVO	Лидер евроскептиков назвал участников акции под	[VP [NP Лидер [NP евроос	6	участников	4 2 Лидер евроскепти	1 2 назвал	3
5	174135_7	Clause_WO_Noun	SOV	Однако тогда пресс-служба Нацгвардии эту инфос	[VP [AdvP Однако] [AdvP	7	эту информ	6 2 пресс-служба Нацг	3 2 опровергла	7
6	174180_6	Clause_WO_Noun	SVO	Прибывшие медики доставили писателя в одну из	[VP [NP Прибывшие меди	9	писатели	4 1 Прибывшие медики	2 2 доставили	3
7	174182_10	Clause_WO_Noun	SVO	Затем мужчина вновь направил баллончик на пера	[VP [AdvP Затем] [NP муж	8	баллончик	5 1 мужчина	2 1 направил	4
8	174184_9	Clause_WO_Noun	SVO	В середине января парламент Украины утвердил с	[VP [PP В [NP середине]	9	соответству	8 3 парламент Украин	4 2 утвердил	6
9	174211_11	Clause_WO_Noun	OSV	Случай 2010 года дитпрдставитель назвал един	[VP [NP Случай [NP 2010	6	Случай 2010	1 3 дитпрдставитель	4 1 назвал	5
10	174214_9	Clause_WO_Pronc	SVO_oN	Вы определите ставки.	[VP [NP Вы] определите	3	ставки	3 1 Вы	1 1 определите	2

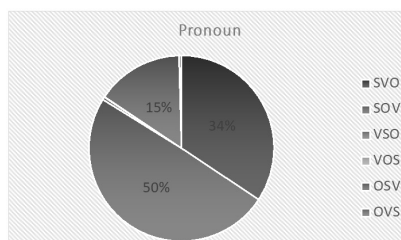
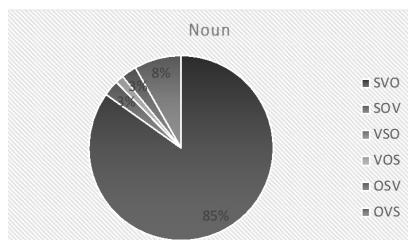
Если после получения поисковой выдачи появилась потребность иметь более полную информацию о каком-либо предложении, оно может быть извлечено из корпуса специальным скриптом.

Корпус будет особенно полезен при исследовании порядка слов, изучении проблем, связанных с удобством парсинга (поведение тяжелых составляющих, свойства проекций разных частей речи и т. п.), вариативного согласования, варьирования в падежных стратегиях, при извлечении информации о синтаксическом управлении и синтаксической сочетаемости в целом и т. д.

Приведем результат анализа поисковой выдачи для глаголов с субъектом и прямым объектом. Как можно видеть, стратегии организации таких предложений разительно отличаются в случаях, если вершинами являются существительные или местоимения. При вершинах-существительных 85% примеров приходится на порядок SVO, 8% — на OVS, по 3% — на SOV и OSV. В то же время, если вершинами субъекта и прямого объекта являются местоимения, половина случаев приходится на порядок SOV, что вместе с OSV (15%) дает две трети всех употреблений. Получается, что в 65% случаев, когда аргументами являются местоимения, наблюдается препозиция обоих аргументов — это прекрасно объясняется тем, что местоимения задают известную информацию и, как правило, являются темой.

На «канонический» порядок SVO приходится всего около трети примеров (34%).

(15) Порядок слов в предикациях с аргументами, возглавляемыми только существительными и только местоимениями

7. Заключение

Мы представили синтаксический корпус русского языка, размеченный в терминах грамматики составляющих и грамматики зависимостей. Корпус открыт для скачивания¹⁵ и может быть использован для лингвистических исследований и машинного обучения. Для лингвистов-исследователей корпус может быть полезен при изучении порядка слов, синтаксической и морфологической вариативности, проблем согласования, падежного маркирования и т. д. В дальнейшем планируются работы по устранению оставшихся ошибок в разметке данных, усовершенствование и ускорение поисковых алгоритмов, другие технические работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М., 2001. 360 с.
2. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. 798 с.
3. Abeillé A., Clément L., Toussenet F. Building a Treebank for French // Building and Using Parsed Corpora. Text, Speech and Language Technology, Abeillé, A (ed.). Dodrecht, Boston, London, 2003, pp. 165–187.
4. Afonso S., Bick E., Haber R., Santos D. Floresta sintá(c)tica: a treebank for Portuguese // Proceedings of LREC 2002, pp. 1698–1703.
5. Brants S., Dipper S., Eisenberg P., Hansen S., König E., Lezius W., Rohrer C., Smith G., Uszkoreit H. TIGER: Linguistic interpretation of a German corpus // Research on Language and Computation, Special Issue, 2004, 2 (4), pp. 597–620.
6. Chay-intr T., Sarakit P., Theeramunkong T. Iterative Thai Treebank Construction via Interactive Tree Visualization // Proceedings of the 12th International Conference on Knowledge, Information and Creativity Support System (KICSS2017), 2017, pp. 97–101.

¹⁵ https://github.com/grapaul/Ru_Const.

7. *Dryer M.S.* The Greenbergian word order correlations // *Language*. 1992, 68, pp. 81–138.
8. *Dyvik H., Meurer P., Rosén V., De Smedt K., Haugereid P., Smørdal Losnegaard G., Lyse Gunn I., Thunes M.* NorGramBank: A ‘Deep’ Treebank for Norwegian // *N. Calzolari, K. Choukri, T. Declerck, M. Grobelnik, B. Maegaard, J. Mariani, A. Moreno, J. Odijk, S. Piperidis (eds.). Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC’16)*, pp. 3555–3562, Portorož, Slovenia. ELRA.
9. *Gelbukh A., Torres S., Calvo H.* Transforming a constituency treebank into a dependency treebank // *Procesamiento del lenguaje natural*. 2005, no. 35, pp. 145–152.
10. *Hajic J., Hladka B., Pajas P.* The Prague dependency treebank: Annotation structure and support // *Proceedings of the IRCS Workshop on Linguistic Databases*, 2001, pp. 105–114.
11. *Hawkins J.A.* A Parsing Theory of Word Order Universals // *Linguistic Inquiry*, 1990. Vol. 21, no. 2, pp. 223–261.
12. *Horn S.W., Alastair B., Yoshimoto K.* “Keyaki Treebank segmentation and part-of-speech labelling”, 『言語処理学会 第23 回年次大会 発表論文集』, 2017, pp. 414–417.
13. *Kara, N., Marşan B., Özçelik M., Arıcan B.N., Kuzgun A., Cesur N., Aslan D.B., Yıldız, O.T.* Creating a syntactically felicitous constituency treebank for Turkish // *2020 Innovations in Intelligent Systems and Applications Conference (ASYU)*, 2020b, pp. 1–6.
14. *Korobov M.* Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages // *Analysis of Images, Social Networks and Texts*, 2015, pp. 320–332.
15. *Marcus M.P., Santorini B., Marcinkiewicz M.A.* Building a large annotated corpus of English: The Penn Treebank // *Computational Linguistics*, 1993, vol. 19, no. 2, pp. 313–330.
16. *Montemagni S., Barsotti F., Battista M., Calzolari N., Corazzari O., Zampolli A., Fanciulli F., Massetani M., Raffaelli R., Basili R., Papienza M.T., Saracino D., Zanzotto F., Mana N., Pianesi F., Delmonte R.* The Italian Syntactic-Semantic Treebank: Architecture, Annotation, Tools and Evaluation // *Proceedings of the COLING-2000 Workshop on Linguistically Interpreted Corpora*, Centre Universitaire, Luxembourg. International Committee on Computational Linguistics, 2000, pp. 18–27.
17. *Moreno A., Grishman R., Lopez S., Sanchez F., Sekine S.* A Treebank of Spanish and its Application to Parsing. In *Proceedings of the Second Conference on Language Resources and Evaluation (LREC2000)*, Athens, Greece, 2000, pp. 107–111.
18. *Nguyen Minh Van, Lai Viet, Ben Veyseh Amir Pouran, Nguyen Thien Huu.* Trankit: A lightweight transformer-based toolkit for multilingual natural language processing // *Proceedings of the 16th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations*, 2021, pp. 80–90.
19. *Nivre J.* Towards a Universal Grammar for Natural Language Processing // *Computational Linguistics and Intelligent Text Processing*, 2015, pp. 3–16.
20. *Qi Peng, Zhang Yuhao, Zhang Yuhui, Bolton Jason, Manning Christopher D.* Stanza: A Python Natural Language Processing Toolkit for Many Human Languages // *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations*, 2020, pp. 101–108.
21. *Simov K., Popova G., Osenova P.* HPSG-based syntactic treebank of Bulgarian (Bul-TreeBank). In: “A Rainbow of Corpora: Corpus Linguistics and the Languages of the World”, edited by A. Wilson, P. Rayson, T. McEnery; Lincom-Europa, Munich, 2002, pp. 135–142.
22. *Straka M., Hajic J., Strakova J.* UDPipe: Trainable Pipeline for Processing CoNLL-U Files Performing Tokenization, Morphological Analysis, POS Tagging and Parsing //

- Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016). Portoroz, Slovenia, pp. 4290–4297.
23. Taylor A., Marcus M. P., Santorini B. The Penn Treebank: An Overview // Text Speech and Language Technology, 2003 pp. 5–22.
 24. Telljohann H., Hinrichs E., Kubler S. The TüBa-D/Z treebank: Annotating German with a context-free backbone // Proceedings of the Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC), Lisbon, Portugal, 2004, pp. 2229–2235.
 25. Wang I., Pelletier A., Antoine J.-Y., Halftermeyer A. ODIL Syntax, a Free Spontaneous Spoken French Treebank Annotated with Constituent Trees // Proceedings of LREC'2020, Marseille, France, URL: <https://hal.science/hal-02523141>.
 26. Xue N., Xia F., Chiou F.-D., Palmer M. The Penn Chinese TreeBank: Phrase Structure Annotation of a Large Corpus. Natural Language Engineering, 2005, 11 (2), pp. 207–238.

REFERENCES

1. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku [Introduction to the Applied Linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 360 p.
2. Testeleys Ya. G. Vvedenie v obshchij sintaksis [Introduction to Syntax]. Moscow, RGGU, 2001. 798 p.
3. Abeillé A., Clément L., Toussanel F. Building a Treebank for French // Building and Using Parsed Corpora. Text, Speech and Language Technology, Abeillé, A (ed.). Dodrecht, Boston, London, 2003, pp. 165–187.
4. Afonso S., Bick E., Haber R., Santos D. Floresta sintá(c)tica: a treebank for Portuguese // Proceedings of LREC 2002, pp. 1698–1703.
5. Brants S., Dipper S., Eisenberg P., Hansen S., König E., Lezius W., Rohrer C., Smith G., Uszkoreit H. TIGER: Linguistic interpretation of a German corpus // Research on Language and Computation, Special Issue, 2004, 2 (4), pp. 597–620.
6. Chay-intr T., Sarakit P., Theeramunkong T. Iterative Thai Treebank Construction via Interactive Tree Visualization // Proceedings of the 12th International Conference on Knowledge, Information and Creativity Support System (KICSS2017), 2017, pp. 97–101.
7. Dryer M.S. The Greenbergian word order correlations // Language. 1992, 68, pp. 81–138.
8. Dyvik H., Meurer P., Rosén V., De Smedt K., Haugereid P., Smørdal Losnegaard G., Lyse Gunn I., Thunes M. NorGramBank: A 'Deep' Treebank for Norwegian // N. Calzolari, K. Choukri, T. Declerck, M. Grobelnik, B. Maegaard, J. Mariani, A. Moreno, J. Odijk, S. Piperidis (eds.). Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16), pp. 3555–3562, Portorož, Slovenia. ELRA.
9. Gelbukh A., Torres S., Calvo H. Transforming a constituency treebank into a dependency treebank // Procesamiento del lenguaje natural. 2005, no. 35, pp. 145–152.
10. Hajic J., Hladka B., Pajas P. The Prague dependency treebank: Annotation structure and support // Proceedings of the IRCS Workshop on Linguistic Databases, 2001, pp. 105–114.
11. Hawkins J.A. A Parsing Theory of Word Order Universals // Linguistic Inquiry, 1990. Vol. 21, no. 2, pp. 223–261.

12. Horn S.W., Alastair B., Yoshimoto K. “Keyaki Treebank segmentation and part-of-speech labelling”, 『言語処理学会 第23 回年次大会 発表論文集』, 2017, pp. 414–417.
13. Kara, N., Marşan B., Özçelik M., Arıcan B.N., Kuzgun A., Cesur N., Aslan D.B., Yıldız, O.T. Creating a syntactically felicitous constituency treebank for Turkish // 2020 Innovations in Intelligent Systems and Applications Conference (ASYU), 2020b, pp. 1–6.
14. Korobov M. Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages // Analysis of Images, Social Networks and Texts, 2015, pp. 320–332.
15. Marcus M.P., Santorini B., Marcinkiewicz M.A. Building a large annotated corpus of English: The Penn Treebank // Computational Linguistics, 1993, vol. 19, no. 2, pp. 313–330.
16. Montemagni S., Barsotti F., Battista M., Calzolari N., Corazzari O., Zampolli A., Fanciulli F., Massetani M., Raffaelli R., Basili R., Pazienza M.T., Saracino D., Zanzotto F., Mana N., Pianesi F., Delmonte R. The Italian Syntactic-Semantic Treebank: Architecture, Annotation, Tools and Evaluation // Proceedings of the COLING-2000 Workshop on Linguistically Interpreted Corpora, Centre Universitaire, Luxembourg. International Committee on Computational Linguistics, 2000, pp. 18–27.
17. Moreno A., Grishman R., Lopez S., Sanchez F., Sekine S. A Treebank of Spanish and its Application to Parsing. In Proceedings of the Second Conference on Language Resources and Evaluation (LREC2000), Athens, Greece, 2000, pp. 107–111.
18. Nguyen Minh Van, Lai Viet, Ben Veyseh Amir Pouran, Nguyen Thien Huu. Trankit: A lightweight transformer-based toolkit for multilingual natural language processing // Proceedings of the 16th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations, 2021, pp. 80–90.
19. Nivre J. Towards a Universal Grammar for Natural Language Processing // Computational Linguistics and Intelligent Text Processing, 2015, pp. 3–16.
20. Qi Peng, Zhang Yuhao, Zhang Yuhui, Bolton Jason, Manning Christopher D. Stanza: A Python Natural Language Processing Toolkit for Many Human Languages // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations, 2020, pp. 101–108.
21. Simov K., Popova G., Osenova P. HPSG-based syntactic treebank of Bulgarian (Bul-TreeBank). In: “A Rainbow of Corpora: Corpus Linguistics and the Languages of the World”, edited by A. Wilson, P. Rayson, T. McEnery; Lincom-Europa, Munich, 2002, pp. 135–142.
22. Straka M., Hajic J., Strakova J. UDPipe: Trainable Pipeline for Processing CoNLL-U Files Performing Tokenization, Morphological Analysis, POS Tagging and Parsing // Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016). Portoroz, Slovenia, pp. 4290–4297.
23. Taylor A., Marcus M. P., Santorini B. The Penn Treebank: An Overview // Text Speech and Language Technology, 2003 pp. 5–22.
24. Telljohann H., Hinrichs E., Kubler S. The TüBa-D/Z treebank: Annotating German with a context-free backbone // Proceedings of the Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC), Lisbon, Portugal, 2004, pp. 2229–2235.
25. Wang I., Pelletier A., Antoine J.-Y., Halftermeyer A. ODIL Syntax, a Free Spontaneous Spoken French Treebank Annotated with Constituent Trees // Proceedings of LREC’2020, Marseille, France, URL: <https://hal.science/hal-02523141>.

26. Xue N., Xia F., Chiou F.-D., Palmer M. The Penn Chinese TreeBank: Phrase Structure Annotation of a Large Corpus. *Natural Language Engineering*, 2005, 11 (2), pp. 207–238.

Поступила в редакцию 04.05.2023

Принята к публикации 16.04.2024

Отредактирована 21.04.2024

Received 04.05.2023

Accepted 16.04.2024

Revised 21.04.2024

ОБ АВТОРЕ

Гращенко Павел Валерьевич — доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, заведующий лабораторией автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ имени М.В. Ломоносова; pavel.gra@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Pavel V. Grashchenkov — Prof. Dr., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology; Head of the Laboratory for Computational Lexicography, Lomonosov Moscow State University; pavel.gra@gmail.com

ОРФОГРАФИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО КОНТР-АДМИРАЛ В ИСТОРИИ РУССКОГО ПИСЬМА

В.В. Каверина, И. Ван

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kaverina1@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме обоснования дефисного оформления существительного *контр-адмирал* в диахронии и современном письме. Цель статьи — установить узкую и кодифицированную нормы правописания данной лексемы и проследить их динамику. Узус устанавливается методом сплошной выборки на материале, размещенном в «Национальном корпусе русского языка». Кроме того, используется материал грамматик и словарей XVIII и XIX вв.: «Словаря Академии Российской» рубежа XVIII–XIX вв. в двух изданиях, «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г., грамматик Н.И. Греча 1827 г., А.Х. Востокова 1831 г., Академической грамматики 1849 г. Существительные на *контр-* кодифицированы в указанный период недостаточно основательно, однако тенденция дефисного написания таких слов получает развитие в следующем столетии и сохраняется до настоящего времени. Очевидно, что первоначально она поддерживалась традицией использования прописных букв в составе таких слов, как *контр-адмирал*. Поскольку прописные буквы здесь были устранены, авторы Правил 1956 г. выдвинули идею о семантической обособленности дефисного употребления *контр-*, в отличие от нормативного слитного. В 20-е гг. XXI в. в новейшем академическом ресурсе ИПС «Орфографическое комментирование русского словаря» была сделана неудачная попытка объяснить особенности правописания слова *контр-адмирал* при помощи значения 'низкий', что не подтверждается данными словарей. Очевидно, сохранение дефисного оформления *контр-адмирал* связано с орфографической традицией и стремлением обособить морфему на письме.

Ключевые слова: история русского письма; орфография сложных слов с начальным *контр-*; слитное и дефисное написание; орфография лексемы *контр-адмирал*

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-8

Для цитирования: Каверина В.В., Ван И. Орфография существительного *контр-адмирал* в истории русского письма // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 113–123.

SPELLING OF THE NOUN КОНТР-АДМИРАЛ IN THE HISTORY OF RUSSIAN WRITING

Valeriia Kaverina, Yiming Wang

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kaverina1@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the problem of substantiating the hyphenation of the noun *контр-адмирал* in diachrony and modern writing. The purpose of the article is to establish the usual and codified spelling norms of this lexeme and to trace their dynamics. The usage is established by sampling on the material placed in the National Corpus of the Russian Language. In addition, the material of grammars and dictionaries of the 18th and 19th centuries is used: The Dictionary of the Russian Academy of the turn of the 18th–19th centuries in two editions, Dictionary of the Church Slavonic and Russian Language (1847), grammars by N.I. Grech (1827), A.Kh. Vostokov (1831), the Academic Grammar of 1849. Nouns beginning with *контр-* are not codified strongly enough in this period, but the tendency to hyphenate such words develops in the next century and persists to the present day. Obviously, it was originally supported by the tradition of using capital letters in the composition of words such as *контр-адмирал*. As the uppercase letters were eliminated here, the authors of the 1956 Rule put forward the idea of the semantic separateness of the hyphenated use of *контр-*, as opposed to the normative confluent use. In the 2020s, the newest academic IPS resource “Spelling Comments on the Russian Dictionary” made an unsuccessful attempt to explain the peculiarities of the spelling of the word *контр-адмирал* with the meaning ‘low’, which is not confirmed by dictionary data. Obviously, the retention of the hyphenated form of *контр-адмирал* is due to the orthographic tradition and the desire to isolate morphemes in writing.

Keywords: history of Russian writing; spelling of compound words with initial *контр-*; one-word and hyphenated spelling; spelling of the lexeme *контр-адмирал*

For citation: Kaverina V.V., Wang Y. (2024) Spelling of the Noun *контр-адмирал* in the History of Russian Writing. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 113–123.

1. Введение

Проблема слитного или дефисного оформления существительных с начальным *контр-* актуальна сегодня не менее, чем в предшествующие столетия. Приведем правило их правописания в новейшем академическом ресурсе ИПС «Орфографическое комментирование русского словаря»: «**контр...** *слитно/дефисно/раздельно*: 1) пишется слитно как приставка, напр.: *контратаковать, контррдовод, контр-игра, контриск, контрмера, контрпредложение, контрразведка, контрреволюция, контрудар* § 40 п. 1; 2) пишется через дефис как исключение из правила о слитном написании приставок: *контр-адмирал, контр-бизань, контр-киль, контр-красница* § 40 п. 1 искл.;

3) пишется через дефис как приставка, присоединяемая к слову, которое имеет собственное дефисное написание, напр.: *контр-топ-спин* § 40 п. 1 искл.-подпр. 2. ♦ У приставки есть и значение “низкий”, слово *контр-адмирал* обозначает самое низкое адмиральское звание. У приставки есть вариант *контра-*» [Бешенкова, Иванова, Тенькова]. Наше исследование посвящено анализу данной орфограммы в диахронии и в современном русском языке. Особое внимание привлекло исключение из правила, в частности значение ‘низкий’ морфемы *контр-*.

2. Орфография слова «контр-адмирал» в XVIII–XIX вв.

В подкорпусе XVIII в. «Национального корпуса русского языка» отмечено 8 случаев употребления слова *контр-адмирал*, в которых употребляются прописные буквы. Из них 2 раза слово пишется раздельно:

Бго Величество 42 Памбургъ 36 Адміраль 50 Контръ Адміраль 36 Шаутъ бенахтъ 36 Капітанъ Кінъ 36 [И. К. Таубертъ. Краткое описаніе всѣхъ случаевъ касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу [перевод книги Готлиба Байера с немецкого] (1738)];

1 корабли построены на линьяхъ паралельныхъ одной линьи бейдевинда разстояніемъ по вышеписанному правилу, корпусъ баталіи или Адмираль съ своею эскадрою въ срединѣ, Вице-Адмираль на вѣтрѣ, а Контръ Адмираль подѣ вѣтромъ. [И. Голенищев-Кутузов [перевод сочинения П. Госта с французского]. Искусство военныхъ флотовъ, или сочиненіе о морскихъ еволюціяхъ (1764)]

Однако в данный период преобладает дефисное написание с прописными буквами (6 раз), например:

И какъ притомъ Контръ-Адмиралу поручено было, выбрать кого онъ къ тому за способнѣйшаго разсудить: то безъ дальнаго размышленія выбралъ онъ господина Соймонова. [Ф.И. Соймонов. Описание Каспійскаго моря (1763)]

Интересно, что прилагательное *контр-адмиральский* пишется также дефисно, но со строчными буквами.

Полуслитное оформление слова *контр-адмирал* в тексте 1-го издания «Словаря Академии Российской» конца XVIII в. отмечено О.И. Онацкой: *контръ-адмираль* (I, ч. 6, с. 492) [Онацкая 2005: 41]. Однако, к сожалению, в диссертации не передается важная особенность орфографии данного образования — написание с двумя прописными буквами, что, на наш взгляд, имеет принципиальное значение. Если быть точными, в двух изданиях словаря написано так: *Контръ-Адмирала* [САР-I, 6: 492; САР-II, 6: 1114]. В словарной статье *ФЛАГЪ*, где обнаружено словоупотребление *Контръ-*

Адмирала, нами замечено еще одно дефисное написание такого рода — *ГенералЪ-Адмирала* [САР-I, 6: 492; САР-II, 6: 1114], наводящее на размышления относительно морфемного статуса элемента *контр*- в русском языке конца XVIII в.

Заметим, что различия в оформлении слов с начальным *контр*-, определяемые в современных правилах как исключения, берут начало в XVIII столетии. Так, в первом издании «Словаря Академии Российской» 1789–1794 гг. обнаружена словарная статья *контрескарпъ*: «КОНТРЕСКАРПЪ, а с. м. Реченіе военного зодчества. Путь окружающій крѣпостной ровЪ со внѣшней стороны, которой приказывается брустверомЪ, или грудною защитою, коея отлогость мало по малу ровняется сЪ полемЪ» [САР-I, 3: 780]. Во втором издании «Словаря Академии Российской» 1806–1822 гг. данное написание не изменяется: *контрескарпъ* [САР-II, 3: 282]. Однако в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. находим уже полуслитное оформление данного образования: «КОНТРЪ-ЭСКАРПЪ, а, с. м. Форт. Внешняя крутизна рва, делаемая съ одеждою и безъ оной, и составляющая предель рва со стороны прикрытаго пути» [СЦСРЯ 1847, II: 199].

Приведем статьи, начинающиеся на *контр*-, из «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г., где их гораздо больше, чем в САР. Так, слитно пишутся всего 2 заглавные словарные статьи: «КОНТРМИНА, ы, с. ж. Подземный ходъ... КОНТРФОРСЫ, овъ, с. м. мн. 1) Подпоры для поддержанія какого либо зданія. 2) *Форт*. Каменные подпоры при одежде вала со внутренней стороны, для поддержанія земляной тяжести» [СЦСРЯ 1847, II: 198–199]. Тогда как дефисно оформлено гораздо больше образований: «КОНТРЪ-АДМИРАЛЪ, а, с. н. Третий чиновникъ во флотъ по адмирале, состоящій въ чине генераль-маіора. КОНТРЪ-АЛЬТИСТКА, и, с. ж. Певица, поющая низкимъ альтомъ или контръ-альтомъ. КОНТРЪ-АЛЬТИСТЪ, а, с. Поющий контръ-альтомъ. КОНТРЪ-АЛЬТЪ, а, с. м. Муз. Низкий альтъ. КОНТРЪ-КИЛЬ, я, с. м. *Мор*. На галерахъ часть дерева, скрепленная съ Фальтетомъ, и лежащая на переднѣмъ конце кия. КОНТРЪ-ПРОБА, ы, с. ж. Повѣрительная проба драгоцѣнныхъ металловъ. КОНТРЪ-ТИМБЕРСЫ, овъ, с. м. мн. *Мор*. Деревья, служащія окончанемъ кормы корабля и всякаго другаго судна въ кормовой надводной части, начиная отъ винъ-транца до гакаборта» [СЦСРЯ 1847, II: 199]. Нетрудно заметить, что дефис употреблен в тех словах, где начальное *контр*Ъ- имеет Ъ на конце, тогда как в противном случае слово пишется слитно. Несложно также увидеть, что наличие Ъ не определяется последующей буквой — гласной или согласной.

Из кодифицирующих сочинений правило дефисных написаний слов интересующей нас группы впервые сформулировал Н.И. Греч в «Практической грамматике русского языка» 1827 г. Он объединил несколько случаев полуслитного написания: «Черточка сия употребляется и тогда, когда сложное слово составлено совокупленіемъ не главныхъ корней, а двухъ производныхъ, совершенно образованныхъ словъ: напริมѣръ... *Генераль-Маіоръ, Капитанъ-Лейтенантъ, Вице-Адмиралъ, Оберъ-Кригсъ-Коммиссаръ*, и проч.» [Греч 1827: 537–538].

Несколько более конкретно правило А.Х. Востокова: «Знакомъ единитнымъ связываются... существительныя съ приставками *Вице- Контръ- Штабъ- Оберъ- Унтеръ-* и пр.; напр. *Вице-Президентъ, Контръ-Адмиралъ, Штабъ- и Оберъ-офицеры*» [Востоков 1831: 369]. Академическая грамматика 1849 г. подобно Востокову относит слова с начальным *контр-* к префиксальным образованиям: «существительныя съ приставками: *Вице-Губернаторъ, Контръ-Адмиралъ, Штабъ-Офицеръ*» [Грамматика 1849: 261–262]. Таким образом, в грамматических сочинениях XIX в. слово *контр-адмирал* трактуется скорее как приставочное образование, нежели как сложное слово. При этом ни в одном из названных изданий не рекомендуется слитное написание приведенных слов и их частей, что в принципе невозможно на данном этапе, учитывая традицию использования прописных букв в составе таких слов, как *контр-адмирал* [Каверина 2001б: 126].

В подкорпусе XIX в. «Национального корпуса русского языка» случаев употребления *контр-адмирал* больше, чем в предшествующем столетии (58).

В начале столетия предпочтительным является употребление прописных букв. Так, в тексте 1805 г. слово пишется только так (9 раз), из них 3 раза раздельно и 6 раз дефисно, например:

Изъ полуденныхъ высотъ солнца 1809 года Іюля — дня секстантомъ и квадрантомъ усмотрѣнныхъ по вычисленію Г. Контръ Адмирала выходитъ широта Кронштата 59, 59' 23". ств. [С.Я. Румовский. Перечень наблюдений Г. Контръ-Адмираломъ Сарычевымъ въ 1805 году въ Финскомъ заливѣ учиненныхъ (1805)];

*4/15 дня Г. Контръ-Адмираломъ въ Ревель примѣченной даетъ разность меридіановъ между С. П. бургомъ и Ревелемъ 22' 20" * то съ большею вѣроятностію, нежели до селъ была приемлема, можно полагать оную 0 ч 22'* [С.Я. Румовский. Перечень наблюдений Г. Контръ-Адмираломъ Сарычевымъ въ 1805 году въ Финскомъ заливѣ учиненныхъ (1805)].

Кроме названных выше, в XIX столетии отмечено лишь 3 написания с прописными буквами, все дефисные:

Г. Контръ-Адмираль Пётръ Ивановичъ Шишкинъ примѣтилъ, что при концѣ § [П.Я. Гамалея. Примѣчанія на нѣкоторыя мѣста Опыта Морской Практики (1807)];

Англійскіи 74 пушечный корабль *Spartiate*, на коемъ находился Контръ-Адмираль Eyre, Французскій отрядъ подъ Начальствомъ Командора Grivel, состоящій изъ 74 пушечнаго корабля Jean Bart, фрегатовъ: *Astree*, *Magicienne* и *Dieligente*, бригъ *Inconstant*, и военный Транспортъ *Bayonnaise*; Англійскій пакетъ-ботъ и другой Буеносерскихъ Патріотовъ или Республики Рио-Дела Плата, всѣхъ купеческихъ судовъ можно было полагать до 600 [А.П. Лазарев. Плаваніе вокругъ свѣта на шлюпѣ Ладогъ въ 1822, 1823 и 1824 годахъ (1832)];

Императоръ Николай Павловичъ немедленно отправилъ на эскадру, находившуюся послѣ сраженія на островъ Мальта — 10 Георгіевскихъ крестовъ, Графа Гейдена произвелъ въ Вице-Адмиралы, остальныхъ командировъ и офицеровъ наградилъ орденами, кораблю «Азовъ» пожалованъ Георгіевскій флагъ, а Командиру его, Михаилу Петровичу Лазареву чинъ Контръ-Адмирала [В.П. Андреевская. Наваринскій бой (1911)].

В 1 случае встречается раздельное оформление со строчными:

— Грейгъ, еще раньше произведенный въ контръ адмиралы, получилъ Георгія 2-го класса, графъ Федоръ Орловъ — тоже [В.П. Андреевская. Чесменскій бой (1911)].

Наконец, преобладающими в данный период становятся дефисные написанія со строчной буквы (35):

Въ заключеніе державу представить на милостивое воззрѣніе Вашего Высочества необыкновенныя заслуги контръ-адмирала Казакевича съ твердымъ моимъ убѣжденіемъ, что никто лучше и основательнѣе его не въ состояніи исполнить видовъ Вашего Императорскаго Высочества къ устройству портовъ и флота въ Восточномъ океанѣ [Н.Н. Муравьев-Амурскій. Рапортъ Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу. (1858)];

Принцъ Нассау открылъ огонь; правый флангъ флотиліи велъ контръ-адмираль Алексіано [К.К. Абаза. Казаки: донцы, кубанцы, уральцы, терцы (1890)];

Деньги эти сдавались въ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ контръ-адмирала князя Ухтомскаго и онъ, навѣрно, не откажется дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ [П. Н. Ларенко. Страдные дни Портъ-Артура. Часть I-я (1906)].

Таким образом, дефисное написаніе контръ-адмирал возникает в русском письмѣ в XVIII столетіи, а в XIX в. получаетъ окончатель-

ное закрепление. Ни в узусе, ни в грамматиках, ни в словарях слитное оформление слова *контр-адмирал* не преобладает.

3. Орфография слова «контр-адмирал» в XX в.

В подкорпусе XX в. «Национального корпуса русского языка» дефисное написание *контр-адмирал* чрезвычайно устойчиво: слитно слово оформлено лишь 6 раз, тогда как полуслитно — 224, например:

Английский контр-адмирал Битти возведен в рыцарское достоинство и пожалован орденом Бани [События дня (23.06.1914) // «Новое время», 1914];

Имею честь быть Вашим покорнейшим слугой Контр-адмирал Г. Хоп. Генералу Врангелю, Главнокомандующему В. С. Ю. Р. [П.Н. Врангель. Записки (1916–1921)];

Рядом с ним стояли два его младших флагмана: командующий вторым броненосным отрядом контр-адмирал фон Фелькерзам и командующий крейсерским отрядом контр-адмирал Энkvист [А.С. Новиков-Прибой. Цусима (1932–1935)];

Сам контр-адмирал был ранен в левую ногу и отправился для доклада в Лондон на носилках [Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950–1951)].

Вместе с тем в пореформенных кодифицирующих сочинениях существительные данного состава включены в группу пишущихся слитно слов: «Слова, первой составной частью которых являются иностранные элементы: экс, вице, суб, псевдо, квази, контр, анти, супер, ультра, пан и т. д. Например: *экскайзер, вицепрезидент, субинспектор, псевдоклассицизм, квазиреволюционер, контрреволюция, панисламизм*» [Шапиро, Уаров 1933: 37–38]. В непринятом проекте «Свода орфографических правил» 1936 г. устанавливается слитное написание элементов *а-, анти-, контр-, пан-, архи-, ультра-, инфра-* и др. [Свод 1936: 41], которые названы здесь приставками.

Правилами 1956 г. строго регламентировано: «Пишутся слитно... Слова с приставками (включая *вне-, после-, сверх-, а-, анти-, -архи-, -инфра-, -контр-, ультра-* и др.), а также с начальными составными частями *пан-, квази-, псевдо-* и др., например: *довоенный, внеплановый, подотдел, аморальный, сверхприбыль, архинелепый, инфракрасный, контрудар...*» [Правила 1956: 35] В особом разделе, посвященном дефисным написаниям, при этом дается не очень информативное примечание: «Также пишется через дефис *контр-адмирал* (здесь *контр-* имеет не то значение, при котором оно пишется слитно)» [Правила 1956: 40].

4. Орфография слова «контр-адмирал» и ее обоснование в современном письме

Полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» 2006 г. под. ред. В.В. Лопатина продолжил традицию кодификации слитного написания слов «с приставками иноязычного происхождения: *алогичный, авантюра, антициклон, антиисторический, архиважно, гиперинфляция, демонтаж, дезинтеграция, диспропорция, имморальный, интернациональный, инфраструктура, иррациональный, контрнаступление, метаязык, параспсихология, постсоветский, протоистория, реэвакуация, субпродукты, суперлайнер, трансконтинентальный, ультралевый, экстерриториальный, экстраординарный*» [ПАС 2006: 117]. В правиле дефисных написаний был закреплён параграф, где на основе семантического критерия приводится список начальных элементов: «Группа слов, обозначающих преимущественно должности и звания, с первыми частями *вице-, камер-, контр-, лейб-, обер-, статс-, унтер-, флигель-, штаб-, штабс-,* а также *экс-* (в значении ‘бывший’), напр.: *вице-губернатор, вице-канцлер, вице-консул, вице-президент, вице-премьер, вице-чемпион; камер-юнкер, камер-паж; контр-адмирал; лейб-гвардия, лейб-гусар, лейб-драгун, лейб-медик; обер-бургомистр, обер-мастер, обер-офицер, обер-прокурор; статс-дама, статс-секретарь; унтер-офицер; флигель-адъютант; штаб-квартира, штаб-лекарь, штаб-офицер, штаб-ротмистр; штабс-капитан; экс-президент, экс-министр, экс-директор, экс-чемпион, экс-вице-премьер*» [ПАС 2006: 124–125].

Наконец, в новейшем академическом ресурсе ИПС «Орфографическое комментирование русского словаря» была сделана следующая попытка объяснить особенности правописания интересующего нас слова: «У приставки есть и значение «низкий», слово *контр-адмирал* обозначает самое низкое адмиральское звание» [Бешенкова, Иванова, Тенькова]. Данное пояснение показалось нам недостаточно убедительным.

Не ставя целью делать глубокий лексикологический анализ, мы обратились к наиболее авторитетному современному словарю, и в томе 8 «Большого академического словаря русского языка», издающегося с 2004 г., обнаружили только одно значение элемента *контр-*, который назван, в отличие от сводов правил, не приставкой: «КОНТР... Первая часть сложных слов, вносящая знач.: противоположность, противопоставление, активное противодействие тому, что выражено второй частью слова (контрвыпад, контрдемонстрант, контрдовод, контржалоба, контрмеры, контрпретензия, контрпроект, контрудар и т. п.)» [БАС, 2007: 379; см. также: МАС,

1999: 93]. Не отмечено указанного в правилах значения ‘низкий’ и в словарной статье *контр-адмирал*: «КОНТР-АДМИРАЛ, контр-адмирала, м. Первое (младшее) адмиральское звание в военноморских флотах, соответствующее званию генерал-майора в сухопутных войсках; лицо, имеющее такое звание» [БАС, 2007: 380; см. также: МАС, 1999: 93].

Вместе с тем нетрудно проследить историю слова *контр-адмирал*, в которой есть объяснение данного названия, никак не связанное со значением ‘низкий’. Как известно из истории флота, «в то время как вице-адмиралы командовали и находились на одном из кораблей авангарда, контр-адмиралы обычно находились на корабле арьергарда, в свою очередь местом нахождения адмиралов служил корабль кордебаталии, откуда они командовали всей эскадрой (соединением из авангарда, кордебаталии, арьергарда)» [<https://kartaslov.ru/значение-слова/контр-адмирал>].

5. Выводы

Наше исследование показало, что наметившаяся в XVIII в. тенденция дефисного написания слов с первой частью *контр-* получила развитие в следующем столетии и сохраняется до настоящего времени. Очевидно, что первоначально она поддерживалась традицией использования прописных букв в составе таких слов, как *контр-адмирал*. В середине XX в. возникла идея о семантической обособленности дефисного употребления *контр-*, а в начале XXI в. ПАС 2006 г. включил данный элемент в семантическую группу пишущихся дефисно образований (обозначающих преимущественно должности и звания). Логическим продолжением данной идеи явилась неудачная попытка объяснить особенности правописания слово *контр-адмирал* при помощи значения ‘низкий’ в новейшем академическом ресурсе ИПС «Орфографическое комментирование русского словаря». Однако, на наш взгляд, сохранение дефисного оформления образования *контр-адмирал* обосновано орфографической традицией и стремлением обособить морфемы на письме, а не значением ‘низкий’, которое не отмечено в данном слове современными академическими словарями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бешенкова Е.В., Иванова О.Е., Тенькова Е.В. Орфографическое комментирование русского словаря. URL: <https://oross.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).
2. БАС — Большой академический словарь: В 30 т. Под ред. К.С. Горбачевича. Т. 8. СПб., 2007.
3. Востоков А.Х. Русская грамматика, по начертанию сокращенной грамматики полное изложенная. СПб., 1831.

4. Грамматика русского языка. Издание Второго отделения Императорской Академии Наук. СПб., 1849.
5. *Греч Н.И.* Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827.
6. *Каверина В.В.* Прописные буквы в истории русской орфографии // Древние языки в системе университетского образования: исследование и преподавание. М., 2001. С. 122–128.
7. *Онацкая О.И.* Становление дефисного написания слов в русском письме XVIII — первой половины XIX века. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
8. ПАС 2006 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М., 2006.
9. Свод орфографических правил. 2-я ред. Проект. М., 1936.
10. МАС — Словарь русского языка. В 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. М., 1999.
11. *Шапиро А.Б., Уаров М.И.* Орфография, пунктуация и техника корректуры. Справочник для работников печати. М., 1933.

Источники примеров

12. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 10.03.2023).
13. САР-I — Словарь Академии Российской. Ч. 1 (1789), ч. 2 (1790), ч. 3 (1792), ч. 4 (1793), ч. 6 (1794). СПб., 1789–1794.
14. САР-II — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1 (1806), ч. 2 (1809), ч. 3 (1814), ч. 5 (1822). СПб., 1806–1822.
15. СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языков Императорской Академии наук. В 4 т. СПб., 1847.

REFERENCES

1. *Bol'shoi akademicheskii slovar'* [The Big Academic Dictionary]. In 30 volumes. Edited by K.S. Gorbachevich. Vol. 8. St. Petersburg: Nauka, 2007. 840 p.
2. Beshenkova E.V., Ivanova O.E., Tenkova E.V. *Orfograficheskoe kommentirovanie russkogo slovary* [Spelling commentary of the Russian dictionary]. URL: <https://oross.ruslang.ru/> (accessed: 03/10/2023).
3. Vostokov A.H. *Russkaya grammatika, po nachertaniyu sokrashchennoi grammatiki polnee izlozhennaya* [Russian grammar, according to the outline of the abbreviated grammar, more fully stated]. St. Petersburg, I. Glazunov, 1831. 408 p.
4. *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of the Russian language]. St. Petersburg, Edition of the Second Department of the Imperial Academy of Sciences., 1849. 219 p.
5. Grech N.I. *Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem* [Practical Russian Grammar published by Nikolai Grech]. St. Petersburg, 1827. 578 p.
6. Kaverina V.V. *Propisnye bukvy v istorii russkoi orfografii* [Capital letters in the history of Russian spelling] // *Drevnie yazyki v sisteme universitetskogo obrazovaniya: issledovanie i prepodavanie* [Ancient languages in the system of university education: research and teaching]. Moscow, Publishing house of Moscow State University, 2001, pp. 122–128.
7. Onatskaya O.I. *Stanovlenie defisnogo napisaniya slov v russkom pis'me XVIII — pervoi poloviny XIX veka* [The formation of hyphenated spelling of words in Russian writing of the 18th — first half of the 19th century]. PhD Dissertation. Moscow, 2005. 260 p.

8. *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian spelling and punctuation. A complete academic reference book]. Edited by V.V. Lopatin. Moscow, EKSMO, 2006. 480 p.
9. *Svod orfograficheskikh pravil* [Code of spelling rules]. 2nd ed. Project. Moscow, UCHPEDGIZ, 1936. pp. 34–40.
10. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 volumes. Edited by A.P. Evgenieva. Vol. 2. M.: Azbukovnik, 1999. 736 p.
11. Shapiro A.B., Uarov M.I. *Orfografiya, punktuatsiya i tekhnika korrekturny. Spravochnik dlya rabotnikov pechati* [Spelling, punctuation and proofreading techniques. Handbook for press workers]. Moscow, GIZLEGPROM, 1933. 208 p.

Sources of examples

12. The National Corpus of the Russian language [Electronic resource]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (accessed: 03/10/2023).
13. Dictionary of the Russian Academy. Part 1 (1789), Part 2 (1790), Part 3 (1792), Part 4 (1793), Part 6 (1794). St. Petersburg: the Imperial Academy of Sciences, 1789–1794.
14. The Dictionary of the Russian Academy in Alphabetical Order. Part 1 (1806), Part 2 (1809), Part 3 (1814), Part 5 (1822). St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1806–1822.
15. Dictionary of Church Slavonic and Russian languages of the Imperial Academy of Sciences. In 4 vols. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1847.

Поступила в редакцию 04.05.2023

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 04.05.2023

Accepted 13.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРАХ

Каверина Валерия Витальевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kaverina1@yandex.ru

Ван Имин — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; klaralera1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Valeriia Kaverina — Prof. Dr., Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kaverina1@yandex.ru

Yiming Wang — PhD Student, Department of Russian Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; klaralera1@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ ГЛАГОЛЬНОГО СУФФИКСА -Ş В БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

А.И. Груздева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия;
gruzdevaai@ty.msu.ru*

Аннотация: Статья посвящена семантике многозначного суффикса -ş в карачаево-балкарском языке. Эта морфема имеется в большинстве тюркских языков и маркирует в первую очередь реципрок. Общетюркскому суффиксу -ş свойственна полисемия (чаще всего, как минимум, реципрокально-социативная — т. н. взаимно-совместный залог), и карачаево-балкарский — не исключение. В результате опроса носителей малкарского диалекта (с. Верхняя Балкария, КБР), было выявлено четыре основных значения: реципрок, социатив, дистрибутив и компетитив; все они, как правило, требуют множественного субъекта. Реципрок описывает взаимное действие, социатив — совместное действие, дистрибутив — разнонаправленное или поочередное действие, компетитив — соревновательное действие. Чрезвычайно продуктивный компетитив — уникальная черта карачаево-балкарского языка, в сравнимой мере засвидетельствованная только в японском языке. Все значения сводятся к множественности того или иного рода: при социативе это множественность участников; реципрок, помимо множественности участников, задает также распределение ролей между ними (большинство участников имеют две семантические роли); дистрибутивные клаузы описывают распределение участников по множественным локализациям или моментам времени; наконец, при компетитиве множественность участников сочетается с множественностью степеней. Степеням соответствуют точки на определенной шкале, характеризующей действие, обозначенное предикатом, по контекстно-заданному параметру. Значение соревнования появляется в качестве имплицатуры: естественно предположить, что, если субъекты совершают некое действие с разной степенью скорости/количества и т. п., они преследуют состязательную цель.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; тюркские языки; реципрок; социатив; компетитив; залог; актантные деривации; грамматическая семантика; полевая лингвистика; скалярность

Финансирование: Исследование поддержано грантом РНФ 22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование» (МГУ имени М.В. Ломоносова). Автор крайне благодарна руководителю экспедиций в Балкарию и научному руководителю С.Г. Татевосову за помощь,

ценные советы и поддержку, а также жителям с. Верхняя Балкария за гостеприимство и плодотворную работу.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-9

Для цитирования: Груздева А.И. Семантический инвариант глагольного суффикса -š в балкарском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 124–135.

SEMANTIC INVARIANT OF THE VERBAL SUFFIX -Š IN BALKAR

A.I. Gruzdeva

Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; gruzdevaai@my.msu.ru

Abstract: The paper addresses semantics of the reciprocal marker -š in Karachay-Balkar. The goal of the study is to find the semantic invariant for all interpretations available for the affix. In most Turkic languages this suffix displays several meanings, reciprocal-sociative polysemy being most typical. The data for the study were collected in a fieldwork expedition to the village Verkhnyaya Balkariya in Kabardino-Balkar Republic. The data suggest that the suffix -š encodes four basic meanings: reciprocal, sociative, distributive and competitive. Reciprocal clauses describe mutual interactions, “sociative” stands for actions performed together and collectively, the distributive describes eventualities occurring at different times or locations, and the competitive denotes collective actions performed within a competition. All of the above normally require a plural participant. Some of the meanings also involve other types of plurality. Distributive actions imply plurality of locations, directions or temporal intervals. I argue that the competitive involves a plurality of degrees: each participant of an eventuality is associated with an interval on a scale representing a contextually relevant gradable property of that eventuality. Therefore, the meaning component underlying all of the interpretations of the affix is plurality, while the variation comes from the fact that the plurality requirement can cut across different semantic domains.

Keywords: Karachay-Balkar; Turkic languages; reciprocal; sociative; competitive; grammatical voice; valency-changing operations; grammatical semantics; field linguistics; scalarity

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation grant 22-18-00285 “Scalarity in Grammar and Dictionary: A Semantic-Typological Study” (Lomonosov Moscow State University). The author is extremely grateful to S.G. Tatevosov, the leader of the expeditions to Balkaria and her academic supervisor, for help, valuable advice and support, as well as to the residents of the village Verkhnyaya Balkariya for hospitality and fruitful work.

For citation: Gruzdeva A. (2024) Semantic Invariant of the Verbal Suffix -š in Balkar. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 124–135.

1. Введение

В статье обсуждается семантика реципрокального показателя -š в малкарском диалекте карачаево-балкарского языка. В балкарском языке традиционно выделяются значения реципрока, социатива и компетитива (см. [Баскаков 1976: 198–199]), [Nedjalkov 2002: 73] упоминает, кроме того, значение антикаузатива. По моим данным из малкарского диалекта, у суффикса -š можно выделить значения реципрока, социатива, дистрибутива и компетитива. Все они сводятся к множественности того или иного рода: пространственной, временной, степенной или множественности участников ситуации.

Материал для исследования был собран в ходе экспедиции в с. Верхняя Балкария Черекского района Кабардино-Балкарской Республики в августе 2021 г. Сбор данных осуществлялся посредством элицитации в ходе работы с местными жителями — носителями малкарского диалекта.

В разделе 2 мы рассмотрим набор значений, характерных для реципрокального суффикса в тюркских языках. Раздел 3 концентрируется на особенностях семантики показателя -š в балкарском языке. Раздел 4 посвящен анализу общего семантического знаменателя этого аффикса. Раздел 5 подытоживает результаты исследования.

2. Значения суффикса -š в тюркских языках

Тюркский суффикс -š¹ присоединяется к глаголам и кодирует в первую очередь реципрок, т. е. «взаимный залог» в традиционной терминологии. Во многих тюркских языках этот аффикс обладает значительной полисемией. Самая продуктивная полисемия для суффикса -š, согласно [Nedjalkov 2006: 10–11, 17], — это т. н. «взаимно-совместный залог». Показатель, обладающий такой полисемией, может маркировать не только реципрокальные, но и социативные актантные преобразования. Такую полисемию можно наблюдать, к примеру, в якутском (1) и киргизском языках.

(1) якутский язык [Nedjalkov 2006: 17]

a. *Kiniler miilala-s-t-ilar.*

они намыливать-РЕСП-PST-3PL

‘Они намылили друг друга’.

реципрок

b. *Kiniler is tañah-ï miilala-s-t-ilar.*

они внутренность одежда-АСС намыливать-РЕСП-PST-3PL

‘Они намылили белье вместе’.

социатив

¹ В статье я использую самый распространенный вариант этого суффикса, однако он также может выступать, например, в виде «-s/-h в якутском, -š/-z/-č в хакасском, -š/-ž/-č в тувинском и -š/-š' в чувашском» ([Nedjalkov 2006: 3], перевод мой — А. Г.).

Помимо реципрока и социатива, В.П. Недялков причисляет к основным значениям суффикса -*ş* в тюркских языках комитатив и ассистив. Эти значения наблюдаются в тувинском: например, дериват *üpte-ş-* может означать 'ограбить друг друга' (реципрок), 'ограбить кого-то вместе' (социатив), 'ограбить кого-то вместе с кем-то' (комитатив) или 'помочь кому-то ограбить кого-то' (ассистив) [Nedjalkov 2006: 11].

К т. н. вторичным значениям реципрокального суффикса в первую очередь относятся депациентив, компетитив, антикаузатив, множественность и несколько непродуктивных значений. Продуктивный депациентив среди тюркских языков встречается только в татарском [Nedjalkov 2006: 18], в остальных тюркских это значение либо отсутствует, либо носит спорадический характер (как, например, в кумыкском, см. (2b.2)).

(2) кумыкский, экспедиционные данные автора (терский диалект)

a. <i>tana</i>	<i>Kerim-ni</i>	<i>süz-dü</i>
бык.NOM	Керим-ACC	бодать-PST

'Бык забодал Керима'.

b. <i>tana-lar</i>	<i>süz-üş-e-ler</i>
бык-PL.NOM	бодать-РЕСР-PRS-3PL

1. 'Быки бодаются (друг с другом)'. реципрок

2. 'Быки бодаются (вообще бодливые)'. депациентив

Использование суффикса -*ş* в качестве согласовательного показателя 3 лица множественного числа свойственно киргизскому и (в меньшей степени) казахскому и узбекскому языкам [Nedjalkov 2006: 29]. Антикаузативные интерпретации дериватов на -*ş* встречаются в якутском, киргизском, татарском [Nedjalkov 2006: 36–37].

Уникальность карачаево-балкарского -*ş* состоит в необычной продуктивности компетитивного значения: «соревновательные» интерпретации оказываются доступны практически для любого деривата, если подобрать прагматически адекватный контекст (см. раздел 3). Согласно [Geniušienė 2007: 441], в мире засвидетельствован только один язык, образующий компетитивные дериваты не только от глаголов спортивных активностей, помимо карачаево-балкарского, — японский.

3. Значения суффикса -*ş* в карачаево-балкарском языке

В грамматике карачаево-балкарского языка [Баскаков 1976: 198] значение суффикса -*ş* определяется как «взаимно-совместный залог», также упоминается значение соревнования, которое может возникать в дополнение к основному.

В [Nedjalkov 2002: 20] на основе анализа карачаево-балкарско-русского словаря [Гочияева, Суюнчев 1989] у балкарского суффикса

-š выделяются следующие значения: реципрок, компетитив, социатив (В.П. Недялков, однако, справедливо обращает внимание на трудности в разграничении социатива и комитатива), антикаузатив.

В идиоме жителей села Верхняя Балкария удалось обнаружить такие значения суффикса, как реципрок (3b.1), (3b.3), социатив (3b.2), компетитив (3b.4), (4.2), и дистрибутив (4.1) (пример базовой клаузы с исходным глаголом — (3a)). Рассмотрим каждое из них детальнее.

- (3) a. *Alim* *Kerim-ni* *tüj-dü*
 Алим.НОМ Керим-ACC бить-PST
 ‘Алим побил Керима’.
- b. *Alim* *bla* *Kerim* *tüj-üş-dü-le*
 Алим.НОМ и Керим.НОМ бить-РЕСП-PST-PL
 1. ‘Алим и Керим поругались/перессорились/поборолись’.
 2. ‘Алим и Керим вместе кого-то побили’.
 3. ‘Алим и Керим с кем-то (третьим) поругались/поборолись’.
 4. ‘Алим и Керим соревновались в борьбе:
 a. борясь друг с другом;
 b. каждый со своим противником’.
- (4) *sabij-le* *zer²-ler-i-ne* *oltur-uš-du-la*
 ребёнок-PL.НОМ место-PL-3-DAT садиться-РЕСП-PST-PL
 1. ‘Дети расселись по своим местам’.
 2. ‘Дети садились наперегонки’.

3.1. Реципрок

Прототипический реципрок — одновременное взаимное действие двух или более участников, каждый (или большинство) из которых задействован в более чем одной семантической роли. В (3b.1) оба участника (Алим и Керим) играют роль и Агенса (например, наносящего удары), и Пациенса (испытывающего удары соперника на себе). Пример (3b.3) тоже описывает взаимное действие, но в другой конфигурации: Алим и Керим здесь представляют собой единого множественного участника, вовлеченного в реципрокальное действие с неким третьим, не названным в предложении участником, т. е. в описываемой борьбе или перепалке Алим и Керим действуют на одной стороне.

Реципрокальные дериваты, как правило, образуются только от агентивных глаголов с прототипически одушевленным прямым объектом [Gruzdeva, Paramonova 2023: 28].

² Одна из особенностей малкарского диалекта — т. н. «цокание»: шипящим аффрикатам литературного варианта здесь соответствуют свистящие сибиланты [Акбаев 1963: 16–21].

3.2. Социатив

Под социативом, как правило, понимается совместное одновременное действие двух и более субъектов. К примеру, в (3b.2) два Агенса, Алим и Керим, вместе совершили действие по избивению не названного в предложении третьего участника³. В (5.1) множественный субъект социативного действия выражен именной группой во множественном числе.

(5) *zašciq-la at-il-iš-di-la*

мальчик-PL.NOM бросать-PASS-RECP-PST-PL

1. 'Мальчики все вместе куда-то ринулись'.

2. 'Мальчики ринулись наперегонки'.

В клаузах с дериватами на -š, описывающими совместное действие (а также реципрок и компетитив), множественность субъекта может также выражаться с помощью сочетания именных групп в номинативе и в комитативе (6.2):

(6) *Alim Kerim bla tüj-üş-dü*

Алим.NOM Керим с бить-RECP-PST

1. 'Алим поборолся/поругался с Керимом'.

2. 'Алим с Керимом вместе кого-то побил'.

3. 'Алим с Керимом вместе против кого-то (третьего) поругался/поборолся'.

4. 'Алим с Керимом соревновался в борьбе (борясь с ним)'.

Социативные дериваты чаще и проще образуются от неагентивных и непереходных глаголов [Gruzdeva, Paramonova 2023: 29].

Актантные деривации со значением совместного действия, которые увеличивают валентность исходного глагола за счет добавления косвенного объекта (обычно в комитативном падеже), часто называют комитативом (см., например, [Nedjalkov 2007a: 37]. В этой работе, однако, я не разграничиваю социативное и комитативное значения. Во-первых, как было сказано выше, семантическая разница между социативом и комитативом слабо наблюдаема (ср. (3b.2) и (6.2)). Во-вторых, в собственно реципрокальных клаузах множественный субъект тоже может быть выражен как именной группой во множественном числе или сочиненными именными группами, так и сочетанием именных групп в номинативе и комитативе, но это не служит основанием для выделения двух разных видов актантных дериваций. Наконец, такое решение позволяет избежать

³ Пациенс при переходных социативных дериватах может быть синтаксически выражен, то есть социативная деривация не влияет на валентности объектов:

(i) *buka-la it-ni tüj-üş-dü-le*
 бык-PL.NOM собака-ACC бить-RECP-PST-PL
 'Быки били собаку'.

терминологического смешения между падежом и актантной деривацией.

3.3. Дистрибутив

Под дистрибутивом подразумевается множественное действие, совершаемое двумя и более субъектами поочередно, то есть в разные моменты времени (7.2), (8.3), или в разных направлениях / разных локализациях (4.1) — в отличие от социативного коллективного действия, которое предполагает некоторое заданное контекстом единство времени и места. Дистрибутивные дериваты, как правило, невозможно образовать от стативных глаголов [Gruzdeva, Paramonova 2023: 28].

- (7) *it-le* *jü-üş-dü-le*

собака-PL.NOM лаять-РЕСР-PST-PL

1. 'Собаки долго лаяли'.⁴

2. 'Собаки залаяли одна за другой'.

- (8) *Xabib bla Kerim alma-lar-i-n aša-š-di-la*

Хабиб.НОМ и Керим.НОМ яблоко-PL-3-АСС есть-РЕСР-PST-PL

1. 'Хабиб и Керим, соревнуясь, ели яблоки'.

2. 'Хабиб и Керим вместе ели яблоки'.

3. 'Хабиб и Керим по очереди ели яблоки'.

В.П. Недялков рассматривает дистрибутив как частный случай социатива [Nedjalkov 2002: 54]. Однако следует принять во внимание, что эти два значения выражают множественность противоположных типов: совместную, объединяющую, коллективную в случае социатива и разрозненную, разделяющую в случае дистрибутива. Это решающий аргумент в пользу разграничения дистрибутива и социатива.

3.4. Компетитив

Компетитивные дериваты обозначают соревновательное действие двух или более участников⁵, где они пытаются превзойти друг друга в деятельности, названной производящим глаголом: (3b.4), (4.2), (5.2), (6.4), (8.1). В качестве показателя компетитива суффикс -š об-

⁴ Параллельно с основными значениями (в данном случае — с социативом), у балкарских дериватов на -š иногда возникают дополнительные, в частности значение продолжительности во времени — дуратив (см. также (9.1)) [Gruzdeva, Paramonova 2023: 29].

⁵ При этом не обязательно все участники должны быть выражены эксплицитно: в (i) субъект представляет собой ИГ в ед. ч., с которой согласуется по числу предикат; остальные участники соревнования подразумеваются в контексте.

(i) *Kerim cab-iš-a-di*
Керим.НОМ бегать-РЕСР-PRS-PL
'Керим соревнуется в беге'.

ладает практически неограниченной сочетаемостью, за исключением стативных глаголов, которые, как правило, обозначают неконтролируемые ситуации. Однако даже от стативов компетитивные дериваты возможны, если поддерживаются контекстом, как в (9.3)⁶ [Gruzdeva, Paramonova 2023: 28]:

- (9) *sabij-le* *zuqla-š-di-la*
ребенок-PL.NOM спать-РЕСР-PST-PL
1. ‘Дети (долго засыпали и) наконец-то заснули’.
2. ‘Дети спали (все вместе)’.
3. ‘Дети соревновались в сне (например, кто дольше проспит)’.

4. Семантический инвариант

Согласно В.П. Недялкову, значение реципрока первично, а социативная семантика появляется как результат расширения реципрокального значения: ‘делать X **друг с другом**’ > ‘делать X вместе’ [Nedjalkov 2006: 20]. Аргументом в пользу такой точки зрения В.П. Недялков считает то, что в языках мира социативный показатель бывает композиционально сложнее реципрокального, но противоположных примеров не засвидетельствовано. Компетитив по В.П. Недялкову тоже выводится из реципрока: это значение можно выразить как ‘пытаться превзойти **друг друга** в деятельности X’ [Nedjalkov 2007b: 299].

В работе [Gandon 2018] автор приводит контраргументы: например, в языках иааи (австронезийская семья), волоф (нигеро-конголезская макросемья) и амхарском (семитская семья) реципрокальные показатели образованы от социативных с помощью дополнительного материала, а не наоборот. Кроме того, О. Гандон обращает внимание на возможность семантического анализа реципрока как частного случая социатива. Действительно, если социатив — это совместное действие нескольких субъектов, то реципрок — совместное действие нескольких субъектов, направленное друг на друга — то есть более логически сильное, специфицированное понятие. Что касается суффикса -š в тюркских языках, исследовательница перечисляет ряд суффиксов и лексем, содержащих в себе такой же формант и обладающих множественной семантикой того или иного рода: итеративной, интенсивной, собирательной. Идентичный суффиксу -š формант содержится в тюркском дистрибутивном суффиксе -šAr (засвидетельствован в карачаево-балкарском, кумыкском, турецком и др.), а совпадающий с одним из алломорфов реципрокального суффикса формант -ěš (-ёс в орфографии) в чувашском языке служит показателем 3 лица множественного числа.

⁶ Пример Д.А. Парамоновой.

Из всего этого О. Гандон делает вывод, что исходное значение общетюркского суффикса *-ŝ* — не реципрок, а множественная собирательность (*plural collective marker*). В статье предлагается семантическая карта, показывающая, как из этого значения могли развиваться известные нам значения суффикса в тюркских языках. В частности, из множественной собирательности выделяется множественность участников (в противоположность множественности действий), которая сводится к социативу. Из социатива, в свою очередь, выводятся реципрок, компетитив, комитатив и ассистив — все эти значения требуют множественности участников. По поводу компетитива, впрочем, исследовательница вслед за В.П. Недялковым признает вероятность его происхождения от реципрока.

Соображения О. Гандон относятся прежде всего к диахронической стороне вопроса. Мы предполагаем, что и на синхронном уровне полисемию балкарского суффикса *-ŝ* (как и его аналогов в остальных тюркских языках) можно свести к единому семантическому инварианту.

Из двух вариантов семантической деривации компетитива в рамках синхронного анализа предпочтительнее выглядит социативный в (10), так как выведение компетитива из реципрока (11) требует привлечения большего числа дополнительных компонентов значения:

(10)	исходный глагол	социатив ⁷	новое
	делать X	вместе	соревнуясь
(11)	новое-1 новое-2	реципрок	исходный глагол
	пытаться превзойти	друг друга	в деятельности X

Как видно из приведенных схем потенциального синхронного анализа, при деривации из реципрока в семантике компетитивного предиката должно было бы появляться сразу два новых элемента ('пытаться' и 'превзойти') без промежуточного шага, что делает такую семантику некомпозиционной, в отличие от компетитива, выведенного из социатива с помощью единственного семантического элемента собственно соревнования.

Однако следует подчеркнуть, что все значения балкарского *-ŝ* сложно свести к социативу, как это предлагает О. Гандон. Среди них есть дистрибутив, который у О. Гандон не рассматривается — в основе этого значения лежит идея разрозненности и разнонаправленности, противоположная как совместности социатива⁸, так и в принципе идее собирательности. Более подходящим семантическим

⁷ На этом месте можно представить и дистрибутив.

⁸ Странно говорить про собирательность и в случае интенсива и итератива — значений, которые встречаются в балкарском в качестве дополнительных [Gruzdeva, Paramonova 2023: 29–30], а в других языках и в качестве основных.

инвариантом представляется множественность, которая может проявляться в разных доменах. Из такого инварианта независимо выводятся все четыре основных значения суффикса. В случае социатива имеет место множественность участников, которые действуют сообща и имеют общую привязку ко времени и месту или хотя бы общую цель или причину для действия. Реципрокальные дериваты тоже предполагают множественность участников, специфицируя при этом распределение ролей между ними: при прототипическом реципроке все (или большинство) участников должны играть одновременно две семантические роли. Например, в (3b.1) каждый из двух участников (и Алим, и Керим) — Агенса и Пациенса действия «бить» одновременно. При дистрибутиве помимо множественности участников мы наблюдаем пространственную множественность, как в примере (4.1), или временную, как в примерах (7.2), (8.3).

Наша гипотеза по поводу компетитива состоит в том, что последний обладает скалярной семантикой и, кроме множественности участников, подразумевает множественность степеней. Исходному глаголу при добавлении суффикса приписывается некоторая шкала, характеризующая действие, названное глаголом. Действию каждого из участников сопоставляется некоторая точка на этой шкале. Выбор шкалы зависит от контекста и семантики самого глагола: например, в (9.3) будет уместна шкала длительности во времени, а в (8.1) — шкала скорости или количества. При таком анализе интересующее нас значение — это ‘для каждого участника имеется ситуация, описываемая исходным глаголом, и имеется степень *d*, в которой реализуется некоторое ее параметрическое свойство’. Компетитивность в этом случае следует рассматривать как результат конвенционализации имплицатуры, возникающей в таком контексте. Например, в (5.2) это ‘Мальчики ринулись (куда-то) каждый со своей скоростью’ → ‘Мальчики бросились (куда-то) наперегонки’. Аналогичный сценарий можно предположить и для других примеров, в которых регистрируется «компетитивное значение реципрока».

5. Заключение

В статье рассмотрены значения суффикса *-ş* в тюркских языках и в частности в карачаево-балкарском языке. На материале полевых данных малкарского диалекта установлен набор его синхронных значений: реципрок, социатив, дистрибутив и компетитив. Основное предположение, которое аргументируется выше, состоит в том, что все эти значения сводятся к множественности того или иного рода: участников (у всех значений), моментов времени, точек в пространстве (у дистрибутива), степеней (у компетитива).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акбаев Ш.Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.
2. Баскаков И.А. и др. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
3. Гочияева С.А., Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
4. Gandon O. The verbal reciprocal suffix in Turkic languages and the development of its different values // *The Rouen meeting: Studies on Turkic structures and language contacts* / Ed. by M. A. Akinci, K. Yagmur. Wiesbaden: Harrassowitz, 2018. P. 29–43.
5. Geniušienė E. Some typologically relevant properties of reciprocal markers and arrangement of the subsequent chapters // *Typological Studies in Language*. 2007. V. 71. № 1. P. 435–451.
6. Gruzdeva A., Paramonova D. On meanings of the reciprocal suffix -š- in Balkar // *Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic* / Ed. by S. K. Lee, S. Asinari, S. Lazakovits. 2023. V. 7. P. 24–31.
7. Nedjalkov V.P. Karachay-Balkar reciprocals // *Turkic languages*. 2002. V. 6. № 1. P. 19–80.
8. Nedjalkov V.P. Reciprocal constructions of Turkic languages in the typological perspective // *Turkic Languages*. 2006. V. 10. № 1. P. 3–46.
9. Nedjalkov V.P. Overview of the research // *Typological Studies in Language*. 2007a. V. 71. № 1. P. 3–113.
10. Nedjalkov V.P. Polysemy of reciprocal markers // *Typological Studies in Language*. 2007b. V. 71. № 1. P. 231–333.

REFERENCES

1. Akbaev Sh.Kh. Fonetika dialektov karachaevo-balkarskogo yazyka [Phonetics of Karachay-Balkar dialects]. Cherkessk, *Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.*, 1963. 168 p. (In Russ.)
2. Baskakov I.A. et al. Grammatika karachaevo-balkarskogo yazyka [Karachay-Balkar grammar]. Nalchik, *Ehl'brus Publ.*, 1976. 572 p. (In Russ.)
3. Gochiyaeva S.A., Suyunchev Kh.I. Karachaevo-balkarsko-russkii slovar' [Karachay-Balkar-Russian dictionary]. Moscow, *Russkii yazyk Publ.*, 1989. 805 p. (In Russ.)
4. Gandon O. The verbal reciprocal suffix in Turkic languages and the development of its different values. *The Rouen meeting: Studies on Turkic structures and language contacts*, 2018, pp. 29–43. doi: 10.2307/j.ctvc4frz.6.
5. Geniušienė E. Some typologically relevant properties of reciprocal markers and arrangement of the subsequent chapters. *Typological Studies in Language*, 2007, 71, 1, pp. 435–451. doi: 10.1075/tsl.71.14gen.
6. Gruzdeva A., Paramonova D. On meanings of the reciprocal suffix -š- in Balkar. *Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic*, 2023, 7, pp. 24–31. doi: 10.3765/ptu.v7i1.5322.
7. Nedjalkov V.P. Karachay-Balkar reciprocals. *Turkic languages*, 2002, 6, 1, pp. 19–80.
8. Nedjalkov V.P. Reciprocal constructions of Turkic languages in the typological perspective. *Turkic Languages*, 2006, 10, 1, pp. 3–46.
9. Nedjalkov V.P. Overview of the research. *Typological Studies in Language*, 2007a, 71, 1, pp. 3–113. doi: 10.1075/tsl.71.06ned.
10. Nedjalkov V.P. Polysemy of reciprocal markers. *Typological Studies in Language*, 2007b, 71, 1, pp. 231–333. doi: 10.1075/tsl.71.10ned.

Поступила в редакцию 18.09.2023

Принята к публикации 16.04.2024

Отредактирована 12.03.2024

Received 18.09.2023

Accepted 16.04.2024

Revised 12.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Груздева Анастасия Ильинична — младший научный сотрудник Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН, аспирант и инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
gruzdevaai@my.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasija Gruzdeva — Junior Researcher, Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; PhD Student and Engineer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; gruzdevaai@my.msu.ru

OCULUS MEMORIAE.

НАЙДЖЕЛ Ф. ПАЛМЕР И ЕГО ВКЛАД В НАУКУ

Н.А. Ганина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва; ganiina@philol.msu.ru*

Аннотация: Статья посвящена обсуждению вклада Найджела Ф. Палмера (1946–2022) в развитие исторической германистики и истории книги. Н. Палмер — выдающийся филолог-германист, специалист в области истории немецкого языка и литературы, германистической медиевистики и истории книги, доктор наук (Оксфорд), профессор Оксфордского университета (колледж Сент-Эдмунд-Холл), почетный доктор Бернского университета, член Британской академии наук, ряда академий и научных обществ, главный редактор журналов *Oxford German Studies* (1990–2016) и *Medium Aevum* (орган одноименного научного общества по изучению языков и литературы Средневековья, Оксфорд, 1990–2022), член Международного редакционного совета «Вестника Московского университета» («Серия 9. Филология», 2019–2022). В центре исследовательских интересов Н. Палмера находилась литературная и рукописная традиция немецкого Средневековья с преимущественным вниманием к религиозной словесности и истории книги. Труды Н. Палмера оказали значительное влияние на развитие германистики и германистической медиевистики на современном этапе. Н. Палмер был автором многих открытий средневековых рукописей. Важную роль в развитии науки сыграли его усилия по выяснению происхождения отдельных рукописей и реконструкции собраний средневековых монастырских библиотек. Большое научное значение имеют исследования Н. Палмера, посвященные немецким средневековым рукописям и инкунабулам в собраниях России (Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, Библиотека Академии наук, Научная библиотека МГУ имени М.В. Ломоносова, «Музеи города Юрьевца»). В статье рассматриваются основные этапы научной биографии Н. Палмера и предлагается обзор его важнейших публикаций, включая русские переводы его работ.

Ключевые слова: история немецкого языка и литературы; германистическая медиевистика; средневековые рукописи германоязычных стран; история книги

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-10

Для цитирования: Ганина Н.А. Oculus memoriae. Найджел Ф. Палмер и его вклад в развитие германистики // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 136–147.

OCULUS MEMORIAE.

NIGEL F. PALMER AND HIS CONTRIBUTION TO SCIENCE

Natalija Ganina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ganina@philol.msu.ru

Abstract: The article discusses the contribution of Nigel F. Palmer (1946–2022) to the development of historical German studies and the history of the book. Nigel Palmer, M. A., D. Phil., FBA, was an outstanding philologist, specialist in Medieval German and history of the book. He was Professor of Medieval German Literature and Language at St Edmund Hall, Oxford, Dr. honoris causa of the University of Bern, editor-in-chief of the journals *Oxford German Studies* (from 1990 to 2016) and *Medium Aevum* (Oxford from 1990 to 2022), a member of the International Editorial Board of the *Lomonosov Philology Journal* (Series 9. Philology from 1990 to 2022). His research interests centred on the literary and manuscript tradition of the German Middle Ages, with a focus on religious literature and the history of the book. His works had a significant influence on the development of Medieval German studies at the present stage. Nigel Palmer was the author of many discoveries of medieval manuscripts. His efforts to clarify the origin of individual manuscripts and to reconstruct significant collections of medieval monastic libraries played an important role in the development of science. Nigel Palmer's research on German medieval manuscripts and incunabula in Russian collections (the Russian State Library, the Russian National Library, the Library of the Academy of Sciences, the Lomonosov Moscow State University Scientific Library, the "Museums of the Town of Yuryevets") is of great scientific importance. The article reviews the main stages of Nigel Palmer's academic biography and offers an overview of his most important publications, including Russian translations of his articles.

Keywords: history of the German language and literature; Medieval German; medieval manuscripts of German-speaking countries; history of book

For citation: Ganina N. (2024) Oculus memoriae. Nigel F. Palmer and His Contribution to Science. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 136–147.

Развитие исторической германистики, истории книги и, шире, германистической медиевистики на современном этапе обусловлено основополагающими трудами таких исследователей, как Йоахим Бумке, Бургхарт Вахингер, В.М. Жирмунский, Нил Р. Кер, Курт Ру, Фолькер Хонеманн, Карин Шнайдер. К младшему поколению этой плеяды принадлежит и Найджел Фентон Палмер (1946–2022) — выдающийся филолог-германист, специалист в области истории немецкого языка и литературы, германистической медиевистики и истории книги, доктор наук (Оксфорд), профессор Оксфордского университета (колледж Сент-Эдмунд-Холл), почетный доктор Бернского университета, член Британской академии наук, ряда академий

и научных обществ, главный редактор журналов *Oxford German Studies* (1990–2016) и *Medium Aevum* (орган одноименного научного общества по изучению языков и литературы Средневековья, Оксфорд, 1990–2022), член Международного редакционного совета «Вестника Московского университета» («Серия 9. Филология», 2019–2022).

Найджел Ф. Палмер начал изучение германистики в Оксфордском университете (Вустер-колледж) в 1965 г. В 1967–1968 гг. он стажировался в Венском университете и благодаря этому вошел в круг венской филологической школы — так, он лично знал одаренного германиста-медиевиста Отто Хёфлера и других ведущих австрийских филологов. В 1969 г. Н. Палмер защитил в Оксфорде дипломную работу по тематике современного немецкого языка. В том же году он приступил к работе над диссертацией, посвященной средневековым немецким и нидерландским переводам «Видения Тнугдала» (*Visio Tnugdali*) — латинского памятника XII в., имевшего центральное значение для западноевропейской средневековой культуры. Диссертация была защищена в Оксфорде в 1975 г. и впоследствии опубликована в виде монографии [Palmer 1982], ср. также [Palmer 1980]. С осени 1970 г. Н. Палмер преподавал историю немецкого языка и литературы в Даремском университете, а после защиты диссертации вернулся в Оксфорд и с 1976 г. стал преподавателем германистической медиевистики в Ориел-колледже. В 1989 г. он был назначен лектором по немецкому языку. В 1992 г. Н. Палмер получил должность профессора и возглавил кафедру германистической медиевистики и лингвистики в колледже Сент-Эдмунд-Холл. Его инаугурационная лекция в Оксфорде в марте 1993 г. была посвящена немецкой литературной культуре XII–XIII вв. [Palmer 1993].

Решающее влияние на научное становление и исследовательские интересы Н. Палмера оказали состоявшиеся в 1972–1973, 1979–1980 и 1982–1983 гг. научно-исследовательские стажировки в Вюрцбургском университете, где молодой исследователь стал учиться у классика немецкой медиевистики — Курта Ру и ученых его круга. Н. Палмер сам называл себя воспитанником Вюрцбургской школы, а Курта Ру — своим научным отцом. В 1986 г. Н. Палмер как стипендиат фонда Александра фон Гумбольдта проводил исследования в Берлине (Freie Universität Berlin). В 1988–1991 гг. он работал в качестве приглашенного профессора медиевистики в Уэстфилд-колледже Лондонского университета, в 1999–2000 гг. — приглашенного профессора Тюбингенского университета, в 1998–1999 и 2006 гг. — Фрайбургского университета. В этот период им были опубликованы труды [Palmer 1989; Palmer 1990; Palmer 1995; Palmer, Gerhardt 2002; Palmer 2006].

С 1993 г. Н. Палмер был членом Комиссии по немецкой литературе Средневековья при Баварской академии наук. В 1997 г. он был избран членом Британской академии. С 2006 г. он был членом подкомитета по культурному наследию Немецкого исследовательского общества (DFG), а в 2007 г. стал лауреатом Гумбольдтовской исследовательской премии. В 2013 г. Н. Палмеру за исследование и издание рукописей немецкоязычного Юго-Запада была присвоена степень почетного доктора Бернского университета. Весной 2022 г., незадолго до кончины, он был удостоен премии Общества Мейстера Экхарта (Аугсбургский университет).

С 2012 г. Н. Палмер был эмеритированным профессором колледжа Сент-Эдмунд-Холл Оксфордского университета, но его роль как исследователя, эксперта и организатора по-прежнему была огромной, и ни одно из значительных мероприятий колледжа не обходилось без его участия. Он оставался членом колледжа, был сотрудником Старой библиотеки Сент-Эдмунд-Холла, внес большой вклад в каталогизацию ее собрания и постоянно занимался исследованиями в Бодлеанской библиотеке и библиотеке Тейлорианского института. В 2017 г. в Оксфорде в новом здании Бодлеанской библиотеки, Weston Library, состоялась международная конференция, посвященная 70-летию юбилею Н. Палмера.

В центре исследовательских интересов Н. Палмера находилась литературная и рукописная традиция немецкого Средневековья с преимущественным вниманием к религиозной словесности. Вдумчивое и трепетное отношение к религиозной литературе было завоеванием школы Курта Ру, нашедшим свое продолжение в исследовательской концепции и трудах Н. Палмера. Особый интерес для Н. Палмера представлял вопрос о «месте в жизни» (*“Sitz im Leben”*) той или иной средневековой рукописи и ее значение в контексте эпохи и проблема реконструкции собраний крупных монастырских библиотек, разрозненных в Новое время. Это обусловило его работу над описанием и исследованием рукописей цистерцианского монастыря Эбербах на Рейне и привело к созданию масштабного труда «Цистерцианцы и их книги» [Palmer 1998]. Латинская опись имущества этого монастыря 1211 г. называется *Oculus memoriae* — «Око памяти». Это емкое определение в полной мере применимо к специфике научной деятельности Н. Палмера.

Дальнейшие исследования Н. Палмера в области реконструкции книжных собраний преимущественно касались монастырской рукописной культуры Страсбурга и алеманнского региона [Palmer 2009; Palmer 2012]. В связи с этим особо следует отметить осуществленное им вместе с искусствоведом Джефффри Хамбургером двухтомное факсимильное издание богато иллюстрированной средневековой

рукописи — молитвенника Урсулы Бегерин, созданного в Страсбурге в конце XIV в. [Hamburger, Palmer 2015]. Существенный вклад в описания книжных собраний внесла его работа о средневековых немецких рукописях в библиотеках Оксфорда [Palmer 2017a].

В разные годы Н. Палмер исследовал проблематику религиозной литературы немецкого Средневековья и творчество немецких авторов XII–XIII вв., в частности, авторов-женщин, особенно Мехтильды Магдебургской [Palmer 1992, рус. пер. Палмер 2014; Palmer 2022a, рус. пер. Палмер 2017; Palmer 2022b, рус. пер. Палмер 2023]. Последним трудом Н. Палмера и одним из его наиболее выдающихся научных достижений стала эдичия текста любекского городского права в рамках факсимильного издания парадной рукописи любекского права — кодекса Бардевика 1294 г. [Palmer, Ganina 2021; Palmer, Ganina 2022].

Н. Палмер был одним из ведущих мировых специалистов по истории книги и основным специалистом по тематике ксилографической книги. Эта тематика также нашла свое отражение в его работах и экспертной деятельности. Он всегда находился в курсе новейших достижений науки и был талантливым критиком, благодаря чему в его обширной библиографии можно найти рецензии на публикации в области германистической медиевистики начиная с 1970-х годов.

Вся жизнь Найджела Палмера как филолога-германиста и исследователя немецких средневековых рукописей была связана с Германией, но в последнее десятилетие оказалась тесно связанной с Россией. Предметом его научных интересов стали немецкие и нидерландские средневековые рукописи и старопечатные издания в российских собраниях. Он был членом Немецко-российской рабочей группы по истории книги (Филиппс-университет, Марбург — МГУ имени М.В. Ломоносова). Это направление его деятельности отражено в его многочисленных докладах на научных конференциях и приглашенных лекциях в России, прежде всего на «Немецко-российских рабочих встречах по истории книги» (Институт немецкой филологии Средневековья, Филиппс-университет, Марбург — филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) в Москве и конференциях по исследованию рукописей в Санкт-Петербурге. Большое значение имеют его исследования о Московском фрагменте рукописи «Струящегося света Божества» Мехтильды Магдебургской в Научной библиотеке МГУ, санкт-петербургском ксилографическом издании «Зерцало исповеди» (*Beichtspiegel*) в Российской национальной библиотеке, московской «Библии бедных» (*Biblia pauperum*) в Российской государственной библиотеке — ксилографической книге из собрания Петра I, слож-

ными путями попавшей в Москву из Библиотеки академии наук, и о других рукописных памятниках в российских библиотеках [Palmer 2014; Ganina/Palmer 2014; Bondarko/Palmer 2016; Palmer 2017b; Palmer 2022a].

По рекомендации Н. Палмера, высказанной в ходе его научной работы в РГБ в 2013 г., начались исследования и было осуществлено издание московского рукописного сборника XV в. из страсбургского монастыря св. Магдалины¹. Это начинание привело к реставрации рукописи в ГОСНИИР под руководством доктора искусствоведения Инны Павловны Мокрецовой в 2014–2019 гг. Открытие кодекса Бардевика в Юрьевце в 2014 г. было воспринято Н. Палмером с большим энтузиазмом. Он сожалел, что не может ознакомиться с кодексом на месте, сразу поддержал предложенную И.П. Мокрецовой идею факсимильного издания и внес огромный вклад в исследования и издание рукописи. Он ознакомился с кодексом Бардевика во время реставрации рукописи в ГОСНИИР в Москве в 2018 г. и провел ценные консультации в процессе работы.

Последним посещением России и одной из последних поездок Н. Палмера стала конференция «Западноевропейские рукописи и документы от Поздней античности до начала Нового времени в собраниях Санкт-Петербурга: изучение, каталогизация, цифровая публикация» (Объединенный научный совет по общественным и гуманитарным наукам (Санкт-Петербургский научный центр РАН), Санкт-Петербургский институт истории РАН, Германский исторический институт в Москве при участии Российской национальной библиотеки и Государственного Эрмитажа) в сентябре 2019 г.

Как исследователь Н. Палмер отличался фундаментальностью, широтой и свободой мышления. Он был трезвым реалистом, но умел ставить масштабные задачи, которые поначалу могли даже показаться слишком смелыми. Новаторское мышление было характерно для его учителей в науке, но в его собственных исследованиях стало неотъемлемой частью подхода к проблеме. При этом ему была свойственна необыкновенная методичность и тщательность, которая, однако, никогда не переходила в мелочность. В тех случаях, когда строгий подход к изданию текста или интерпретации трудного места средневековой рукописи приводил к неразрешимым противоречиям, Н. Палмер выбирал наиболее разумное компромиссное решение. Все его труды, будь то обширное исследование или сжатая словарная статья, отличаются точностью и ясностью. В работе он не

¹ Ganina N. 'Bräute Christi'. Legenden und Traktate aus dem Straßburger Magdalenkloster. Edition und Untersuchungen. Berlin — New York: De Gruyter, 2016.

щадил себя, и даже будучи эмеритированным профессором, работал с неизменной отдачей и создавал новые труды. Он был великолепным преподавателем и лектором.

Труды Н. Палмера ввели в научный обиход множество открытий в области исследования латинских, немецких и нидерландских средневековых рукописей и старопечатных изданий. Теоретическая и методологическая роль его исследований также исключительно велика. Можно с полным правом говорить о том, что им была создана научная школа, хотя сам он никогда этого не подчеркивал. Выходившая под его редакцией серия «Культурная топография alemannского региона» (*Kulturtopographie des alemannischen Raums*) объединяет исследования на заложенных им теоретических и предметных основаниях. И конечно же, наиболее важным был живой интерес к исследованиям памятников и рукописей, который Н. Палмер сообщал своим коллегам и ученикам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основные публикации Найджела Ф. Палмера

1. *Palmer N.F.* Tondolus der Ritter. Die von J. und C. Hist gedruckte Fassung. München, 1980 (Kleine deutsche Prosadenkmäler des Mittelalters 13).
2. *Palmer N.F.* "Visio Tnugdali". The German and Dutch Translations and their Circulation in the Later Middle Ages. München, 1982 (Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters 76).
3. *Palmer N.F.* Kapitel und Buch. Zu den Gliederungsprinzipien mittelalterlicher Bücher // Frühmittelalterliche Studien. 1989. Bd. 23. S. 43–88.
4. *Palmer N.F., Speckenbach K.* Träume und Kräuter. Studien zur Petroneller ‚Circa instans‘-Handschrift und zu den deutschen Traumbüchern des Mittelalters. Köln; Wien, 1990 (Pictura et poesis 4).
5. *Palmer N.F.* Das Buch als Bedeutungsträger bei Mechthild von Magdeburg // Bildhafte Rede im Mittelalter und früher Neuzeit: Probleme ihrer Legitimation und ihrer Funktion. Hg. von Wolfgang Harms, Klaus Speckenbach, Herfried Vögel. Tübingen, 1992. S. 217–235.
6. *Palmer N.F.* German Literary Culture in the Twelfth and Thirteenth Centuries. An Inaugural Lecture delivered before the University of Oxford on 4 March 1993. Oxford, 1993.
7. *Ars moriendi: das ist Die Kunst des heilsamen Sterbens.* Das deutschsprachige Blockbuch der Donaueschinger Hofbibliothek. Mit einer Einleitung von Nigel F. Palmer. Bd. 1–2. Rotthalmünster, 1995 (Tenschert Katalog 33, 1–2).
8. *Palmer N.F.* Zisterzienser und ihre Bücher: die mittelalterliche Bibliotheksgeschichte von Kloster Eberbach im Rheingau unter besonderer Berücksichtigung der in Oxford und London aufbewahrten Handschriften. Regensburg, 1998.
9. *Palmer N.F., Gerhardt C.* Das Münchner Gedicht von den 15 Zeichen vor dem Jüngsten Gericht. Nach der Handschrift der Bayerischen Staatsbibliothek Cgm 717. Edition und Kommentar. Berlin, 2002 (Texte des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit 41).
10. *Palmer N.F.* Die Münchner Perikopenhandschrift Cgm 157 und die Handschriftenproduktion des Straßburger Reuerinnenklosters im späten 15. Jahrhundert // Bei-

- träge zur Kulturtopographie des deutschsprachigen Südwestens im späteren Mittelalter 1. Hg. von Barbara Fleith and René Wetzels, Berlin; New York, 2009 (Kulturtopographie des alemannischen Raums 1). S. 263–300.
11. *Mossman S., Palmer N.F.* Ulrich der Johanniter vom Grünen Wörth and his Adaptation of the 'Liber amoris'. A Critical Edition of the 'Hoheliedpredigt' and of its German Precursor 'Die Höhenflüge der Seele' // Schreiben und Lesen in der Stadt: Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Strassburg. Hg. von Stephen Mossman, Nigel F. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston, 2012 (Kulturtopographie des alemannischen Raums 4. Hg. von Jeffrey F. Hamburger, Nigel F. Palmer, Felix Heinzer). S. 469–520.
 12. *Palmer N.F.* Ein Zeugnis deutscher Kunstprosa aus dem späten 13. Jahrhundert: Zu den sonst nicht nachgewiesenen Textabschnitten der Moskauer Mechthild-Überlieferung, in: Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken in russischen Bibliotheken. Beiträge zur Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 14. bis 16. September 2011 an der Lomonossov-Universität Moskau aus Anlass des 300. Geburtstages des Universitätsgründers Michail Lomonossov. Hg. von Natalija Ganina, Klaus Klein, Catherine Squires, Jürgen Wolf. Erfurt, 2014 (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 2, Sonderschriften der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt 45). S. 97–138.
 13. *Ganina N., Palmer N.F.* Unikal überlieferte mystische Prosa im Moskauer Mechthild-Fragment. Untersuchungen zu den unidentifizierten Textabschnitten mit einem neuen Textabdruck von Bl. 4r-5r der Handschrift // Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken in russischen Bibliotheken. Beiträge zur Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 14. bis 16. September 2011 an der Lomonossov-Universität Moskau aus Anlass des 300. Geburtstages des Universitätsgründers Michail Lomonossov. Hg. von Natalija Ganina, Klaus Klein, Catherine Squires, Jürgen Wolf. Erfurt, 2014 (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 2, Sonderschriften der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt 45). S. 91–96.
 14. *Hamburger J.F., Palmer N.F.* The Prayer Book of Ursula Begerin. Vol. 1. Art-Historical and Literary Introduction. With a Conservation Report by Ulrike Bürger. Vol. 2. Reproductions and Critical Edition. Dietikon; Zürich, 2015.
 15. *Bondarko N., Palmer N.F.* Ein elsässisches Gebetbuch in der Russischen Nationalbibliothek zu St. Petersburg: Befund und Deutung // Von mittelalterlichen und neuzeitlichen Beständen in russischen Bibliotheken und Archiven. Ergebnisse der Tagungen des deutsch-russischen Arbeitskreises an der Philipps-Universität Marburg (2012) und an der Lomonossov-Universität Moskau (2013). Hg. von Natalija Ganina, Klaus Klein, Catherine Squires, Jürgen Wolf. Erfurt, 2016 (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 3, Sonderschriften der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt 47). S. 171–198.
 16. *Palmer N.F.* Medieval German Manuscripts in Oxford Libraries // Oxford German Studies. 2017/ Vol. 146 (2). German Manuscripts in Oxford. In Honour of Nigel F. Palmer. P. 126–140 [Palmer 2017a].
 17. *Palmer N.F.* Der 'Beichtspiegel'. Zu einem bisher unbekannten Exemplar des Blockbuchs in Sankt Petersburg // Deutsch-russische Kulturbeziehungen in Mittelalter und Neuzeit. Aus abendländischen Beständen in Russland. Hg. von Natalija Ganina, Klaus Klein, Catherine Squires, Jürgen Wolf. Erfurt, 2017 (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 4, Sonderschriften der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt 49). S. 17–48 [Palmer 2017b].
 18. *Palmer N.F.* Das Blockbuch Peters des Großen die 'Biblia pauperum' der Sankt-Petersburger Akademiebibliothek, heute in der Russischen Staatsbibliothek in Moskau //

- Deutsche Kultur in russischen Buch- und Handschriftenbeständen. Beiträge zur Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 16./ 17. April 2018 an der Lomonosov-Universität Moskau. Hg. von Natalija Ganina, Daniel Könitz, Catherine Squires, Jürgen Wolf. Erfurt, 2022 (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 5, Sonderschriften der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt 52). S. 39–72.
19. Palmer N. F., Ganina N. Der Bardewiksche Codex des Lübecker Stadtrechts: Edition // Ganina N., Cordes A., Lokers J. Der Bardewiksche Codex des Lübschen Rechts von 1294. Bd. 1. Faksimile und Erläuterungen. Oppenheim am Rhein, 2021. S. 258–352; Bd. 2. Edition, Textanalyse, Entstehung und Hintergründe. Oppenheim am Rhein, 2022. S. 18–107.
 20. Palmer N.F. Allegory and Prayer. The House of the Heart and the Ark of the Virtues in the “Gebetbuch der Ursula Begerin” // Auf den Schwingen des Pelikans. Studien und Texte zur deutschen Literatur des Mittelalters. Hg. von Ralf Plate, Niels Bohnert, Christian Griesinger, Michael Trauth. Trier, 2022. S. 431–459 [Palmer 2022a].
 21. Palmer N.F. Deutschsprachige Autorinnen vor 1300 // Zwischen Klausur und Welt. Autonomie und Interaktion spätmittelalterlicher geistlicher Frauengemeinschaften. Herbsttagung des Konstanzer Arbeitskreises für mittelalterliche Geschichte, 10.–13. Oktober 2017. Hg. von Eva Schlotheuber, Sigrid Hirbodian (Vorträge und Forschungen). Ostfildern, 2022. S. 247–284 [Palmer 2022b].

Переводы на русский язык

1. Палмер Н.Ф. Книга как носитель значения у Мехтильды Магдебургской [Das Buch als Bedeutungsträger bei Mechtild von Magdeburg] // Мехтильда Магдебургская. Струющийся свет Божества. Перевод и исследования. Автор-составитель Н.А. Ганина, статьи Н.А. Ганиной, Найджела Ф. Палмера. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. С. 302–324.
2. Палмер Н.Ф. Аллегория и молитва: дом сердца и ковчег добродетелей в «Молитвеннике Урсулы Берерин» [Allegory and Prayer. The House of the Heart and the Ark of the Virtues in the “Gebetbuch der Ursula Begerin”] // Одиссей. Человек в истории. 2015–2016. Ритуалы и религиозные практики иноверцев во взаимных представлениях. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 242–280.
3. Палмер Н.Ф. Немецкоязычные женщины-авторы в эпоху до 1300 г. [Deutschsprachige Autorinnen vor 1300] // Одиссей. Человек в истории. 2023. № 1. Божественное чудо в литературной традиции и повседневной жизни. М., 2023. С. 178–228.

REFERENCES

Main publications by Nigel F. Palmer

1. Palmer N.F. Tondolus der Ritter. Die von J. und C. Hist gedruckte Fassung. München: Wilhelm Fink, 1980 (Kleine deutsche Prosadenkmäler des Mittelalters 13). 140 p.
2. Palmer N.F. “Visio Tnugdali”. The German and Dutch Translations and their Circulation in the Later Middle Ages. München: Artemis, 1982 (Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters 76). 447 p.
3. Palmer N.F. Kapitel und Buch. Zu den Gliederungsprinzipien mittelalterlicher Bücher // Frühmittelalterliche Studien. 1989. Bd. 23. S. 43–88.
4. Palmer N.F., Speckenbach K. Träume und Kräuter. Studien zur Petroneller ‚Circa instans‘-Handschrift und zu den deutschen Traumbüchern des Mittelalters. Köln; Wien: Böhlau, 1990 (Pictura et poesis 4). 318 p.

5. *Palmer N.F.* Das Buch als Bedeutungsträger bei Mechthild von Magdeburg // Bildhafte Rede im Mittelalter und früher Neuzeit: Probleme ihrer Legitimation und ihrer Funktion. Hg. von Wolfgang Harms, Klaus Speckenbach, Herfried Vögel. Tübingen: Niemeyer, 1992. S. 217–235.
6. *Palmer N.F.* German Literary Culture in the Twelfth and Thirteenth Centuries. An Inaugural Lecture delivered before the University of Oxford on 4 March 1993. Oxford: Clarendon Press, 1993. 24 p.
7. *Ars moriendi*: das ist Die Kunst des heilsamen Sterbens. Das deutschsprachige Blockbuch der Donaueschinger Hofbibliothek. Mit einer Einleitung von Nigel F. Palmer. Bd. 1–2. Rotthalmünster: Heribert Tenschert, 1995 (Tenschert Katalog 33, 1–2). 28 p., 84 p.
8. *Palmer N.F.* Zisterzienser und ihre Bücher: die mittelalterliche Bibliotheksgeschichte von Kloster Eberbach im Rheingau unter besonderer Berücksichtigung der in Oxford und London aufbewahrten Handschriften. Regensburg: Schnell und Steiner, 1998. 356 p.
9. *Palmer N.F., Gerhardt C.* Das Münchner Gedicht von den 15 Zeichen vor dem Jüngsten Gericht. Nach der Handschrift der Bayerischen Staatsbibliothek Cgm 717. Edition und Kommentar. Berlin: Erich Schmidt, 2002 (Texte des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit 41). 172 p.
10. *Palmer N.F.* Die Münchner Perikopenhandschrift Cgm 157 und die Handschriftenproduktion des Straßburger Reuerinnenklosters im späten 15. Jahrhundert // Beiträge zur Kulturtopographie des deutschsprachigen Südwestens im späteren Mittelalter 1. Hg. von Barbara Fleith und René Wetzels, Berlin; New York: De Gruyter, 2009 (Kulturtopographie des alemannischen Raums 1). S. 263–300.
11. *Mossman S., Palmer N.F.* Ulrich der Johanniter vom Grünen Wörth and his Adaptation of the 'Liber amoris'. A Critical Edition of the 'Hoheliedpredigt' and of its German Precursor 'Die Höhenflüge der Seele' // Schreiben und Lesen in der Stadt: Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Strassburg. Hg. von Stephen Mossman, Nigel F. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012 (Kulturtopographie des alemannischen Raums 4. Hg. von Jeffrey F. Hamburger, Nigel F. Palmer, Felix Heinzer). S. 469–520.
12. *Palmer N.F.* Ein Zeugnis deutscher Kunstprosa aus dem späten 13. Jahrhundert: Zu den sonst nicht nachgewiesenen Textabschnitten der Moskauer Mechthild-Überlieferung, in: Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken in russischen Bibliotheken. Beiträge zur Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 14. bis 16. September 2011 an der Lomonossov-Universität Moskau aus Anlass des 300. Geburtstages des Universitätsgründers Michail Lomonossov. Hg. von Natalija Ganina, Klaus Klein, Catherine Squires, Jürgen Wolf. Erfurt: Verlag der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt in Kommission bei Franz Steiner Verlag Stuttgart, 2014 (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 2, Sonderschriften der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt 45). S. 97–138.
13. *Ganina N., Palmer N.F.* Unikal überlieferte mystische Prosa im Moskauer Mechthild-Fragment. Untersuchungen zu den unidentifizierten Textabschnitten mit einem neuen Textabdruck von Bl. 4r–5r der Handschrift // Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken in russischen Bibliotheken. Beiträge zur Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 14. bis 16. September 2011 an der Lomonossov-Universität Moskau aus Anlass des 300. Geburtstages des Universitätsgründers Michail Lomonossov. Hg. von Natalija Ganina, Klaus Klein, Catherine Squires, Jürgen Wolf. Erfurt: Verlag der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt in Kommission bei Franz Steiner Verlag Stuttgart, 2014

- (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 2, Sonderschriften der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt 45), S. 91–96.
14. *Hamburger J.F., Palmer N.F.* The Prayer Book of Ursula Begerin. Vol. 1. Art-Historical and Literary Introduction. With a Conservation Report by Ulrike Bürger. Vol. 2. Reproductions and Critical Edition. Dietikon; Zürich: Urs Graf, 2015. 676 p., 203 p.
 15. *Bondarko N., Palmer N.F.* Ein elsässisches Gebetbuch in der Russischen Nationalbibliothek zu St. Petersburg: Befund und Deutung // Von mittelalterlichen und neuzeitlichen Beständen in russischen Bibliotheken und Archiven. Ergebnisse der Tagungen des deutsch-russischen Arbeitskreises an der Philipps-Universität Marburg (2012) und an der Lomonossov-Universität Moskau (2013). Hg. von Natalija Ganina, Klaus Klein, Catherine Squires, Jürgen Wolf. Erfurt: Verlag der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt in Kommission bei Franz Steiner Verlag Stuttgart, 2016 (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 3, Sonderschriften der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt 47). S. 171–198.
 16. *Palmer N.F.* Medieval German Manuscripts in Oxford Libraries // Oxford German Studies. 2017 / Vol. 146 (2). German Manuscripts in Oxford. In Honour of Nigel F. Palmer. P. 126–140 [Palmer 2017a].
 17. *Palmer N.F.* Der 'Beichtspiegel'. Zu einem bisher unbekannten Exemplar des Blockbuchs in Sankt Petersburg // Deutsch-russische Kulturbeziehungen in Mittelalter und Neuzeit. Aus abendländischen Beständen in Russland. Hg. von Natalija Ganina, Klaus Klein, Catherine Squires, Jürgen Wolf. Erfurt: Verlag der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt in Kommission bei Franz Steiner Verlag Stuttgart, 2017 (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 4, Sonderschriften der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt 49). S. 17–48 [Palmer 2017b].
 18. *Palmer N.F.* Das Blockbuch Peters des Großen die 'Biblia pauperum' der Sankt-Petersburger Akademiebibliothek, heute in der Russischen Staatsbibliothek in Moskau // Deutsche Kultur in russischen Buch- und Handschriftenbeständen. Beiträge zur Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 16./17. April 2018 an der Lomonossov-Universität Moskau. Hg. von Natalija Ganina, Daniel Könitz, Catherine Squires, Jürgen Wolf. Erfurt: Verlag der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt in Kommission bei Franz Steiner Verlag Stuttgart, 2022 (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 5, Sonderschriften der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt 52). S. 39–72.
 19. *Palmer N.F., Ganina N.* Der Bardewiksche Codex des Lübecker Stadtrechts: Edition // *Ganina N., Cordes A., Lokers J.* Der Bardewiksche Codex des Lübisches Rechts von 1294. Bd. 1. Faksimile und Erläuterungen. Oppenheim am Rhein, 2021. S. 258–352; Bd. 2. Edition, Textanalyse, Entstehung und Hintergründe. Oppenheim am Rhein, 2022. S. 18–107.
 20. *Palmer N.F.* Allegory and Prayer. The House of the Heart and the Ark of the Virtues in the "Gebetbuch der Ursula Begerin" // Auf den Schwingen des Pelikans. Studien und Texte zur deutschen Literatur des Mittelalters. Hg. von Ralf Plate, Niels Bohnert, Christian Griesinger, Michael Trauth. Trier, 2022. S. 431–459 [Palmer 2022a].
 21. *Palmer N.F.* Deutschsprachige Autorinnen vor 1300 // Zwischen Klausur und Welt. Autonomie und Interaktion spätmittelalterlicher geistlicher Frauengemeinschaften. Herbsttagung des Konstanzer Arbeitskreises für mittelalterliche Geschichte, 10.–13. Oktober 2017. Hg. von Eva Schlotheuber, Sigrid Hirbodian (Vorträge und Forschungen). Ostfildern, 2022. S. 247–284.

Russian translations

1. *Palmer N.F.* Kniga kak nositel' značenija u Mehtildy Magdeburgskoj [Das Buch als Bedeutungsträger bei Mechthild von Magdeburg] // Mehtilda Magdeburgskaja.

Struijaščijsja svet Bozhestva. Perevod i issledovanija [Mechthild of Magdeburg. The Flowing Light of the Godhead. Translation and studies]. Ed. by Natalija Ganina, articles by Natalija Ganina, Nigel F. Palmer. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2014. P. 302–324.

2. Palmer N. F. Allegorija i molitva: dom serdca i kovčeg dobrodetelej v “Molitvennike Ursuly Begerin” [Allegory and Prayer. The House of the Heart and the Ark of the Virtues in the “Gebetbuch der Ursula Begerin”] // Odissei. Čelovek v istoriji [Odysseus. Man in history]. 2015–2016. Ritualy i religioznye praktiki inovercev vo vzaimnyh predstavlenijah [Rituals and religious practices of adherents of a different faith in mutual perceptions]. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2017. P. 242–280.
3. Palmer N. F. Nemeckojazyčnyje ženščiny-avtory v epohu do 1300 g. [Deutschsprachige Autorinnen vor 1300] // Odissei. Čelovek v istoriji [Odysseus. Man in history]. 2023. № 1. Božestvennoje čudo v literaturnoj tradicii i povsednevnoj žizni [Divine miracle in literary tradition and everyday life]. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2023. P. 178–228.

Поступила в редакцию 17.01.2024

Принята к публикации 16.04.2024

Отредактирована 12.03.2024

Received 17.01.2024

Accepted 16.04.2024

Revised 12.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Ганина Наталья Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской и кельтской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова; ganina@philol.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalija Ganina — Prof. Dr., Department of Germanic and Celtic Philology, Lomonosov Moscow State University; ganina@philol.msu.ru

НОВЫЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ «МАЛОЙ» ЭПИГРАФИКИ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДОВ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)

Ф.В. Шелов-Коведяев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; shel-kov@yandex.ru*

Аннотация: Автор публикует новые древнегреческие лексические формы, добытые в раскопках боспорских городов последних лет: ἀπεστήμεθα — 1 л. мн. ч. аор. II от глагола ἀφίστημι; ном. pl. ἀπολεκταί — женское окончание к прилагательному, известному ранее в м. и ср. р.; ἡ κεράμια; κλαυσεταιί — к прилагательному κλαυστός, -ή, -όν; личное имя Πυρρίη; прилагательное ср. р. ἀτετόν; ἡ σίτη; личное имя Λεωπειθής.

Ключевые слова: язык; эпиграфика; надписи; граффито; амфора; свинцовая пластинка; слово; буква; полис; Боспор

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-11

Для цитирования: Шелов-Коведяев Ф.В. Новые древнегреческие лексические формы (по материалам «малой» эпиграфики из раскопок городов Боспора Киммерийского последних лет) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 148–159.

SOME NEW ANCIENT GREEK LEXICAL FORMS (BASED ON THE ARTIFACTS OF THE “SMALL” EPIGRAPHY FROM THE RECENT EXCAVATIONS IN THE CITIES OF THE CIMMERIAN BOSPORUS)

Fedor V. Shelov-Kovedyaev

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
shel-kov@yandex.ru*

Abstract: The author publishes the new Ancient Greek lexical forms, found in excavations of Bosporan *poleis* in the recent years: 1 pl. Aor. II ἀπεστήμεθα from the verb ἀφίστημι; nom. pl. ἀπολεκταί — female to the adjective known before in masculine, and neuter; ἡ κεράμια; κλαυσεταιί — to the adjective κλαυστός, -ή, -όν; personal name Πυρρίη; neuter adjective ἀτετόν; ἡ σίτη; personal name Λεωπειθής.

Keywords: language; epigraphy; inscriptions; *graffito*; amphora; lead tablet; word; letter; *polis*; Bosphorus

For citation: Shelov-Kovedyaev F.V. (2024). Some New Ancient Greek Lexical Forms (Based on the Artifacts of the “Small” Epigraphy from the Recent Excavations in the Cities of the Cimmerian Bosphorus). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 148–159.

Благодаря надписям, знания в области классических языков ежегодно пополняются. Кроме того, в отличие от античных литературных и нарративных источников, известных в поздних списках, а потому прошедших через многочисленных посредников и являющихся результатом кропотливой реконструкции корифеями критики текста (главным образом, учеными середины XIX — первой половины XX веков), греческая эпиграфика обладает тем преимуществом, что дает непосредственный слепок живого древнего языка. Что и как было написано тысячи лет назад, так то и сохранилось — целиком или во фрагментах — по сей день. Именно поэтому авторы фундаментальных научных грамматик [Blass 1890–1892; Gerth 1898–1904; Brugmann 1900; Schwyzler 1950–1977] и словарей [LSJ 1996] широко пользовались эпиграфическими данными. Сказанное в полной мере относится и к находкам, происходящим с юга России. Прежде всего, к граффити, а среди них, в первую очередь, — к частным записям на керамике и приватным письмам на свинце, коим и посвящена настоящая публикация.

Ниже будет представлен ряд лексем и словоформ, которые (за исключением имени Леопит, нового лишь для Северного Причерноморья) ранее нигде не встречались. Так говорить позволяет то, что все даруемые эпиграфикой новации скрупулезно отмечались в *Bulletin épigraphique* (и попадали в указатели к нему) сначала — в 1930–1980-е годы — Луи Робером, а после его смерти во вновь созданном его последователями специальном разделе *Mots nouveaux et mots rares* вышеуказанного обзора. Ну и, конечно, поиски в электронных базах, вроде RHI7 и rarygi.info, также не дали результатов.

1 (рис. 1). В 1999 году С.Ю. Сапрыкин [Сапрыкин, Куликов 1999: 201–206] издал свинцовую пластинку с семистрочной надписью, датирующейся по контексту находки и колебаниям в отражении долгого [e] раннеэллинистическим временем. Он понял текст так: Ἑρμαῖος [c τῷ θεῷ χαίρειν...]/πεντήκον[τα.....]/ἐπιμελή[θησαν.....]/ἔστιν γὰρ[.....]/ἀπέστειλα[.....] || ἔδωκα ἐφ’αἷς τ[ῆ]ν ἐπιμέ[λειαν]κο/μίσαι παρ’ αὐτοῦ. ἔρρω[σο] «Гермей пишет такому-то привет! ... пятьдесят ... были под попечением ... Ведь есть ... я послал ... предоставил о них попечение ... взять у него. Прощай!».

Не занимая теперь читателя критикой всего чтения издателя (что составляет предмет отдельной работы), отмечу, что в стк. 5 (она —

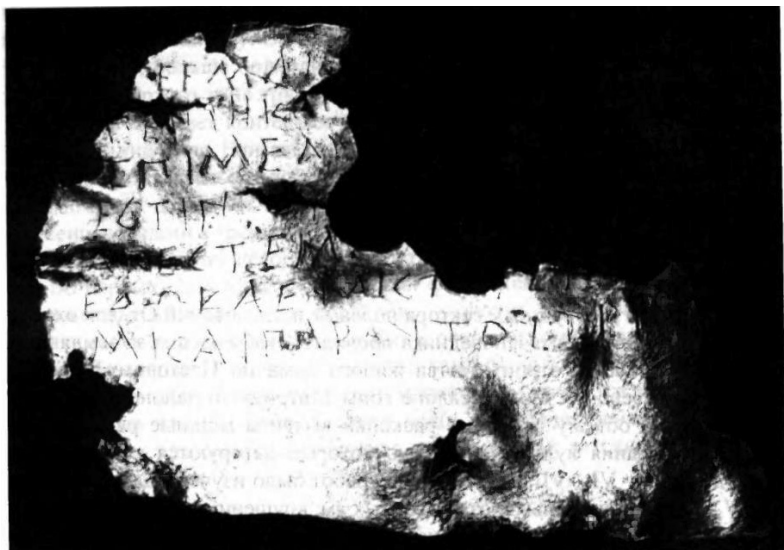

Рис. 1

перед двойным делителем) видно, на самом деле, ΑΠΕΣΤΕΜΕ^1 — оборванная изломом форма 1 л. мн. ч. аор. II от глагола $\alpha\phi\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$ (LSJ s.v.): с неразличением долготы второго [e], что в эпиграфике характерно как для алфавитов архаического времени, так и для отражения на письме процесса сокращения долгого [e], начиная с эпохи эллинизма (об особенностях фонетики и произношения эллинистического периода см., прежде всего, [Thumb 1901: passim; Schwyzer 1977: 248, 770 — ср. 103, 228, 339]). Полагаю, что сохранившиеся литеры надо дополнять до $\alpha\pi\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\mu\epsilon[\theta\alpha]$ (где $\epsilon=\eta$). Тем самым, получаем первое свидетельство существования у этого глагола медио-пассивного залога в аор. II — «(то, что) нами было отложено» (об использовании медиальных форм у данного *verbum* в пассивном значении см. [Schwyzer 1977: 93, 445; Herrmann 1996: 56]). Речь идет о финансах — обеспечении (не попечении!) под залог и обращении последнего в доход.

2 (рис. 2–3; 2а–3а). Летом 2019 года в ходе раскопок городища Пантикапей на горе Митридат в Керчи (раскоп Новый Верхний Митридатский: далее — НВМ) на территории квадратов 88–89 и 92–93, занятых конструкцией № 54, были обнаружены фрагменты горла и плечиков амфоры VI в. до Р.Х. с надписью $\alpha\lambda\omicron\lambda\epsilon\kappa\tau\alpha\iota$ и насечками — четырьмя вертикальными и тремя горизонтальными, —

¹ Курсивом в греческом отмечены буквы, дошедшие частично.

Рис. 2-3

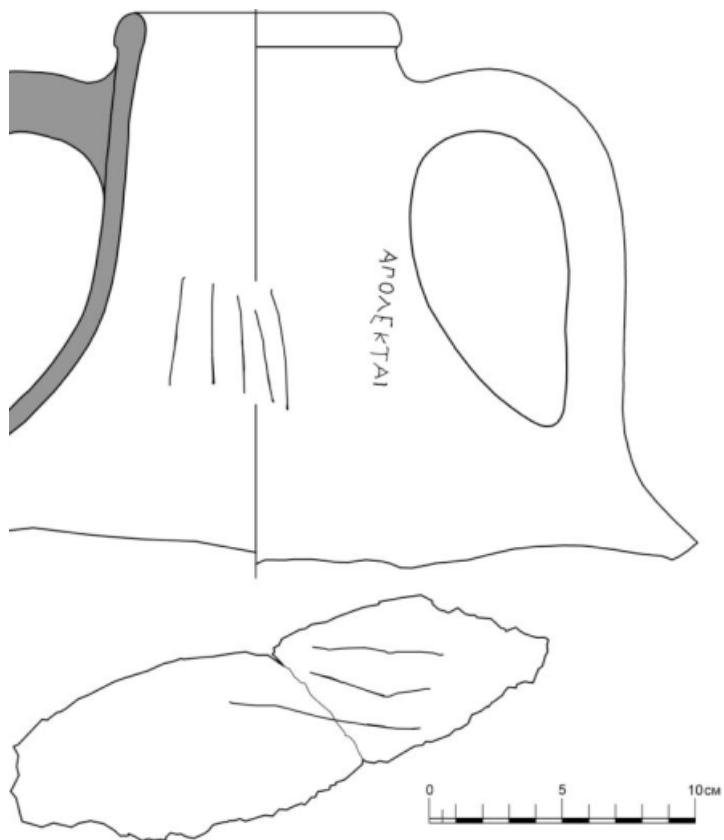

Рис. 2а-3а

что в сумме дает число семь (ПАН–2019. НВМ. Полевая опись № 214:)². Находка разом принесла две новации.

Во-первых, появляется (см., что было сказано выше о лексическом фонде *Bulletin épigraphique*) женское (ἀπολεκτή) окончание (nom. pl.: ἀπολεκταί) к прилагательному, как считалось до сих пор, двух окончаний (LSJ s.v. ἀπολεκτός, -όν «выбранный, отобранный, избранный»). Во-вторых, что не менее важно, независимым аутентичным свидетельством подтверждается глосса Гезихия (Hsch. s.v.: здесь и далее ссылаюсь на современное издание его лексикона — см. раздел «источники примеров»), гласящая, что сам тарный сосуд, который в научной традиции принято именовать амфорой, в греческом (термин ὁ ἀμφορεύς — за редкими поэтическими исключениями, которые в данном приземленном случае нерепрезентативны, — наличествует лишь в аттическом диалекте: LSJ s.v., откуда он попал и в койне) назывался не только τὸ κεράμιον (~ειον: LSJ s.v., cf. FAK VI 1a), но и ἡ κεράμια (у Гезихия — κεράμεα: в результате озвончения в данной позиции ι>), приведшего к произношению слова как [ke-ramja], что объясняет и постановку ударения не на ι при alpha purum в изначальном окончании, и смешение в разных передачах ι/ε — см. ко всему [Schwyzer 1950: 106, 242, 275, 399, 841]): здесь мн. ч. ἀπολεκταί ||||≡ (κεράμια) ‘отобранные 7 (амфор)’. Ведь аналогии (см., например, [Шелов-Коведяев 2019: 80–81; Шелов-Коведяев 2021: 424–425; Шелов-Коведяев 2022: 329–330]) показывают, что такого рода пометы отсылают непосредственно к предмету, на который они нанесены.

3 (рис. 4). Использование данной лексемы для обозначения амфоры удостоверяется артефактами с противоположного берега Керченского пролива. Так (ср. [Шелов-Коведяев 2023: 444]), в 2018 году на раскопе «Верхний город» в Фанагории в подвальном комплексе № 835 была найдена археологически целая хиосская пухлогорлая амфора 2-й четверти V в. до Р.Х. (ее описание см. [Завойкина 2022: 114–118]) с граффито Πυρρίης κλαυσεταί ‘траурные (амфоры) Пиррии’ (надпись, среди прочего, доказывает интерпретацию [Кузнецов 2019: 404–405] помещения как святилища хтонических божеств). Дополнительно тут обращают на себя внимание: (1) неизвестный ранее вариант написания адъектива κλαυστός, -ή, -όν со вставным [e] (эффект, обратный Abbreviated Writing [Wachter 1991: 71 sqq. (с литературой)]): ср., наоборот, выпадение [s], давшее у Аристофана κλαυτός (LSJ s.v.); и (2) новое женское ЛИ Πυρρίη: ср. Πύρρα (ж.: LGPN I, II, IV, VB s.v.), Πυρρίς (ж.: LGPN IIIA s.v.), Πυρρίας (м.: LGPN I, II, IIIB, IV, VA.B.C s.v.) и Πυρρίης (м.: LGPN I, VA s.v.), и осо-

² Искренне благодарю руководителя Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина (Москва) В.П. Толстикова за решение опубликовать настоящее граффито.

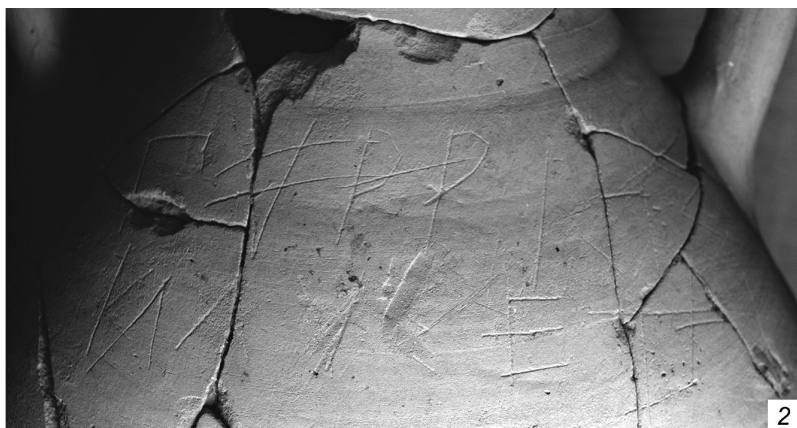

Рис. 4

бенно зафиксированный в Причерноморской Фракии его мужской аналог Πύρρειος (II в. от Р.Х., когда в результате итацизма группа $\epsilon\iota$ часто заменяла i), который издатели неверно прочли Πυρρείος (LGPN IV s.v.).

Сказанное только что о давно и прочно установленной прямой связи частных надписей с предметом, их несущим, исключает понимание формы κλαυσεται как 3 л. ед. ч. будущего времени от κλαίω, что дало бы «Пиррий будет оплакивать». Ведь перед нами не остракон и не кубок, которые могли бы нести на себе подобное высказывание или литературный фрагмент, но запись, определяющая назначение тары с ее содержимым, — к тому же, перечеркнутая во многих местах (см. рис. 4) в апотропеических целях.

4 (рис. 5). В 2019 году на том же фанагорийском раскопе был обнаружен фрагмент стенки верхней части фасосской амфоры тоже 2-й четверти V в. до Р.Х. [Завойкина 2022: 119–121 (с неверным пониманием дипинто)] с нанесенным на нее краской μέλαινα Νίκωνι. По аналогии с рассмотренными выше, читаю «черные (= амфоры черного вина) для Никона» (ср. [Шелов-Коведяев 2023: 445–446]): у южных народов красное вино и виноград до сих пор называются черными (например, в новогреческом — μαύρο и верό).

5 (рис. 6–7; 6а–7а). В 2019 же году в раскопках упоминавшейся уже конструкции № 54 в Пантикапее были открыты части горла и плечиков амфоры конца VI в. до Р.Х. с двумя граффити (ПАН–2019. НВМ. Полевая опись № 210)³. Первое сообщает [ᾱ]τὴτὰ μόρια. До

³ Снова искренне благодарю руководителя Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина (Москва) В.П. Толстикова за разрешение опубликовать и это граффито.

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 6а

настоящего времени из глоссы Гезихия (Hsch. s.v.) был известен лишь субстантив ср. р. τὸ ἄτετόν, синоним к τὸ λευκόν, обозначающему специально изготавливавшееся «белое» (= чистое) оливковое масло, применявшееся в культовых целях. Поскольку же на фрагменте α] τετὰ стоит при существительном в номинативе мн. ч. (τὰ) μόρια (τὸ μόριον «часть, ингредиент»: LSJ s.v. II), то возникает новое прилагательное, в данном случае среднего рода, ἄτετόν (возможный полный ряд — ἄτετός, -ή, -όν) 'белый (i.e. ритуально чистый)'. Всю же надпись надо понимать — «чистые (= для “белого” масла) ингредиенты».

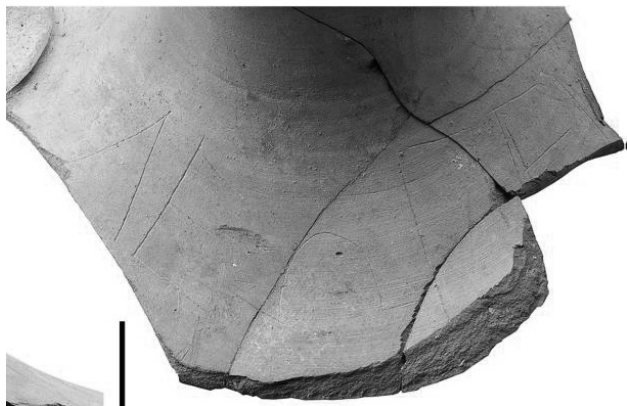

Рис. 7

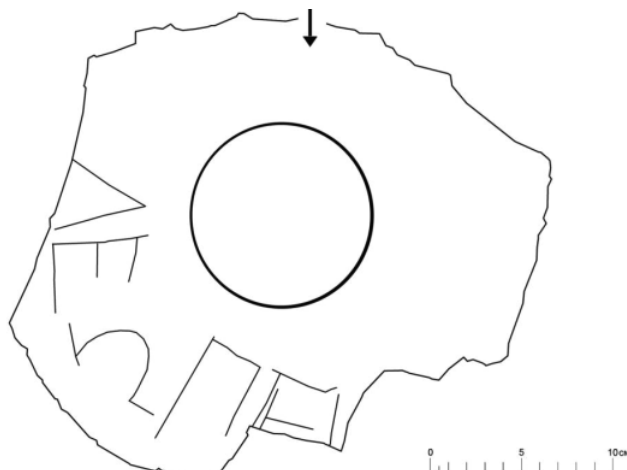

Рис. 7а

Второе граффито сохранило почти полное имя Леопита (Λεω-πεΐθης) в одном из возможных тут падежей (в подобном контексте, скорее всего, родительного либо дательного). Это и новый для Причерноморья АН, и наиболее ранняя его фиксация: прежде он был представлен исключительно на острове Тенос (LGPN I s.v., I в. до Р.Х.), в Аттике (LGPN II s.v., 380 г. до Р.Х.) и малоазиатской Ионии (LGPN VA s.v.: Клазоменах — выходец оттуда в Синопе, рубеж V–IV вв. до Р.Х. — и Эфесе, 350–330 гг. до Р.Х.). Судя по весьма аристократическому имени [Bechtel 1917: s.v.], предпочтительно считать, что наш Леопит был одним из жрецов, отвечавших за изготовление ритуально чистого оливкового масла. Тогда совокупность граффи-

ти означает «ингредиенты чистые (= для «белого» масла) Леопита vel для Леопита).

6 (рис. 8). В 2012 году во время земляных работ на своей земле житель поселка Гаркуша, находящегося на территории античного Патрэя, выявил письмо (судя по языку и шрифту — 2-й половины VI в. до Р.Х.) на свинцовой пластинке, адресованное некоему Ксениллу (историю изучения памятника и его чтений см. [Шелов-Коведяев 2023а: 193–197]). В настоящее время документ хранится в Институте археологии и культурного наследия НИУ СГУ⁴, где и был мной изучен. Он выглядит так:

Рис. 8

Πυθὼ ἥκ' ἔσ(σ)υτ' ὦ Ξένυλλε : ἐπιστέλ(λ)ε τοῖ Πίστος
 συνὼν

σίτας : ἀποτέσασθαι : Σάπασιν : στατέρας χρυσοῦ[ς]
 καὶ ἀνδράποδον : καὶ Σῖμον : ἡμιστάτηρον
 χρυσὸ : κ' Αρακλείδην : τρές τέταρτας ἀρ[γ]ύρῳ
 καὶ Δημόνακτα : τρίτην ἀργυροῦ.

Перевод:

- (1) Пүтö только что была освобождена, о Ксенилл! Пист посылает тебе для свиней
- (2) кормá. Надо обратить взыскание на Сапασία — золотых статеров (...)
- (3) и раб; и на Сима — полстатера
- (4) золота; и на Гераклида — три четверти серебра;
- (5) и на Демонакта — треть серебра.

В его тексте в целях настоящей работы привлекает внимание в начале стк. 2 асс. pl. σίτας от нового существительного ж. р. ἡ σίτη. Поскольку выше него между сткк. 1 и 2 вписано συνὼν (= συνῶν 'свиней'), то новая лексема, в дополнение к давно известным (LSJ s.v.)

⁴ Сердечно благодарю С.Ю. Монахова за предложение поработать с данным артефактом.

субстантивам м. р. ὁ σῖτος ('зерно, хлеб') и ср. р. τὸ σῖτον ('зерно, провиант'), означает «корм» (в данном случае — свиной).

Знаменательно, что, подобно тому, как то дают раскопки по всей эллинской ойкумене (см. что было сказано о материалах *Bulletin épigraphique* в самом начале), лишь *девять* (1999, 2012–2019) лет принесли науке целых *восемь* новых лексем и словоформ, не только обновляющих и уточняющих представления о развитии греческого языка в периоды архаики, классики и раннего эллинизма, но и доказывающих, что его функционирование на Боспоре полностью укладывается в лингвистические нормы, присущие моментам их фиксации. Оба послания и два граффити (№№ 2–3), в согласии с их содержанием, а также общегреческими тенденциями развития письма (см. [Jeffery 1963: 489–490 (Plates); Guarducci 1967: 581–582 (Tavoli); ср. Болтунова, Книпович 1962: 7–9 и Таб. 1–2]), точно принадлежат боспорянам. А №№ 4 и 5 могли быть нанесены и за пределами боспорских берегов — на родине изготовления амфор.

Не исключено, что такие слова, как ἡ κεράμια и ἡ σίτη, были региональными особенностями ионийского диалекта (о характеристиках языка боспорских надписей см., например [Доватур 1965: 797–831]). Сказанное заставляет призвать русских языковедов и преподавателей классических языков шире привлекать в своей работе эпиграфический материал. Не греша, как некоторые публикаторы надписей (забывающие о том, что, в отличие от них, античные люди не только писали, но и думали и говорили по-древнегречески), немотивированным «исправлением» (против чего всегда выступал Луи Робер) «ошибок» и «описок» в аутентичных памятниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика. 1963. III. С. 3–31.
2. Доватур А.И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН. М.; Л. Наука, 1965. С. 797–831.
3. Завойкина Н.А. Новые коммерческие надписи на амфорах V–IV вв. до н. э. из Фанагории // Древности Боспора. 2022. 27. С. 113–123.
4. Кузнецов В. Д. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // Древности Боспора. 2019. 24. С. 398–416.
5. Сапрыкин С.Ю., Куликов А.В. Новые эпиграфические находки в Пантикапее // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997 / Под ред. А.В. Подосинова. 1999. С. 201–218.
6. Шелов-Коведяев Ф.В. Греки и варвары в зеркале ономастики малой эпиграфики // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: Культурные традиции в контактных зонах / Под. ред. Д.Г. Савинова. СПб, 2019. С. 80–83.
7. Шелов-Коведяев Ф.В. De titulis Bosporanis et viciniis IV // Древности Боспора. 2021. 26. С. 424–425.

8. Шелов-Коведяев Ф.В. De titulis Bosporanis et viciniis VI // Древности Боспора. 2022. 27. С. 315–335.
9. Шелов-Коведяев Ф.В. De titulis Bosporanis et viciniis VII // Древности Боспора. 2023. 28. С. 433–454.
10. Шелов-Коведяев Ф.В. «Письмо Писта» из Патрэя: новая информация // Stratum Plus. 2023а. № 6. С. 193–197.
11. Bechtel Fr. Die Historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle an der Saale. Max Niemeyer, 1917.
12. Brugmann K. Griechische Grammatik. München. C.H. Beck, 1900.
13. Blass Fr. Ausführliche Grammatik der Griechischen Sprache. T. I. Bd. 1–2. Hannover. Hahnsche Buchhandlung, 1890–1892.
14. Gerth B. Ausführliche Grammatik der Griechischen Sprache. T. II. Bd. 1–2. Hannover und Leipzig. Hahnsche Buchhandlung, 1898–1904.
15. Guarducci M. Epigraphia Greca. Vol. I. Roma. Libreria dello stato, 1967.
16. Herrmann P. Epigraphische Notizen. 14–15 // Epigraphica Anatolica. 1996. 27. S. 55–61.
17. Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece. 2nd ed. Oxford. Clarendon Press, 1963.
18. Schwyzler E. Griechische Grammatik. 5., unveränd. Aufl. 2 Bde. München. C.H. Beck, 1950–1977.
19. Thumb A. Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Strassburg. Karl J. Trübner, 1901.
20. Wachter R. Abbreviated Writing // Kadmos. 1991. XXX. P. 49–80.

Источники примеров

21. FAK VI = Fouilles d'Aï-Khanoum. Vol. VI. Le Gymnase. Paris, Diffusion De Boccard, 1987. XVI + 127 p.
22. Hsch. = Hesychii Alexandrini Lexicon. Vol. I–IV. Berlin; N.Y., Walter de Gruyter, 1966–2017. CII + 2184 S.
23. LGPN = Frazer P.M. et al. A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I–Vc. Oxford, Clarendon Press, 1987–2018. CXVI + 3446 p.
24. LSJ = A Greek-English Lexicon. Compiled by H.G. Liddell, R. Scott & H.S. Jones. 13th Edition. Oxford, Clarendon Press, 1996. XXXVI + 2042 + 320 p.

REFERENCES

1. Boltunova A.I., Knipovich T.N. Oчерk istorii grecheskogo lapidarnogo pis'ma na Bospore [Outline of the History of Greek lapidary Script on Bosphorus Cimmerian] // Numizmatika i epigraphika [Numismatics and Epigraphy]. 1963. III. P. 3–31.
2. Dovatur A.I. Kratkiy oчерk grammatiki bosporskikh nadpisey [Brief outline of the grammar of Bosporan inscriptions] // CIRB. Moscow; Leningrad. Nauka, 1965. P. 797–831.
3. Kuznetsov V.D. Drevneyshaya Fanagoriya: nekotorye problemy [The oldest Phanagoria: some problems] // Drevnosti Bospora [Bosporan Antiquities]. 2019. 24. P. 398–416.
4. Saprykin S.Yu., Kulikov A.V. Novye epigraficheskiye nakhodki v Pantikapeye [New epigraphical finds from Panticapaeum] // Drevneyshye gosudarstva Vostochnoy Evropy [The oldest states of Eastern Europe] 1996–1997 / Pod red. A.V. Podossinova [A.V. Podossinov (ed.)]. Moscow, Nauka Publ., 1999. P. 201–218.
5. Shelov-Kovedyaev F.V. Greki i varvary v zerkale onomastiki maloy epigrafiki [Greeks, and barbarians in the light of onomastics from the little epigraphy] // Greki i varvarskiy mir Severnogo Prichernomor'ya: Kul'turnyye traditsyi v kontaktnykh zonakh [Greeks, and the barbarian world on the Northern Shore of the Black Sea] / Pod red. D.G. Savinova [D.G. Savinov (ed.)]. Saint-Petersburg, 2019. P. 80–83.
6. Shelov-Kovedyaev F.V. De titulis Bosporanis et viciniis IV // Drevnosti Bospora [Bosporan Antiquities]. 2021. 26. P. 424–425.

7. Shelov-Kovedyaev F.V. De titulis Bosporanis et viciniis VI // *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities]. 2022. 27. P. 315–335.
8. Shelov-Kovedyaev F.V. De titulis Bosporanis et viciniis VII // *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities]. 2023. 28. P. 433–454.
9. Shelov-Kovedyaev F.V. «Pis'mo Pista» iz Patreya: novaya informatsiya [“The Letter of Pistos” from Patrasys: some new information] // *Stratum Plus*. 2023a. № 6. C. 193–197.
10. Bechtel Fr. *Die Historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*. Halle an der Saale. Max Niemeyer, 1917. (In Germ.)
11. Brugmann K. *Griechische Grammatik*. München. C.H. Beck, 1900. (In Germ.)
12. Blass Fr. *Ausführliche Grammatik der Griechischen Sprache*. T. I. Bd. 1–2. Hannover. Hahnsche Buchhandlung, 1890–1892. (In Germ.)
13. Gerth B. *Ausführliche Grammatik der Griechischen Sprache*. T. II. Bd. 1–2. Hannover und Leipzig. Hahnsche Buchhandlung, 1898–1904. (In Germ.)
14. Guarducci M. *Epigraphia Greca*. Vol. I. Roma. Libreria dello stato, 1967.
15. Herrmann P. Epigraphische Notizen. 14–15 // *Epigraphica Anatolica*. 1996. 27. S. 55–61.
16. Jeffery L.H. *The Local Scripts of Archaic Greece*. 2nd ed. Oxford. Clarendon Press, 1963.
17. Schwyzler E. *Griechische Grammatik*. 5., unveränd. Aufl. 2 Bde. München. C.H. Beck, 1950–1977. (In Germ.)
18. Thumb A. *Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus*. Strassburg. Karl J. Trübner, 1901 (In Germ.)
19. Wachter R. Abbreviated Writing // *Kadmos*. 1991. XXX. P. 49–80.
20. Zavoykina N.A. Novye kommercheskie nadpisi na amforakh V–IV vv. do n.e. iz Fanagorii [Some new commercial inscriptions on the amphorae V–VI BC from Phanagoria] // *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities]. 2022. 27. P. 113–123.

Sources of examples

21. FAK VI = Fouilles d’Aï-Khanoum. Vol. VI. Le Gymnase. Paris, Diffusion De Boccard, 1987. XVI + 127 p. (in French)
22. Hsch. = Hesychii Alexandrini Lexicon. Vol. I–IV. Berlin; N.Y., Walter de Gruyter, 1966–2017. CII + 2184 S. (in Greek, and Germ.)
23. LGPN = *Frazer P.M. et al. A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. I–Vc. Oxford, Clarendon Press, 1987–2018. CXVI + 3446 p.
24. LSJ = *A Greek-English Lexicon*. Compiled by H.G. Liddell, R. Scott & H.S. Jones. 13th Edition. Oxford, Clarendon Press, 1996. XXXVI + 2042 + 320 p.

Поступила в редакцию 05.10.2023

Принята к публикации 12.03.2024

Отредактирована 16.04.2024

Received 05.10.2023

Accepted 12.03.2024

Revised 16.04.2024

ОБ АВТОРЕ

Шелов-Коведяев Федор Вадимович — кандидат исторических наук, профессор, Школа исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; shel-kov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Fedor V. Shelov-Kovedyaev — PhD, Professor, School of Historical Sciences, National Research University Higher School of Economics; shel-kov@yandex.ru

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ В ТРАКТАТЕ АВЛА КОРНЕЛИЯ ЦЕЛЬСА «О МЕДИЦИНЕ»

А.А. Алексеева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия; a.alexiana@yandex.ru

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос о том, с помощью каких грамматических и лексических средств в трактате Цельса «О медицине» выражены медицинские предписания. В результате проведенного анализа всего текста трактата было обнаружено, что Цельс приводит рекомендации по лечению и профилактике болезней с помощью разнообразных языковых средств. Из них самым употребительным является герундив. Конструкции с именами прилагательными и наречиями используются не только для «внедрения» предписаний по лечению различных болезней, но и для характеристики описываемых методов лечения. Что же касается употребляемых в интересующих нас случаях глагольных форм, то, как правило, в сочинении Цельса глаголы даются в форме третьего лица, формы второго лица неупотребительны.

Ключевые слова: Цельс; «О медицине»; *De medicina*; медицинские рекомендации

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-12

Для цитирования: Алексеева А.А. Способы выражения медицинских рекомендаций в трактате Авла Корнелия Цельса «О медицине» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 160–169.

THE WAYS OF EXPRESSING MEDICAL PRESCRIPTIONS IN *DE MEDICINA* BY AULUS CORNELIUS CELSUS

Alina A. Alekseeva

Lomonosov Moscow State University; Moscow State Linguistic University, Moscow,
Russia; a.alexiana@yandex.ru

Abstract: The paper analyzes grammatical and lexical ways of expressing medical instructions in Celsus' treatise *De medicina*. The author examines and compares all occurrences of medical prescriptions in the text and comes to the following conclusions. Celsus uses various linguistic ways to express treatment recommendations, among which gerundive is the most frequent one. Adjectives and adverbs

are used not only to introduce medical prescriptions, but also to characterize treatment methods. As for the verbs in the treatise, Celsus mostly uses the third person form, while the second person forms are not used at all.

Keywords: Celsus; *De medicina*; *On Medicine*; medical prescriptions

For citation: Alekseeva A. (2024) The Ways of Expressing Medical Prescriptions in *De Medicina* by Aulus Cornelius Celsus. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 160–169.

Как известно, трактат Цельса «О медицине» является наиболее ранним дошедшим до нас сочинением по медицине на латинском языке. Существует относительно небольшое количество работ, посвященных языку и стилю трактата Цельса, так как на протяжении длительного времени это сочинение, как и другие античные медицинские труды на латинском языке, изучалось преимущественно с точки зрения истории медицинской науки. В сфере исследования языка латинских медицинских текстов в целом и языка сочинения Цельса в частности наибольшее значение имеют труды проф. Дэвида Лангслоу [Langslow 1991; Langslow 2000], в которых тщательным образом рассматриваются прежде всего особенности формирования терминологической системы в текстах римских авторов, писавших о медицине.

Рассматриваемый в настоящей статье вопрос о том, каким образом Цельс дает указания по лечению и профилактике заболеваний, ранее не изучался. Для того, чтобы понять, с помощью каких языковых средств в сочинении «О медицине» выражаются медицинские предписания, нами был проведен анализ всего текста трактата Цельса, в результате которого мы выяснили, что медицинские рекомендации в сочинении Цельса вводятся с помощью разнообразных языковых средств, которые можно разделить на две группы: грамматические способы выражения медицинских рекомендаций и лексические способы. К грамматическим способам мы относим грамматические формы, которые выражают модальное значение долженствования или возможности; к лексическим способам — те случаи, когда данные модальные значения выражаются с помощью конкретной лексики или словосочетания.

К грамматическим способам выражения медицинских указаний относятся герундив, *praesens coniunctiui*, *praesens indicatiui*, *futurum I*, *perfectum indicatiui*, *infinitivus praesentis*, *genetivus characteristicus*, *dativus finalis*, предлог *ad* с существительным или герундивной конструкцией. Лексические способы — это безличные глаголы и выражения со значениями ‘необходимо, нужно, следует, полезно, можно’, модальные глаголы *debere* и *posse*, глаголы определенных семантических групп (глаголы со значением ‘быть полезным, по-

могать', 'требовать, нуждаться', 'уничтожать, устранять', 'облегчать, уменьшать'), имена прилагательные, имена существительные, наречия.

Рассмотрим прежде всего грамматические средства, используемые Цельсом для выражения медицинских предписаний.

1) Герундив

Герундив с глаголом *esse* (второе описательное спряжение) — основная синтаксическая конструкция, с помощью которой Цельс вводит медицинские предписания. Обычно второе описательное спряжение употребляется лично, субъектом при этой конструкции может быть местоимение или имя существительное, обозначающее тело человека или пораженную часть тела, болезнь или симптом болезни, средство для лечения или профилактики какого-либо недуга, самого пациента, причем слово, указывающее на пациента — *aeger* или иногда *homo*, — чаще всего лишь подразумевается. Герундив обычно выражает действие, которое должен выполнять во время лечения либо врач, либо больной. Глагол *esse* во втором описательном спряжении, как правило, ставится в форме *praesens indicatiui*:

His *aluus ducenda est, caput ad cutem tondendum*, diuque cotidie ieiunis *perfricandum*... (VI 6, 15A-B)

2) Praesens coniunctiui

Формы *praesens coniunctiui* в независимых предложениях нельзя отнести к наиболее употребительным способам медицинских предписаний в тексте сочинения Цельса. Настоящее время конъюнктива в интересующих нас случаях используется в значении *coniunctiuus imperatiuus* и выражает и дополнительные указания, и предписания обязательного характера: *ubi mane experrectus est, corpus eius leuiter ex oleo... permulceatur*; *tum ambulatione... utatur*; *post ambulationem... perfricetur*... (III 23, 6).

3) Praesens indicatiui

В тех случаях, когда Цельс описывает процесс подготовки медицинских инструментов, порядок проведения хирургической операции или дает рекомендации фармакологического характера о приготовлении лекарственных средств и их приеме, он использует формы *praesens indicatiui*, которые обозначают действия, выполняемые врачом. Как правило, употребляются формы 3 лица страдательного залога. В роли подлежащего в предложении используются имена существительные или местоимения, указывающие на ингре-

диент лекарственного средства, лекарство или медицинский инструмент.

... *manipellus* qui manu conprehendi potest, in uas *demittitur*, et *superinfunditur* aqua, quae id contegat, atque ita *coquitur*. (V 25, 4)

4) *Futurum I*

В качестве способа введения медицинских рекомендаций сравнительно редко используется *futurum I*. При этом Цельс обычно употребляет формы 3 лица, роль подлежащего при глаголе выполняют имена существительные или местоимения, указывающие на пациента, часть тела пациента или пораженную область, лечебное средство или ингредиент лекарства. Лишь в трех случаях глаголы в *futurum I* встречаются в форме первого лица множественного числа. Приведем в качестве примера один такой случай:

Ergo exercitationibus *utemur* et balneo frequentiore, multaque oculorum aqua calida *fouebimus*; cibos autem *sumemus*... (VI 6, 27B)

5) *Perfectum indicatiui*

В сочинении Цельса крайне редко медицинские предписания вводятся с помощью форм *perfectum indicatiui* — можно насчитать лишь 7 таких случаев. В 4 случаях в форме *perfectum indicatiui passivi* употребляется глагол *accommodare* ‘прилагать, употреблять’, когда речь идет о том, при каких недугах может применяться какое-либо лекарственное средство. В остальных случаях перфектные формы используются в качестве сказуемого в сочетании с местоимением *quidam* ‘некоторые’, когда Цельс говорит о том, каким образом некоторые другие врачи лечили различные заболевания: *as pyxinum* quoque eodem *accommodatum est*. (VI 6, 30); *sinus* uero umbilici tum uacus *a quibusdam* duabus regulis *exceptus est* (VII 14, 5).

6) Предлоги *ad* и *aduersus*

Медицинские рекомендации вводятся в текст с помощью предлогов *ad* и *aduersus* в сочетании с аккузативом обычно в тех случаях, когда речь идет об изготовлении лекарственных средств. Имена существительные и местоимения, используемые с этими предлогами, указывают на недуг или на часть тела пациента, которой требуется лечение. Предлог *ad* также употребляется в тексте трактата Цельса с аккузативом герундия и герундивной конструкцией; при этом с помощью герундия и герундивной конструкции выражается эффект, производимый тем или иным лекарственным средством. С точки зрения синтаксиса конструкции с данными предлогами являются именной частью составного именного сказуемого, а в роли подлежащего выступают имена существительные и местоимения,

обозначающие лекарство или ингредиенты для его приготовления. Например: *aduersus urinae difficultatem* piperis longi, castorei... costi unciae singulae... (V 25, 16); *ad lateris dolores finiendos* piperis, aristolochiae... pares portiones (V 25, 7).

7) *Genetiuus characteristicus*

Три раза медицинские предписания выражаются конструкциями с родительным падежом в функции *genetiuus characteristicus*. В такой конструкции роль сказуемого выполняет форма родительного падежа существительного с глаголом *esse* в *praesens indicatiui*, роль подлежащего — инфинитив. В данной функции используются имена существительные, обозначающие врача: 2 раза — *medicus*, 1 раз — *homo*; эти существительные всегда сопровождаются прилагательными: *boni medici est* ostendere... (II 10, 7), *periti medici est*... adprehendere (III 6, 6), *est circumspecti hominis* et nouare... et augere morbum (III 9, 4).

8) *Datiuus finalis*

В тексте сочинения Цельса были обнаружены 4 случая употребления форм дательного падежа в функции *datiuus finalis* в сочетании с глаголом *esse* как способа «внедрения» медицинских предписаний; причем два раза *datiuus finalis* входит в конструкции *datiuus duplex*. В дательном падеже в функции *finalis* используются существительные *remedium* ‘лекарство’, *praesidium* ‘защита; лекарство’, *auxilium* ‘помощь’, и они с синтаксической точки зрения представляют собой именную часть составного именного сказуемого. Подлежащим при этом является имя существительное или местоимение, обозначающие либо лекарство, либо способ лечения какого-либо недуга. Например:

Eadem podagrae praesidio sunt. (V 18, 33)

9) Герундивная конструкция в дательном падеже

Один раз дательный падеж герундивной конструкции используется как самостоятельный способ введения медицинского предписания:

Aliud eodem nomine, quod puri quoque mouendo est: sebi uitulini, Hammoniaci thymiamatis... (V 19, 13)

В данном случае герундивная конструкция *puri mouendo* является именной частью составного именного сказуемого в придаточном предложении определительном, а роль подлежащего выполняет местоимение *quod*, указывающее на пластырь, ингредиенты которого приведены в тексте далее. Эта герундивная конструкция выражает цель применения лекарства, тот лечебный эффект, кото-

рого можно добиться в результате приема описываемого лекарства. Таким образом, герундивная конструкция употреблена в фармакологическом контексте; в других подобных случаях обычно используется предлог *ad* с аккумулятивом.

10) *Infinitivus praesentis*

В сочинении Цельса в одном месте медицинские указания выражаются с помощью форм *infinitivus praesentis*, которые употребляются самостоятельно, а не при модальных глаголах или безличных глаголах и выражениях. Данный случай был отмечен в статье Инноченцо Маццини [Mazzini 1992: 36], однако никаких объяснений этому в данной работе нет.

In grauedine autem primo die *quiescere*, neque esse neque *bibere*, caput *uelare*, fauces lana *circumdare* ... (IV 5, 8–9)

Перейдем теперь к лексическим способам выражения медицинских указаний.

1) *Безличный глагол или выражение*

Медицинские предписания очень часто вводятся в текст с помощью безличных глаголов или выражений в сочетании с инфинитивом глагола или оборотом *accusativus cum infinitivo*. Цельс использует следующие безличные глаголы и выражения: *oportet* ‘нужно, следует’, *conuenit* ‘прилично, следует’, *expedit* ‘полезно’, *licet* ‘можно’, *opus est* ‘нужно, следует’, *necesse est* ‘необходимо’, *satis est* ‘достаточно’, *abunde est* ‘вполне достаточно’. Самыми частотными по употреблению являются конструкции с *oportet*, *opus est* и *satis est*. С помощью глагола *oportet* и безличных выражений *opus est* и *necesse est*, как правило, выражаются предписания обязательного характера, в то время как остальные безличные глаголы и выражения могут использоваться и для дополнительных, и для основных медицинских рекомендаций:

Neque tamen pluribus locis *deligari necesse est*, sed *satis est* infra inguina et super talos, summosque umeros, etiam brachia. (IV 11, 7)

Обычно в подобных конструкциях используются инфинитивы настоящего времени, однако в тексте сочинения Цельса при безличных выражениях *satis est* и *abunde est* мы обнаружили случаи употребления *infinitivus perfecti* [Алексеева 2023: 13–16].

2) *Модальные глаголы*

Модальные глаголы с инфинитивами — это один из основных способов выражения медицинских рекомендаций. В тексте трактата *De medicina* обязательные медицинские предписания вводятся с помощью глагола *debere* ‘быть должным’, а дополнительные ука-

зания по лечению различных недугов выражаются глаголом *posse* ‘мочь’. При этих модальных глаголах употребляется инфинитив настоящего времени активного или пассивного залога.

Два раза глагол *debere* используется в форме первого лица множественного числа: ...*abstinere* a sole, balneo, uino, uenere *debemus*... (IV 5, 3), ...*collyrio uti non debemus*... (V 28, 12L).

3) Глаголы определенных семантических групп

В интересующих нас контекстах в трактате Цельса встречаются глаголы со значениями ‘требовать, нуждаться’ (*desiderare, requirere, egere, exigere, postulare, amare*), ‘уничтожать, устранять’ (*tollere, discutere, suppressere, reprimere*), ‘облегчать, уменьшать’ (*leuare, lenire*), ‘помогать, быть полезным, быть действенным’ (*prodesse, proficere, subuenire, succurrere, iuuare, adiuuare, conferre, ualere*), ‘лечить’ (*sanare, curare, выражение perducere ad sanitatem*). Обычно эти глаголы используются в формах *praesens indicatiui*, однако есть редкие случаи употребления этих глаголов в форме *futurum I*. Приведем несколько примеров употребления глаголов этих семантических групп в сочинении Цельса: ...*uehemens febris ... detractiōnem requirit*... (II 10, 6), *lenticulam tollunt galbanum et nitrum*... (VI 5, 2).

4) Имена прилагательные

В медицинских рекомендациях Цельс нередко использует выражения с именами прилагательными определенных семантических групп. При этом имена прилагательные не только вводят в текст предписания по лечению того или иного недуга, но и характеризуют предлагаемый в тексте метод лечения с точки зрения его эффективности и полезности или его бесполезности и приносимого им вреда. Это прилагательные со значениями ‘безопасный’ (*tutus*), ‘пригодный, подходящий’ (*aptus, idoneus*), ‘удобный, благоприятный’ (*commodus, expeditus*), ‘действенный’ (*efficax*), ‘необходимый’ (*necessarius*), ‘хороший’ (*bonus*), ‘обязательный’ (*perpetuus*), ‘здоровый, действенный’ (*salutaris, saluber, ualens*), ‘полезный’ (*utilis*), ‘терпимый, сносный’ (*tolerabilis*), ‘вредный’ (*alienus, inimicus*), ‘бесполезный, излишний’ (*inutilis, superuacuus*).

В тексте эти прилагательные, как правило, выполняют роль либо определения, либо сказуемого, являясь именной частью составного именного сказуемого, причем в качестве подлежащего при таком сказуемом может быть не только имя существительное, но и инфинитив, и оборот *accusatiuus cum infinitiuo*:

...*sanguinem ex fronte emitti necessarium est*, multaque aqua calida caput atque oculos *fouere; gargarizare ex lenticula*... (VI 6, 26)

Данные имена прилагательные могут употребляться в сравнительной и превосходной степенях сравнения, а прилагательное *bonus* всегда используется в интересующих нас конструкциях только в сравнительной и превосходной степенях.

5) Имена существительные

Медицинские предписания в сочинении Цельса выражаются с помощью конструкций с именами существительными со значениями 'лечение' (*curatio*), 'лекарство, лечебное средство' (*medicamentum*, *praesidium*, *medicina*, *remedium*), 'помощь' (*auxilium*), 'способ, метод' (*ratio*, *modus*, *uia*). Эти существительные в тексте могут использоваться в роли подлежащего или как именная часть составного именного сказуемого, в то время как при таком сказуемом в качестве подлежащего употребляется либо имя существительное или местоимение, либо инфинитив. Например:

Remedium est sanguinem ***mittere*** aut cucurbitulas pluribus locis ***admouere***, non ubique cute incisa... (IV 20, 2)

6) Наречия

Один из основных способов выражения медицинских рекомендаций — употребление при глаголах в личных формах *praesens indicatiui* или *futurum I* наречий со значениями 'правильно, надлежащим образом' (*recte*, *commode*, *aptissime*), 'полезно' (*utiliter*), 'безопасно' (*tuto*), 'плохо, опасно' (*male*, *periculose*), 'достаточно' (*satis*). Наречия *tuto* и *commode* употребляются в сравнительной и превосходной степенях — *tutius* и *commodius*, *commodissime*; кроме того, есть наречия, которые используются только в этих степенях сравнения, позитивная степень для этих наречий не употребительна: это формы *melius* 'лучше' и *optime* 'лучше всего', *magis*, *plus* 'больше' и *maxime* 'больше всего', *potius* 'предпочтительнее', *aptissime* 'самым надлежащим образом'. Как и имена прилагательные, наречия в интересующих нас контекстах характеризуют приводимые Цельсом методы лечения с точки зрения их эффективности. Например: *levis frictio recte adhibetur...* (V 26, 28D), *quod si maior is tumor est, commodius totum exciditur...* (VI 13, 3)

Рассмотрев весь текст трактата Цельса «О медицине» и проанализировав все случаи, когда Цельс предлагает способы лечения и профилактики различных болезней, мы можем заключить следующее. Прежде всего для выражения медицинских предписаний в трактате «О медицине» используются разнообразные грамматические и лексические средства. Самый распространенный способ выражения медицинских указаний — герундив с глаголом *esse*: с помощью второго описательного спряжения Цельс приводит око-

ло 50% рекомендаций. Следующими по частотности являются формы *praesens indicativi* (около 12%), прилагательные определенных семантических групп (около 11%), модальные глаголы *debere* и *posse* (около 10,3%), безличные глаголы и выражения (около 8%), наречия (около 4%). Для выражения обязательных медицинских указаний Цельс чаще всего использует герундив с глаголом *esse*, безличный глагол *oportet*, безличное выражение *opus est*, модальный глагол *debere* и конструкции с прилагательным *necessarius*. Выражения с именами прилагательными и наречиями используются не только для введения медицинских предписаний, но и для их характеристики. Кроме того, стоит обратить внимание на то, что в трактате Цельса в интересующих нас контекстах глаголы обычно употребляются в формах третьего лица, формы первого лица множественного числа встречаются крайне редко; что же касается форм второго лица индикатива и форм императива, то они в тексте не используются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева А.А. Инфинитивы перфекта в медицинских рекомендациях трактата Цельса «О медицине» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. Т. 27. С. 9–19.
2. Brolén C.A. De elocutione A. Cornelii Celsi. Uppsala, 1872.
3. Daremberg C. De medicina libri octo. Lipsiae, 1859.
4. Ernout A., Thomas F. Syntaxe latine. Paris, 1964.
5. Langslow D.R. Medical Latin in the Roman Empire. Oxford, 2000.
6. Langslow D.R. The formation and development of Latin medical vocabulary: A. Cornelius Celsus and Cassius Felix. Oxford, 1991.
7. Marx F. Cornelii Celsi quae supersunt. Leipzig, 1915.
8. Mazzini I. Caratteri della lingua del “De Medicina” di A. Cornelio Celse // Rivista di cultura classica e medioevale. 1992. V. 24. P. 17–46.
9. Spencer W.G. Celsus. De medicina (with an English translation). London, 1935–1938.

REFERENCES

1. Alekseeva A.A. Infinitivy perfekta v meditsinskikh rekomendatsiyakh traktata Tsel'sa «O meditsine» [The perfect infinitive in the medical prescriptions in Celsus' De medicina] // Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. 2023. V. 27. P. 9–19. (In Russ.)
2. Brolén C.A. De elocutione A. Cornelii Celsi. Uppsala, 1872.
3. Daremberg C. De medicina libri octo. Lipsiae, 1859.
4. Ernout A., Thomas F. Syntaxe latine. Paris, 1964.
5. Langslow D.R. Medical Latin in the Roman Empire. Oxford, 2000.
6. Langslow D.R. The formation and development of Latin medical vocabulary: A. Cornelius Celsus and Cassius Felix. Oxford, 1991.
7. Marx F. Cornelii Celsi quae supersunt. Leipzig, 1915.

8. Mazzini I. Caratteri della lingua del “De Medicina” di A. Cornelio Celse // Rivista di cultura classica e medioevale. 1992. V. 24. P. 17–46.
9. Spencer W. G. Celsus. De medicina (with an English translation). London, 1935–1938.

Поступила в редакцию 19.12.2023

Принята к публикации 12.03.2024

Отредактирована 16.04.2024

Received 19.12.2023

Accepted 12.03.2024

Revised 16.04.2024

ОБ АВТОРЕ

Алексеева Алина Алексеевна — аспирантка кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; a.alexiana@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alina Alekseeva — PhD student, Department of Classical Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; a.alexiana@yandex.ru

ВИЗУАЛЬНЫЕ И НОМИНАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПЕРСОНАЖЕЙ МАРИЙСКОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ

Г.Ю. Устьянцев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ustyan-93@mail.ru*

Аннотация: В тексте рассмотрен визуальный образ демонических персонажей современного марийского фольклора. На основе текстов несказочной прозы (быличек, бывальщин) автор исследует проявления инаковости в описаниях «нечистой силы»: ия, керемета, овды, «заложных покойников». В фокусе исследования — модели описания образов марийской нечисти, ее лиминальные проявления и визуальные характеристики в фольклорных нарративах. В качестве характеристик, маркирующих демонических персонажей фольклора как хтонических, автор рассматривает категории цвета, размера и другие признаки. Работа основана на полевых материалах, собранных в местах компактного проживания марийского населения в 2017–2022 гг. (Республика Марий Эл, Кировская область, Республика Башкортостан). Работа выполнена в междисциплинарном ключе, на основе сочетания этнографических и фольклористских подходов. Основным научным направлением, к которому обращается исследователь, является семиотический подход к изучению мифа и фольклора, то есть взгляд на фольклорные тексты и образы как на знаковую систему понятий. Автор совмещает методы полевых исследований, интервьюирования, нарративного анализа, а также типологический метод. В описании «нечистой силы» информантами, по мнению автора, можно выделить несколько моделей репрезентации: антропоморфную, антропоморфную с гиперболизированными чертами, зооморфную, абстрактную. Особое внимание в статье уделено номинативным признакам персонажей в устных текстах. Исследователем отмечена тенденция к нейтрализации указания на категорию фольклорного персонажа информантами.

Ключевые слова: марийская демонология; ия; овда; заложные покойники; марийская несказочная проза

Финансирование: Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия», направление «Модели анализа языков и культур коренных народов России».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-13

Для цитирования: Устьянцев Г.Ю. Визуальные и номинативные признаки персонажей марийской несказочной прозы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 170–181.

VISUAL AND NOMINATIVE SIGNS OF CHARACTERS IN MARI NON-FABULOUS PROSE

Herman Ustiantsev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ustyan-93@mail.ru

Abstract: The text considers the visual appearance of demonic characters in the modern Mari folklore. Based on the texts of non-fabulous prose (*bylichka*, *byvalschi-na*), the author explores the manifestations of otherness in the descriptions of “evil spirits”: *iya*, *keremet*, *ovda*, *targyltysh*, revenants. The research focuses on models of describing the images of the Mari evil spirits, their visual characteristics and liminality in folklore narratives. The author considers the categories of color, size and other attributes as characteristics marking demonic folklore characters as chthonic. The work is based on field materials collected in places of compact residence of the Mari population in 2017–2022 (the Mari El Republic, the Kirov oblast', the Republic of Bashkortostan). The work was carried out in an interdisciplinary manner, based on a combination of ethnographic and folkloristic scientific methods. The main scholarly direction addressed by the researcher is a semiotic approach to the study of myth and folklore, that is, a view of folklore texts and images as a sign system of concepts. The author combines the methods of field research, interviewing, narrative analysis, as well as the typological method. According to the author, in the description of “evil spirits” by informants several models of representation can be distinguished: anthropomorphic, anthropomorphic with hyperbolized features, zoomorphic, abstract. Special attention in the article is paid to the nominative features of characters in oral texts. The researcher noted a tendency of informants to neutralize category of a folklore character.

Keywords: Mari demonology; *iya*; *ovda*; revenant; Mari non-fabulous prose

Funding: The research was carried out within the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of the Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”, the direction “Models of Analysis of Languages and Cultures of the Indigenous Peoples of Russia”.

For citation: Ustiantsev G. (2024) Visual and Nominative Signs of Characters in Mari Non-Fabulous Prose. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 170–181.

Введение

Задача данной статьи — на основе анализа текстов марийского фольклора (быличек, бывальщин, преданий) рассмотреть представления о «нечистой силе» в локальной традиции. Автор исследует

визуальные характеристики демонических персонажей, маркирующие ее «инаковость», а также модели обозначения категорий персонажей в нарративах. Данные по описаниям демонических персонажей марийского фольклора приводятся в работах XIX века И.Н. Смирновым [Смирнов 1889], С.К. Кузнецовым [Кузнецов 1879], Н.И. Золотницким [Золотницкий 1877] и другими. В начале XX века исследования представлений марийцев о «нечистой силе» продолжил языковед М.Г. Васильев [Васильев 1904]. В советской фольклористике сбором и публикацией текстов несказочной прозы и сказок о мифологических персонажах занимались В.А. Акцорин, С.С. Сабитов [Акцорин, Сабитов 1991], К.А. Четкарев [Четкарев 1940]. В 1950-х годах изучением марийских религиозных верований и мифологических образов занимался американский лингвист Т. Шебек [Sebeok 1996]. Весомый вклад в систематизацию представлений о марийских демонических персонажах внесла российско-финский фольклорист Л.С. Тойдыбекова [Тойдыбекова 2007]. Ввиду близости русской и марийской фольклорных традиций (обусловленной их географической близостью, взаимовлиянием) теоретической значимостью для данной статьи обладали работы, посвященные мифологическим представлениям восточнославянских этнических групп: Е.Е. Левкиевской [Левкиевская 2000, 2004], С.М. Толстой [Толстая 2001], С.Ю. Неклюдова [Неклюдов 1998, 2010, 2012] и других. Несмотря на большой объем опубликованных материалов о марийских верованиях и несказочной прозе, данные тексты слабо освещены в рамках семиотического подхода. Работа основана на полевых материалах, собранных мною в экспедициях 2017–2022 гг. в местах компактного расселения луговых и восточных марийцев, преимущественно в сельской местности Республики Марий Эл, Кировской области, Республике Башкортостан (далее — ПМА). Тексты интервью приведены на русском языке.

Категории демонической силы и пространство нечистого

Тексты фольклора несказочной прозы (былички) отражают представления местных жителей об облике нечисти. Одной из самых распространенных и устойчивых категорий демонических персонажей являются души умерших людей (*колишо айдеме-влак*), или, в терминологии Д.К. Зеленина, «заложные покойники». По определению фольклориста, «мертвяки» или «заложные» — «это люди, умершие прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся, часто в молодости, скоропостижною несчастною или насильственною смертью» [Золотницкий 1995: 39]. Также к нечисти можно отнести демонических персонажей: овд, керемета, ия и других. Овда — в марийском фольклоре женское демоническое существо, имеющее

различные ипостаси в легендах и быличках. Под овдами чаще всего подразумевают категорию зловредных демонических персонажей, имеющих множественное воплощение и женскую гендерную представленность в фольклоре всех групп марийского населения. В более узком контексте овды — это легендарный народ, живший на земле марийцев до заселения ее людьми, или же мифические предки марийского населения. В редких единичных нарративах «овды» — это понятие, синонимичное ведьмам, «знающим» [Устьянцев 2020: 285]. Под словом «ия» в марийской мифологии понимают персонажа не-сказочной прозы, близкого по своим функциональным характеристикам к славянскому черту или бесу, злого духа [Тойдыбекова 2007: 91–92]. Согласно поверьям, ия может быть насельником различных природных и домашних локусов. Персонаж керемета обладает вариативными ипостасями в разных локальных традициях. Исследователи выделяют следующие его интерпретации: демонологическую (приравнивание керемета к «нечистой силе»), природную (восприятие керемета как духа природы), культовую (керемет как объект культа) [Ефремова, Устьянцев 2020: 120]. Персонаж *азырен* (*азрени*) чаще упоминается в религиозном фольклоре как ангел смерти, существо, забирающее «на тот свет» души покойников [Устьянцев 2022: 101–105].

В текстах не-сказочной прозы прослеживается тенденция к обозначению иномирности духов и заложных покойников, семиотически подчеркиваются их отличия от категории живых людей. В фольклоре можно выделить несколько моделей репрезентации инаковости нечистой силы. Так, этнолингвист Н.И. Толстой описал следующие способы характеристики нечистой силы: зооморфный, антропоморфный, нулевоморфный, смешанно антропоморфный [Толстой 1995: 264]. Фольклорист С.М. Толстая на примере визуализации покойников в славянском фольклоре описала зооморфный, антропоморфный и невидимый облики нечисти [Толстая 2001: 155].

Визуальные признаки «нечистой». Модели описания

Самым распространенным мотивом низшей мифологии марийцев является антропоморфность ее образов. Согласно этой описательной модели, персонажи «того света» выглядят как люди. Обычно «заложные» покойники являются в том же образе, в котором их видели при жизни. Нечисть может принимать внешний вид реально живущих или живших односельчан, больных, людей, которые скоро умрут. Так, этнограф М.Г. Васильев описывал марийского керемета как «нечисть» в облике человека с большой бородой, управляющего тройкой лошадей и одетого в красное [Васильев 1904: 14]. Примечательно, что цветовая характеристика часто фигурирует

в описании «нечисти»: «девушка, вся в белом», «в белом платье идет» [ПМА]. В марийском фольклоре описания белого цвета как атрибута нечисти известно с XIX века. Так, в статье «Народные верования луговых черемис Казанской губернии» ия описан как очень высокое существо в белых одеждах [В.З. 1877: 245]. Вероятно, что белый цвет в описании демонических существ имеет семиотическую связь с цветом савана, похоронной обрядностью, отображает связь персонажей с загробным миром:

«Говорили, что человек может проходить через дома, через заборы... Не знаю, кто, человек во всем белом, через всю деревню проходит» [ПМА, Р. 3., Большой Сатнур, Малмыжский район, 2017].

Примечательно, что черный цвет также может выступать атрибутом «потусторонности». Часто души умерших описывают как высокие черные фигуры, похожие на тени.

Заложных покойников информанты представляют как людей, ничем не отличающихся от своего облика при жизни. «Одеты» души в тот же костюм, в котором их помнят до смерти, либо в тот, в котором их похоронили. В.А. Черванева выделяет черты живых и мертвецов в образе ходячего покойника. С одной стороны, данный мифологический персонаж сохраняет прижизненное имя (как правило), имеет категории родства и свойства, что делает покойника частью мира живых людей. С другой стороны, в описании «заложного покойника» наблюдаются указание на причину смерти («утопленник», «покойный») и бестелесность («призрак»), таким образом, «ходячий» покойник занимает в системе персонажей двойное положение, находится как бы на границе двух пространств [Черванева 2012: 270–277]. В следующем нарративе «заложные покойники» описаны как реальные люди, сохраняющие прижизненный облик:

«Нет, вот снимаю квартиру, вижу — неупокоенные души, чтобы не пугал моего ребенка... слышу, что он харкает ходит, я вижу старика в клетчатой рубашке с бородой, такой высокий, худощавый... Старик, но он не беспокоил меня, чисто на кухне постоянно был... и чтобы он не беспокоил, я вижу его и обычно пеку блины, поставлю свечку, разговариваешь, чтобы не мешал, да обряд такой, и он исчезает потом опять... Видимо, это неупокоенные души, надо их отпевать...» [Н., ПМА, Малмыжский район, 2017].

В некоторых текстах нечисть принимает облик детей. Подобное перевоплощение можно рассматривать как оборотничество, то есть изменение своего внешнего облика:

«И вот он ехал за дровами, и как на дорогу выходит ребенок, ну лет пять ему, один совсем. Просит подвезти, как он сел, и все, лошадь дальше не едет, как будто чувствует чего-то. Ну он понял, что это черт,

наверное, и ну давай по нему хлыстом, так сразу исчез. Вот такое бывает» [М, ПМА, Медведевский район, 2017].

С.Ю. Неклюдов отмечает, что превращение персонажа из одной ипостаси (гендерной, возрастной и т. д.) в другую символизирует его переход через рубежи между реальным и иномирным пространствами [Неклюдов 1998].

Вторая описательная модель, зафиксированная мною в нарративах, — это представление «нечисти» в антропоморфном виде, но с гиперболизированными частями тела, очень высокого или очень низкого роста, с длинными лохматыми волосами и т. д. Характеристика роста подчеркивает инаковость «нечистой силы», ее отличие от общепринятых норм:

«Я помню, она рассказывала, что видела на пне то ли человечка маленького, то ли что. Потом перестала ходить рано утром. Я еще про Ивана Григорьевича помню. Он служил в мотоциклистских войсках. Лечил нас всех. Говорит, когда был в окопе, вышел майор, очень маленький, приказал “вон из окопа”. В этом же месте снаряд упал сразу. Спас он его. Сам рассказывал и плакал. Что только не рассказывал» [З. Н., ПМА, Шорунжа, Моркинский район, 2017].

С.Ю. Неклюдов в статье «Какого роста демоны» приходит к заключению, что маленький рост мифологического персонажа связан с категорией невидимости: «...уместно предположить, что здесь между обеими упомянутыми стратегиями конструирования мифологического образа существует глубинная связь, обуславливающая семантический параллелизм “маленького” и “невидимого” / “бесплотного”» [Неклюдов 2012: 108–109].

В образе марийской овды традиционно подчеркнуты гипертрофированные феминные признаки: большая грудь, которую она откидывает через плечи, длинные распущенные волосы. Также для визуального облика овды характерна подчеркнутая инаковость: ее колени гнутся в обратную сторону, что позволяет ей передвигаться только спиной вперед. Фольклорист Е.С. Ефимова считает, что растрепанные волосы являются атрибутом беспорядочного «антимира» [Ефимова 1992]. Интересное объяснение растрепанных волос в мифологии дал исследователь А.Е. Махов: взъерошенные волосы «нечисти» могут обозначать мотив испуга, нежелание следовать «человеческим» нормам, дисгармонию и душевный беспорядок [Махов 2014: 114–115].

Третью модель описания внешности загробных персонажей можно охарактеризовать как зооморфную. Демонические сущности также предстают в облике животных или существ со звероподобными чертами. В марийском фольклоре демонические свойства могут быть приписаны собакам, лесным зверям. По материалам

Т. Шебека, марийский водяной демон может принимать облик лошади [Sebeok 1956: 61]. В следующем тексте нечисть, по словам информанта, перевоплотилась в собаку:

«У меня мама с папой учителями были, у них много случаев было. Идет одна учительница, захотела в туалет за стог, сумку оставила, выходит — сумки нет. Думает, что делать, вдруг это нечистая сила. Тут она бегом пустилась домой, в деревню. Зашла не домой, а интернат при школе был... в старшие классы. Спрашивает: что делать? Они говорят, пойдёмте, Тамара Васильевна, посмотрим. Побежали. Вперед бежит их собака, и тут залает. Приходят — на сумке другая собака лежит, стережет. Тут одна девушка: “Смотрите, Тамара Васильевна, вот сумка”, — подошла, взяла сумку. Мама потом жалела ее всю жизнь. Вернулись домой и через некоторое время она умерла... Такая красавица, ни с того ни с сего заболела и умерла. Это, видать, нечистая сила была, нельзя было первой подходить до сумки дотрагиваться. Это нечистая собакой оборотилась» [А.З., ПМА, Шорунжа, Моркинский район, 2017].

Можно предположить, что обличье животного в традиционной культуре подчеркивает нечеловеческое происхождение «нечистой силы», а также, как пишет С.Ю. Неклюдов, «невыделенность» из мира природы [Неклюдов 1998].

Еще одна форма, в которой может предстать нечисть в сказочной прозе, — это абстрактные визуальные объекты: светящиеся шары, молнии [ПМА]. По Т. Шебеку, в марийской традиции светящиеся шары являются визуализацией злого духа — вувера [Sebeok 1956: 58]. В виде таких явлений могут предстать и духи природы, и «заложные» покойники, как, например, в следующем нарративе:

«Видят разных людей. Вот Рита была у нас, в туфлях, весна. Не было резиновой обуви. Пошла в апреле, села у березы и уснула. Приехала в апреле провожать своего брата в армию. Потом пошла пешком десять километров. У нас же раньше дорог не было, вот она села у березы и умерла. Молодая, восемнадцать-девятнадцать лет девушке. И вот в том месте видят, как будто облако переходит дорогу. Это было в семьдесят восьмом году» [А. З., ПМА, Шорунжа, Моркинский район, 2017].

Тенденции к обозначению персонажа в устных текстах

Описание «нечисти» в современной славянской мифологии становится менее детальным, в нем распространяются абстрактные образы, а рассказчик затрудняется дать персонажу конкретное название [Устьянцев 2019: 239–240]. Схожую тенденцию «размывания» современных фольклорных образов отмечали исследователи не-сказочной прозы других народов. Так, Е.Е. Левкиевская подчерки-

вает, что в устной традиции не обозначается категория мифологического персонажа, и это затрудняет описание нечистой силы [Левкиевская 2000: 96–161]. Информанты часто не называют описываемую нечисть каким-либо этнографическим понятием, что может быть связано с табуированием данного дискурса, а также с незнанием мифологической терминологии. В следующем нарративе информантка так и не смогла назвать, что за объект видела ее мать:

«И вот мама рассказывает, она работала полиграфисткой в Оршанке, часов одиннадцать уже или три, как-то на ночь, получалось, смена заканчивалась. Сутки, как они пересменку делали, я не помню. Она под утро, говорит, возвращается, у нас очень нехорошее место есть в... когда из Оршанки выходишь на Оршу, там всегда аварии происходят, всегда несчастья, это сельхотехник... район, микро-район был. МТС там в свое место был. Вот этот овраг огромный, скорее всего — это река какая-то засохшая с чем-то, непонятно с чем. И там тоже овраг идет такой пологий. И там всегда, каждый год, ДТП со смертельным исходом, и не одно. Хотя и знаки поставили уже, и обзор хороший. И у меня мама говорит: “Я ночью иду, дороги, говорит, очень плохие, мы всегда обходили, пять километров шли до Большой Орши, с Оршанки. Я под утро иду и вижу, говорит — что за мной это, два глаза таких зеленых”...» [Н. Ш., ПМА, Малая Каракша, Оршанский район, 2021].

Заключение

В современном марийском фольклоре репрезентированы представления о дихотомии «живое — неживое» или «чистое — нечистое». Данные мифологические категории регулярно воспроизводятся в текстах сказочной прозы (быличках и поверьях). Нечистая сила в представлениях респондентов наделена антропоморфными, зооморфными или абстрактными чертами. Чаще в марийском фольклоре нечистая сила описана метонимически (посредством описания внешности) и метафорически (через указание на социальные характеристики) [Петров 2019: 178]. В настоящее время распространена тенденция к обезличиванию демонических персонажей и отсутствию их четких дефиниций в фольклоре. Информанты указывают на социальные («мужчина», «ребенок») или визуальные (цвет, рост) признаки персонажей. Гипертрофированные и звероподобные черты в визуальных представлениях хтонических существ говорят об их нерасчлененности с дикой природой, связи с потусторонним миром, противостоящим обыденному пространству человеческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акцорин В.А., Сабитов С.С. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / Сост. В. А. Акцорин. Ред. С.С. Сабитов. Йошкар-Ола, 1991.
2. Васильев М.Г. О киреметях у чуваш и черемис. Казань, 1904.
3. В. З. Народные верования луговых черемис Казанской губернии // Известия по Казанской епархии, 1877. № 9. С. 243–251.
4. Ефимова Е.С. Основные мотивы русских быличек (опыт классификации) // Сказка и нескладочная проза. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1992. Режим доступа: <https://ruthenia.ru/folklore/efimova7.htm> (дата обращения: 01.02.2022).
5. Ефремова Д.Ю., Устьянцев Г.Ю. Бог, дух и дьявол. Статус и образ керемета в современном марийском фольклоре // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 1. С. 114–123.
6. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
7. Золотницкий М.И. Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис. Типо-литография Казанского Императорского университета. Казань, 1877.
8. Кузнецов С.К. Четыре дня у черемис во время Сюрэма. СПб., 1879.
9. Левкиевская Е.Е. Мифологические персонажи в славянской традиции. Восточнославянский домовый // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 96–161.
10. Левкиевская Е.Е. Представления о «том свете» у восточных славян // Славянский альманах. М., 2004. С. 342–367.
11. Махов А.Е. Средневековый дьявол postmortem: трансформация визуальных маркеров демонического в «Иконологии» Чезаре Рипы // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Выпуск. 3. М., 2014. С. 114–115.
12. Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе М., 1998. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (дата обращения: 19.12.2022).
13. Неклюдов С.Ю. Какого роста демоны? // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Выпуск. 1. М., 2012. С. 85–122.
14. Петров Н.В. Маленькие демоны: колдуны и их помощники в русских мифологических рассказах // In Umbra. Демонология как семиотическая система. Альманах. Выпуск 8. М., 2019. С. 166–186.
15. Смирнов Н.И. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.
16. Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология: этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007.
17. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
18. Толстая С.М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 151–205.
19. Устьянцев Г.Ю. Встреча с «нечистой»: отражение личных переживаний рассказчика в текстуальных особенностях нарратива (на примере марийской нескладочной прозы) // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 235–242.
20. Устьянцев Г.Ю. Ведьмы, черти и мифическое племя: количественная и гендерная характеристика о́вды в современном марийском фольклоре // In Umbra. Демонология как семиотическая система. Альманах. Выпуск 9. М., 2020. С. 278–286.

21. Устьянцев Г.Ю. Азырен, Киямат, души усопших: персонификация смерти в мари́йской мифологии // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. 5 (3). С. 99–113.
22. Черванева В.А. О некоторых особенностях обозначений мифологического персонажа в быличке // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сборник статей (Афанасьевский сборник. Материалы и исследования). 2012. Вып. XII. С. 270–277.
23. Четкарев К.А. О мари́йских преданиях и легендах // Труды МарНИИ. Вып. II: Вопросы истории, языка, литературы и фольклора мари. Йошкар-Ола, 1940. С. 150–179.
24. Sebeok T.A. and others. Studies in Cheremis: The Supernatural. New York, Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1956.

REFERENCES

1. Akcorin V.A. Sabitov S.S. *Marijskij fol'klor: Mify, legendy, predaniya* [Mari folklor: Myths, legends, tales]. Yoshkar-Ola, Mary Book Publ., 1991. 288 p. (In Russ. and Mar.)
2. Vasil'ev M.G. *O kiremetyahu chuvash i cheremis* [About the Chuvash and Cheremis kiremets]. Kazan', *Typolithography of the Imperial University*, 1904. 50 p. (In Russ.)
3. V. Z. *Narodnye verovaniya lugovyh cheremis Kazanskoj gubernii* [Folk beliefs of meadow cheremis of Kazan province], 1877. № 9, pp. 243–251. (In Russ.)
4. Efimova E.S. Osnovnye motivy russkikh bylichek (opyt klassifikacii) [The main motives of Russian bylichkas (an attempt of classification)]. *Skazka i neskazochnaya proza. Mezhevuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Fairy tale and non-fairy prose. Intercollegiate collection of scientific papers]. Moscow, 1992. Available from: <https://ruthenia.ru/folklore/efimova7.htm> (accessed: 1.02.2022). (In Russ.)
5. Efremova D.Y., Ust'yancev G.Y. Bog, duh i d'yavol. Status i obraz keremeta v sovremennom marijskom fol'klore [God, spirit and devil. The status and image of Keremet in the modern Mari folklore]. *Tradicionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2020, № 1, pp. 114–123. (In Russ.)
6. Zelenin D.K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoj mifologii: Umershie neestestvennoj smert'yu i rusalki* [Selected works. Essays on Russian mythology: Those who died an unnatural death and mermaids]. Moscow, *INDRIK*, 1995. 432 p. (In Russ.)
7. Zolotnickij M.I. *Nevidimyj mir po shamanskim vozzreniyam cheremis* [The invisible world according to the shamanic views of Cheremis]. Kazan', *University Publ.*, 1877. 27 p. (In Russ.)
8. Kuznecov S.K. *Chetyre dnya u cheremis vo vremya Syurema* [Four days at Cheremis during Surem]. Saint Petersburg, *Imperial Russian Geographical Society*, 1879. 53 p. (In Russ.)
9. Levkievskaya E.E. Mifologicheskie personazhi v slavyanskoj tradicii. Vostochno-slavyanskij domovoj [Mythological characters in the Slavic tradition. The East Slavic brownie]. *Slavyanskij i balkanskij fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balkan folklore. Folk demonology]. Moscow, *INDRIK*, 2000, pp. 96–161. (In Russ.)
10. Levkievskaya E.E. Predstavleniya o «tom svete» u vostochnyh slavyan [Ideas about the other world among the Eastern Slavs]. *Slavyanskij al'manah*, 2004, pp. 342–367. (In Russ.)
11. Mahov A.E. Srednevekovyj d'yavol postmortem: transformaciya vizual'nyh markerov demonicheskogo v «Ikologii» Chezare Ripy [The medieval devil postmortem: the transformation of demonic visual markers in the iconography of Cesare Ripa's] // *In*

- Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema* [In Umbra: Demonology as a semiotic system], 2014, № 3, pp. 114–115. (In Russ.)
12. Neklyudov S.Y. Obrazy potustoronnego mira v narodnyh verovaniyah i traditsionnoj slovesnosti [Images of the other world in folk beliefs and traditional literature]. *Vostochnaya demonologiya. Ot narodnyh verovanij k literature* [Eastern demonology. From folk beliefs to literature.] Moscow, *Heritage*, 1998. Available from: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (accessed: 19.12.2022). (In Russ.)
 13. Neklyudov S.Y. Kakogo rosta demony? [How tall are demons?]. In *Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema: Al'manah* [In Umbra. Demonology as a semiotic system: an almanac], 2012, № 1, pp. 85–122. (In Russ.)
 14. Petrov N.V. Malen'kie demony: kolduny i ih pomoshchniki v russkikh mifologicheskikh rasskazakh [Little demons: sorcerers and their assistants in the Russian mythological stories]. In *Umbra. Demonologiya kak semioticheskaya sistema: al'manah* [In Umbra. Demonology as a semiotic system: an almanac], 2019, № 8, pp. 166–186. (In Russ.)
 15. Smirnov I.N. *Cheremisy. Istoriko-etnograficheskij ocherk* [The chtremites. Historical and ethnographic essay]. Kazan', *Typolithography of the Imperial University*, 1889. 265 p. (In Russ.)
 16. Tojdybekova L.S. *Marijskaya mifologiya. Etnograficheskij spravocchnik* [Mari mythology. Ethnographic reference book]. Joshkar-Ola, 2007. 309 p. (In Russ.)
 17. Tolstoj N.I. Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow, *INDRIK*, 1995. 509 p. (In Russ.)
 18. Tolstaya S.M. Polesskie pover'ya o hodyachih pokojnikah [Polessky beliefs about the walking dead] // *Vostochnoslavjanskij etnolingvisticheskij sbornik. Issledovaniya i materialy* [East Slavic ethnographic collection. Research and materials]. Moscow, *INDRIK*, 2001, pp. 151–205. (In Russ.)
 19. Ust'yancev G.Y. Vstrecha s «nechistoj»: otrazhenie lichnyh perezhivaniy rasskazchika v tekstual'nyh osobennostyah narrativu (na primere marijskoj nesказochnoj prozy) [Meeting with the “unclean”: reflection of the narrator's personal experiences in the textual features of the narrative (on the example of Mari non-narrative prose)]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2019, № 3 (47), pp. 235–242. (In Russ.)
 20. Ust'yancev G.Y. Ved'my, cherti i mificheskoe plemya: kolichestvennaya i gendernaya harakteristika óvdy v sovremennom marijskom fol'klóre [Witches, devils and a mythical tribe: quantitative and gender characteristics of sheep in modern Mari folklore]. In *Umbra. Demonologiya kak semioticheskaya sistema: al'manah* [In Umbra. Demonology as a semiotic system: an almanac], 2020, № 9, pp. 278–286. (In Russ.)
 21. Ust'yancev G.Y. Azyren, Kiyamat, dushi usopshih: personifikaciya smerti v marijskoj mifologii [Azyren, Kiyamat, souls of the deceased: personification of death in Mari mythology]. *Fol'klór: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore: structure, typology, semiotics]. 2022, № 5(3), pp. 99–113. (In Russ.)
 22. Chervaneva V.A. O nekotoryh osobennostyah oboznachenij mifologicheskogo personazha v bylichke [On some features of the designations of a mythological character in a bylichka]. *Narodnaya kul'tura segodnya i problemy ee izucheniya. Sbornic. statej (Afanasevskij sbornik. Materialy i issledovaniya)* [Folk culture today and the problems of its study. Collection of articles (Afanasyev collection. Materials and research)]. Voronezh, *Voronezh State University*, 2012, XII, pp. 270–277. (In Russ.)
 23. Chetkarev K.A. O marijskikh predaniyah i legendah [About Mari tales and legends]. *Trudy MarNII. Vyp. II: Voprosy istorii, yazyka, literatury i fol'klora mari* [Works of MarNIA. Issue II: Questions of history, language, literature and folklore of Mari]. Joshkar-Ola, *Mari Research Institute of Language Literature and History*, 1940, pp. 150–179. (In Russ.)

24. Sebeok TA, Ingemann MG. *Studies in Cheremis: The Supernatural*. New York, Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1956. 360 p.

Поступила в редакцию 17.10.2023

Принята к публикации 14.03.2024

Отредактирована 16.04.2024

Received 17.10.2023

Accepted 14.03.2024

Revised 16.04.2024

ОБ АВТОРЕ

Устьянцев Герман Юрьевич — кандидат исторических наук, ассистент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
ustyan-93@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Herman Ustyantsev — PhD, Assistant, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ustyan-93@mail.ru

УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ СТРАХА: ПАРАДОКСЫ ПОЭТИКИ ГОТИЧЕСКОГО ВО ФРАНЦУЗСКИХ «ЧЕРНЫХ РОМАНАХ» 1790-Х ГОДОВ

Н.Т. Пахсарьян

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
ИНИОН РАН, Москва, Россия; npakhsarian@gmail.com*

Аннотация: В процессе становления поэтики «черного романа» во французской литературе рубежа XVIII–XIX вв. наряду с ее барочными и сентименталистскими истоками значительную роль играют как переводы английских готических романов, так и разного рода стилизации под них. Притягательность описания романических «ужасов» определяет растущую популярность их у читателей. Парадоксальным образом оказывается, что пародии на подобные сочинения возникают практически сразу — и в Англии, и во Франции, свидетельствуя скорее о жизнеспособности этого жанра, чем о его упадке. В отличие от английских готических фабул, предполагающих обязательный уход в Средневековье и другие страны, во Франции сюжетом подобных романов может становиться и постреволюционная современность. Одна из первых пародий на «роман ужасов», «Английская ночь» Беллена де ла Либольера представляет собой своеобразное попурри заимствований из различных готических сочинений, чтение которых приносит удовольствие главному герою, разбогатевшему на конфискациях имущества аристократов-эмигрантов буржуа Дабо, и становится средством получения от него согласия на брак его сына Роже с возлюбленной дворянкой Урсолой. Игра воображения, концентрация романических клише, психологизация готических страхов выступает способом соединения смешного и пугающего в поэтике «черного романа».

Ключевые слова: готический роман; пародия; французский «черный роман»; переводы; любовная история; ужасы; договор с дьяволом; розыгрыш

Финансирование: Исследование выполнено за счет Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-01727 «У истоков современного жанра хоррора: тоpos страха в готической литературе Великобритании и Франции». <https://rscf.ru/project/23-28-01727>.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-14

Для цитирования: Пахсарьян Н.Т. Удовольствие от страха: парадоксы поэтики готического во французских «черных романах» 1790-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 182–194.

THE PLEASURE OF FEAR: PARADOXES OF GOTHIC POETICS IN THE FRENCH “BLACK NOVELS” OF THE 1790S

N.T. Pakhsarian

Lomonosov Moscow State University; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; npakhsarian@gmail.com

Abstract: In the process of the formation of the “black novel” poetics in French literature at the turn of the 18th–19th centuries, along with its Baroque and sentimentalist origins, both translations of English Gothic novels and various stylizations for them play a significant role. The appeal of describing novelistic “horrors” determines their growing popularity among readers. Paradoxically, it turns out that parodies of such works arise almost immediately — both in England and in France, testifying more to the viability of this genre than to its decline. Unlike the English Gothic plots, which involve mandatory departure to the Middle Ages and other countries, in France, the plot of such novels can also become post-revolutionary modernity. One of the first parodies of the “horror novel”, *English Night* by Belen de la Liborliere, is a kind of medley of borrowings from various Gothic works, the reading of which brings pleasure to the main character, who became rich on the confiscation of the property of aristocratic emigrants, bourgeois Dabo, and becomes a means of obtaining from him consent to the marriage of his son Roger with his beloved noblewoman Ursula. The play of imagination, the concentration of romantic cliches, the psychologization of Gothic fears becomes a way of combining the ridiculous and the frightening in the poetics of the “black novel”.

Keywords: Gothic novel; parody; French “black novel”; translations; love story; horror; contract with the devil; practical joke

Funding: This research has been carried out at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences and financially supported by Russian Science Foundation (project No 23-28-01727 “At the Origins of Contemporary Horror Genre: Topos of Fear in Gothic Fiction of Great Britain and France:). <https://rscf.ru/project/23-28-01727>

For citation: Pakhsarian N.T. (2024) The Pleasure of Fear: Paradoxes of Gothic Poetics in the French “Black Novels” of the 1790s. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 182–194.

Среди классических жанровых модификаций романа готический, или «роман ужасов», «черный роман», обладает, пожалуй, не меньшей устойчивостью, чем жанр детектива: его новые образцы регулярно появляются и в XXI столетии, пользуясь популярностью у читателей. При этом что во Франции существовало не меньше источников для формирования жанра, чем в Англии, традиционно считающейся родиной готической прозы, на рубеже XVIII–XIX вв. важную роль в становлении этой жанровой модификации играли

переводы с английского или стилизации под них. «Замок Отранто» Уолпола был переведен во Франции уже в 1767 г., хотя его популярность была поначалу не сравнима с популярностью на родине. Большое значение в распространении переводов английских готических романов имели события Французской революции 1789–1799 гг., поскольку, с одной стороны, жестокие и кровавые истории тех лет обратили внимание и авторов, и читателей на ужасы, описанные в литературе, а с другой — многочисленные эмигранты, лишенные имущества и вынужденные бежать в Англию, нашли в публикации таких переводов источник существования [Prunghaud 1994: 12; Moreno Paz 2021: 65]. В результате, по наблюдению одной из литературоведов, «в 1797 г. Анна Радклиф была во Франции популярней Шекспира, Гёте и Шиллера вместе взятых» [do Nascimento Oliveira 1992: 319]. Следует заметить при этом, что если в Англии во время якобинского террора в соседней стране распространение французских текстов было запрещено, то во Францию английские готические истории проникали: так, в том же 1797 г. появилось 12 новых переводов, среди которых было 5 романов Анны Радклиф и «Монах» Льюиса, имевший большой успех. Аббат Морелле писал по этому поводу в своем предисловии к роману «Дети аббатства» (1797) следующее: «Несмотря на войну, которая вот уже четыре года, к великому сожалению двух народов, почти прерывает всякую коммуникацию между нами и самой богатой в литературном отношении страной, большое число английских сочинений в том жанре, который мы и предлагаем здесь читателям, появилось на нашем языке, и без конца переводятся новые» [цит. по: Lâcote 2018: 47].

Как отметили французские ученые, указания (часто ложные) на «перевод с английского» или «подражание английскому» служили своего рода рекламой в пору скрещения «англомании» и «англофобии» французов, политического и военного напряжения на рубеже веков между англичанами и французами [Prunghaud 1997: 86; Lâcote 2018: 8]. И тем не менее М. Леви справедливо полагает, что рассматривать французский «roman noir» в качестве «радклифианского романа» было бы «слишком поспешным выводом» [Lévy 2010: 50]. Тем более, что переводы во Франции стремились соответствовать принципу благопристойности и хорошего вкуса. Естественно поэтому, что «французские переводы английских готических романов не были простой адаптацией или пассивным подражанием, лишенным всякого интереса для критика или историка литературы» [Galli Mastrodonato 1986: 288]. Кроме того, среди ранних «черных романов» были и отечественные образцы — даже если «Влюбленный дьявол» (1772) Ж. Казотта достаточно сильно отличался от модели готического романа в английском стиле, то нельзя не упомянуть,

в частности, что еще в 1789 г. был опубликован роман Дюкре-Дюминия «Алексис, или хижина в лесу», а роман мадам Фелисите де Жанлис «Рыцари Лебеда, или Двор Карла Великого» был издан впервые в Гамбурге в 1795 г. (2-е издание — 1805 г. — в Париже), и оба эти произведения вполне вписываются в готический хронотоп. Определение «готический роман» не имело во Франции такой популярности, как в Англии, где, впрочем, поначалу оно тоже использовалось редко (только в названии пяти произведений с 1777 по 1812 гг.) и не сразу приобрело статус термина, но «romans noirs» или «romans d'horreur» были его полноценными аналогами. Катриона Сет даже полагает, что «“черный роман”, “готический роман” и “роман ужасов” — это три определения для одного корпуса произведений, трудно отделимых друг от друга» [Seth 2010: 11].

Исследователи в первую очередь говорят о «формульности» готического жанра, выделяют характерные для него топосы (Средневековые как наиболее частое время действия, монастыри, старинные замки как место основных событий, подземелья, руины), типичных персонажей (злодеи и жертвы, например невинная девушка и тиран), сверхъестественные элементы (призраки, духи умерших и т. п.). Причем подобная формульность утвердилась очень рано. Не случайно журнал «Северный зритель» уже в мае 1798 г. публиковал шуточный «рецепт» готической истории: «Старый замок, наполовину в руинах; длинный коридор со множеством дверей, часть из них — потайные; три трупа, еще истекающие кровью; три тщательно укрытых скелета; повешенная старуха с несколькими ножевыми ранами в груди; по желанию — воры и бандиты; достаточная доза перешептываний, приглушенных стонов и ужасающих стуков. Все эти ингредиенты, хорошо перемешанные и распределенные, создают великолепное средство для тех, у кого нет страха: принимая их в ванной непосредственно перед сном, они добьются наилучшего эффекта» [цит. по: do Nascimento Oliveira 1992: 319]. Банализация готических мотивов отнюдь не мешала росту популярности «черного жанра», хотя нельзя сказать, что подобные сочинения не вызвали критику. В том же 1798 г. рецензент романа «Роза, или Нищенка», представленного как перевод с английского, писал в «Магазен энциклопедик»: «Вечные романы!... Вот чем ограничивается наша литература, вот к какой продукции оказалась сведена нация, хотя еще 50 лет назад она доминировала в литературной Европе... Мания перевода — доказательство нашей бедности; да если бы еще умели делать иной выбор, а не переводили столь пустые сочинения» [цит. по: Durot-Boucé 2004 (N 6): 200].

Современные исследователи склонны считать прочное соединение смешного и ужасного конститутивным признаком «неистовых»

романов 1820–1830-х годов. Действительно, в этих романах рождался специфический «черный юмор» и «черный смех», который был присущ отнюдь не комическим персонажам — палачам, убийцам, чудовищам, вампирам [Pézard 2013: 145], создавая столкновение охватывающего читателя шока с реакцией дистанцирования от него. «Журналь де Пари» писал в 1832 г.: «От страшного до смешного один шаг» [цит. по: Pézard 2013: 146]. В предисловии к первому изданию романа «Мертвый осел и гильотинированная женщина» (1829) Жюль Жанен иронически отмечал: «Мы уже перебрали все разновидности внешнего облика — людей белых, черных, зобатых, прокаженных, каторжников, палачей, вампиров, и лишь альбиносы и пораженные водобоязнью не используются, насколько мне известно, в полной мере...» [Жанен 1996: 19]. Соответственно пик популярности неистовых романов породил в читателях понимание условности приемов ужасающего: читатель стал видеть не чудовищ и призраков, а литературный прием. Это стало почвой для появления новых пародий на «черные романы».

Однако стоит признать, что на деле пародии стали появляться практически одновременно с «серьезной» литературной готикой. Чрезвычайно важное значение имело создание в этих произведениях определенной атмосферы — пугающей и притягательной одновременно. Парадоксальным образом готические сюжеты вызывали у читателей интерес и приносили удовольствие. И это объясняется не только тем, что романские события большей частью относились к прошлому, описывали экзотические края, другие эпохи и страны, и читатель был как бы защищен от повторений этих событий в его жизни. Во Франции появлялись и сочинения, описывающие современные «ужасы». Так, опубликованный в 1798 г. роман Жак-Антуана де Реверони Сен-Сира «Паулиса, или Новейшая порочность» описывал события Первого раздела Польши 1772 г. (героиня бежит, скрываясь от войск Екатерины II), воспринимаемые как даже более страшные, нежели те, о которых читали в романах. В предисловии сообщалось: «Вы видите, что все, что современные писатели сочинили о призраках, отвратительных чудовищах, воображаемом зле, слабо приближается к зловещей реальности событий, игрушкой которых я стала и которые заставили меня верить в рок» [Réveroni Saint-Cyr 2001: 7–8]. В то же время довольно часто «ужасы и страхи “черных романов” в 1790-е годы не были отражением революционного насилия, скорее, они продолжали предреволюционный дискурс [...] о злоупотреблениях Старого режима» [Galli Mastrodonato 1968: 307]. М. Леви считает, что Французская революция могла повлиять на мрачное воображение создателей режима якобинского террора, но сомневается в прямом влиянии событий революции на «черные

романы», вопреки мнению маркиза де Сада и сюрреалистов [Lévy 2009: 162]. Отдаленное эхо Французской революции специалисты находят и в английском романе — например, в «Монахе» М. Льюиса [Lévy 2009: 170]. По-видимому, прав Антони Глиноэр, считающий, что во Франции готика была порождением не столько Революции, сколько термидорианской реакции [Glinoeer 2009: 43]. Тем более, что рост переводов английских романов ужасов был делом французских эмигрантов, бежавших в Англию и этими переводами зарабатывающих себе на жизнь. Однако это обстоятельство не мешало растущей популярности таких сочинений.

Удовольствие, которое порождало чтение «черных романов», было связано с несколькими причинами, среди которых можно назвать рациональное объяснение таинственных ужасов (что использовала и хрестоматийно известная как автор готических романов Анна Радклиф) и понимание условности происходящего, вызываемой клишированностью и чрезмерной концентрацией страшных событий и персонажей. Привлекательность эмоциональных потрясений была замечена самими авторами «черных романов»: позднее рассматриваемого периода, в 1831 г., Амедей Помье прямо писал в предисловии к своему сборнику «страшных рассказов», характеризуя одну из новелл: «Это одна из тех историй, отменно “черных”, отменно трагических, отменно чудовищных, отменно inferнальных, которые сегодня в моде и которые вызывают у вас чувство ужаса во всей полноте; ее слушали с необычайно жадным вниманием, потому что для человека существует неодолимая привлекательность даже в эмоциях, которые для него болезненны» [цит. по: Pézard 2013: 41]. А Т. Готье признавался в предисловии к своей книге «Младодоранки» (1834): «Я радовался, словно привратница, глотая “Удольфские тайны”, “Пиренейский замок” и прочие романы Анны Радклиф, я наслаждался собственным страхом...» [Готье 2022: 13].

Чувство «упоения» в момент ситуации «бездны мрачной на краю», отраженное в известной трагедии А.С. Пушкина, было знакомо читателям уже самых первых «романов ужасов». В значительной мере это чувство порождалось тем смешением «прекрасного» и «ужасного», которое было замечено еще Дж. Аддисоном в серии эссе «Удовольствия воображения» из журнала «Зритель», а также Э. Бёрком. Английский философ писал: «Когда опасность или боль слишком близки, они не способны вызвать восторг и просто ужасны; но на определенном расстоянии и с некоторым смягчением они могут вызвать и вызывают восторг...» [Бёрк 1979: 155].

Страх, вызываемый «готическими» историями, сочетался с растущим неверием в их реальность («Я не верю в привидения. Но я их боюсь», как говорила еще в XVIII в. мадам дю Деффан [цит. по:

Ferrando 2019]), с ощущением искусственности концентрации всевозможных несчастий. Уже Клара Рив, автор «Старого английского барона» (1777), отмечала, что безудержные преувеличения разных ужасов «разрушают работу воображения и вместо того, чтобы привлечь внимание, вызывают смех» [Reeve 1967: 5]. Закономерно, что одновременно с готическими романами появляются и пародии на них. Тем более, что такие пародии были в том числе способом рефлексии над понятием страха [см. подробнее: Мойсик 2015]. Более того, пародийные элементы порой обнаруживаются и в «серьезной» готике — например, в «Паулиске» Реверони Сен-Сира [Pérez 1997: 319]. Поэтому, по верному замечанию Э. Дюро-Бузе, «пародии на готический роман, безусловно, являются не доказательством упадка готического, но скорее знаком его доброго здоровья» [Durot-Boucé 2004 (N 6): 213].

Первая пародия на «роман ужасов» и во Франции появилась практически одновременно с «серьезными» образцами жанра. Это было сочинение французского аристократа, эмигрировавшего во время якобинского террора в Германию, Луи Франсуа Мари Беллена де Ла Либорльера «Английская ночь. Готический роман» (1799). Произведение обратило на себя внимание и в России, где оно было переведено и издано в 1803–1804 гг. [Дроздов 2021: 54]. Беллен де Ла Либорльер был также автором незадолго до этого опубликованного «канонического» готического романа «Селестина» (1798), который сравнивают с сочинениями А. Радклиф, М. Льюиса и маркиза де Сада, любившего этот роман [см. подробнее: Ruiz 2018]. Полное название романа-пародии дает представление о широком распространении подобных сочинений (это — «приключения, прежде несколько необычайные, но ныне совершенно простые и общие», «роман, каких есть весьма много» [Bellin de la Liborlière 2006: 27], при этом автор пародийно использует излюбленный прием романистов XVIII в., выдававших текст своих сочинений за «найденную рукопись»: история приключений господина Дабо подается как публикация рукописи, переведенной «с арабского на ирокезский, с ирокезского на язык самоедов, с самоедского на лапландский [...], с лапландского на французский» [Ibid.]. В названии зафиксировано осознание важности «ночной темы» для готических историй, так что выражение «английская ночь» уже обещает фабулу, наполненную «страшными приключениями». «Готика в сознании читателей-современников была прочно связана с ночью» [Lévy 2009: 169]. «Английская ночь» включает в себя множество цитат из готических сочинений, причем каждую цитату рассказчик отсылает к первоисточнику, давая примечание в конце страницы. Все, что происходит с героем романа, господином Дабо, в конце концов оказывается

тщательно продуманной постановкой, в которой используются клише готической романистики.

В романе, действие которого разворачивается в послереволюционный период (отец героини, бедной дворянки Урсулы, ставшей невестой сына господина Дабо, был казнен на гильотине; а сам Дабо — буржуа, разбогатевший на конфискациях имущества эмигрантов — причем ему досталось как раз имущество отца Урсулы), пародируются жанровые приемы не только готической романистики XVIII столетия. Впрочем, эта черта — смешение топосов разных жанров — характерна и для готических сочинений. Так, по наблюдению Элизабет Дюро-Бусе, начальная сцена «Монаха» М. Льюиса построена как пролог к галантной повести или любовному роману XVIII столетия [Durot-Bouce 2004 (N 7): 153]. Повествователь «Английской ночи» называет свое сочинение «старомодным романом» [Bellin de La Liborlière 2006: 41]. Однако «старомодная» любовная линия дополняется новой, собственно готической. Главный герой сочинения Беллена де Ла Либорльера страстно увлекается чтением готических романов, привезенных ему его другом: «Возможно ли изобрести приключения более разнообразные, более чудесные, а кроме того, гордо и свободно преодолеть единство действия, которому имели глупость некогда подчиняться, поскольку не знали удовольствия читать одновременно три истории вместо одной...» [Bellin de La Liborlière 2006: 42]. В результате в тексте мотивы «розового любовного романа» постепенно уступают место готической интриге. Причем сюжет разворачивается в постоянном обсуждении литературных достоинств и недостатков романной прозы предшествующей эпохи — например, в беседе с другом Дабо критикует «Клариссу» Ричардсона и подобные ей сочинения («Все говорят как все, влюбленные здесь только для женитьбы, соперники — только для помехи, отцы — чтобы ворчать, прощать и давать приданое, так что мы заранее знаем в похожих деталях то, что должно произойти [...]». Все идет обыкновенно» [Bellin de La Liborlière 2006: 41]), но восхищается Анной Радклиф — «ангелом, божеством» [Ibid., 50] от литературы, как определяет ее любитель готики.

Отец осуждает возлюбленную сына и его желание жениться, поскольку «колесо революции, столь же стремительное, сколь и колесо фортуны, перебросило ее из наивысшего довольства в самую сильную печаль. В этом — одно из сходств со старинными романами, которые так не нравились господину Дабо в истории его сына» [Bellin de La Liborlière 2006: 41]. В отличие от своего сына Роже, который «мало был занят литературой» [Ibid.], этот персонаж рассматривает жизнь как роман, прикладывает к ней те же критерии, что и к реальности. Исследовательница Клер Герарден видит в господи-

не Дабо своего рода Дон Кихота, и сама главная коллизия романа трактуется ею как «эхо» сервантесовского сюжета, «перенесенного в контекст Французской революции: французский буржуа, безумно полюбивший старинные романы, — но не рыцарские, а готические, прибывшие из Англии, — теряет способность отличать правду от выдумки» [Gherardyn 2019: 5]. Одновременно сам Роже и его возлюбленная переживают свою историю в сентименталистском духе: узнав о несогласии отца на брак, «они вместе заплакали: мы плачем с удовольствием, когда нам восемнадцать и есть дорогая рука, способная утереть наши слезы! Они поклялись любить друг друга вечно, мы так нежны, когда несчастны!» [Bellin de la Liborlière 2006: 45]. Автор иронически изображает, таким образом, приятные стороны не только «черных ужасов», но и «чувствительных несчастий».

Запрет отца на любовную связь сына с возлюбленной строится по романическому клише, приспособленным к событиям 1790-х годов. Политический контекст оказывается важен для романа, главный герой которого — буржуа, разбогатевший в период Революции на конфискации имущества дворянских семей, своего рода «убийца Старого режима» [Lévy 2009: 160]. Увезя сына из Парижа в провинцию, чтобы пресечь его любовную связь, господин Дабо скушает, ему претят книжные истории, в которых все обыкновенно и приближено к «вульгарной жизни». Для того чтобы развеять скуку, он получает от своего друга Дюбера литературные новинки — три десятка готических романов, в чтение которых он энергично погружается, поначалу считая их религиозными сочинениями — ведь они носят названия, где есть слова «аббатство», «монах» и т. п. Неожиданно герой обнаруживает преимущество готических текстов перед собственной историей жизни: «Монахи, руины, кинжалы, странники, монастыри, окровавленные одежды пришли развеять мои страхи, поскольку все здесь происходит не так, как обыкновенно» [Bellin de La Liborlière 2006: 45]. При этом любовная линия трогает и интересует Дабо намного меньше, нежели описание романических страхов и тревог. Удовольствие, порождаемое «готическим одеянием» романских приключений, прямо сформулировано в тексте: «Он не переставал говорить о своих любимых сочинениях и двадцать раз на дню высказывал Дюберу желание быть героем одной из тех ужасающих сцен, описание которых он так любил читать» [Bellin de la Liborlière 2006: 57]. Желание героя исполняется, однако появление призрака шевалье де Жермея, дяди Урсулы, в молодости убитого господином Дабо на дуэли, оказывается далеко не так приятно, как он воображал. Дабо испускает «столь пронзительный, столь душераздирающий крик, который никто еще не издавал в подобной ситуации» [Bellin de La Liborlière 2006: 61], падает в об-

морок. Заботами Дюбера и их помощников герой оказывается в иллюзорном мире сна, погружается в видение страшной ночи. Поддавшись разыгранному перед ним спектаклю, Дабо переживает наяву все те страдания, о которых с удовольствием читал в книгах: просыпается в подземной церкви, встречается с неким таинственным монахом, демонстрирующим ему сундуки со скелетами и могилы, из которых выходят призраки, бродит по заброшенному замку, где некогда обитал Жермей, ночует в башне с привидениями, встречает разбойников и т.п. Как отмечает Морис Леви, «никакая другая пародия на готический роман [...] не демонстрирует подобное невероятное скопление характерных деталей» [Lévy 1995: 498]. В конце концов герой, преследуемый чудовищами, грозящими ему убийством, спасается тем, что подписывает договор с мнимым «дьяволом», обязывающим его «никогда в жизни не прикасаться к английскому роману, исключая сочинения Ричардсона, Филдинга, мисс Беннет и других авторов, которые на них похожи» [Bellin de La Liborlière 2006: 190]. Тем самым героя приговаривают к чтению тех произведений, которые он так не любит. Но на самом деле договор оказывается разрешением на брак Роже и Урсулы [Ibid., 206]. Господин Дабо заявляет в конце концов сыну и его возлюбленной: «Вы чувствуете, друзья, что я не могу противиться вашему браку: вы были влюблены в начале этой истории, и, поскольку вас не убили, нужно, чтобы вас поженили» [Ibid., 204]. В самом деле, готические фабулы предполагают в развязке либо кончину героев, либо их женитьбу, указывает Элоди Рипол [Ripol 2022]. Парадоксальным образом и тот, и другой эпилог доставляют читателям удовольствие. Тем более, что в финале авторы розыгрыша признаются господину Дабо в том, что они устроили для него «готическое» представление.

Элизабет Дюро-Бусе еще 20 лет назад задавалась вопросом: «Не является ли готический жанр в конце концов пародией в себе, по своей сути?» [Durot-Boucé 2004: 202]. В любом случае пародии на готические романы позволяют яснее увидеть те черты, которые отделяют эти произведения от «высокой» литературы с трагическими сюжетами, связывая их поэтику с популярной беллетристикой: постоянный набор топосов, соединение серьезности и комизма, временная и/или пространственная дистанция между происходящим в романе и жизнью читателей создают то амбивалентное сочетание страха и удовольствия, которое обеспечивает долгое существование жанра: от «черных романов» до современного «хоррора».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979. 237 с.

2. Готье Т. Предисловие // Младофранки. Новеллы. Сказки. В 2-х кн. М., 2022. Т. 1. С. 9–21.
3. Дроздов Н. «Английская ночь» Беллена де ла Либорльера: к истории псевдо-английской литературы в России // Толкования правды в русской культуре. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XVII*. Сборник статей / Под ред. Г. Обатнина и Т. Хуттунена. 2021. С. 47–60.
4. Мойсик Н.Г. Страх как объект эстетической рефлексии в пародиях на готический роман // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. № 2. С. 17–25.
5. *Bellin de la Liborlière. La Nuit anglaise, Roman gothique* / Préface de Maurice Lévy. Toulouse: Anacharsis éditions, 2006. 206 p.
6. Durot-Boucé E. Parodie, burlesque, pastiche: décadence du genre «gothique» dès la fin du XVIIIe siècle ? // XVII–XVIII. Bulletin de la société d'études anglo-américaines des XVIIIe et XVIIIe siècles. 2004. № 58. P. 199–215.
7. Durot-Boucé E. Le roman gothique et la descente vers l'Irrationnel // Le lierre et la chauve-souris : Réveils gothiques. Emergence du roman noir anglais (1764–1824). Paris, 2004. P. 147–234.
8. Ferrando S. L'énigme de la croyance: l'apport du cas de Madame du Deffand pour comprendre le déni de réalité // Interrogations? [Revue en ligne]. 2019. N 28. URL: <https://www.revue-interrogations.org/L-enigme-de-la-croyance-l-appor>.
9. Galli Mastrodonato P. Romans gothiques anglais et traduction françaises : l'année 1797 et la migration de récits // Néohelicon. 1986. Vol. 13. P. 287–320.
10. Gheerardyn C. Romance? Migrations d'un genre invisibles depuis la France (Angleterre, France, Etats-Unis, XIXe–XXI siècles // SFLGC, Bibliothèque comaraliste. 2019. P. 1–12.
11. Glinoyer A. La littérature frénétique. Paris, 2009. 275 p.
12. Lacôte F. Le marché de la terreur: l'exportation, la traduction et la réception critique du terrifiant en France, 1789–1822. Thèse. Univ. de Lorraine, Univ. of Shvling, 2018. 631 p.
13. Lévy M. Du roman gothique au roman noir: traductions, illustrations, imitations, pastiches et contrefaçons // Imaginaires gothiques: aux sources du roman noir français / Catriona Seth éd. Paris, 2010. 264 p. P. 49–68.
14. Lévy M. Le roman gothique anglais, 1764–1824. Paris, 1995. 774 p.
15. Lévy M. Nuit gothique, Nuit anglaise... // La nuit: Dans l'Angleterre des Lumières. Paris, 2009. P. 153–182.
16. Moreno Paz M. La traduction en français du premier roman gothique anglais : les procédés de traduction utilisés dans le Château d'Otrante d'Horace Walpole // Thélème: Revista computense de estudios franceses. 2021. Vol. 36. № 1. P. 65–79.
17. de Nascimento Oliveira M. Le genre noir en France: une esthétique de l'extravagance et de la hantise // Porto! Revista de Faculdade de Letras. Universidade de Porto: Lingas et Literaturas, 1992. Vol. 9. P. 319–323.
18. Pérez M.C. Réveroni Saint-Cyr et le décor gothique. De la topique spatiale à la fonction symbolique // Cahiers de narratologie. 1997. N 8. P. 311–321.
19. Pézard E. La vogue romantique de l'horreur : roman noir et le genre frénétique // Romantisme. 2013. Vol. 2. N 160. P. 41–51.
20. Prugnaud J. Gothique et décadence : recherche sur la continuité d'un mythe et d'un genre au XIXe siècle, en Angleterre et en France. Paris, 1997. 497 p.
21. Prugnaud J. La traduction du roman gothique anglais en France au tournant du XVIIIe siècle // TTR: traduction, terminologie, rédaction. 1994. Vol. 7. № 1. P. 11–46.
22. Reeve C. The Old English Baron. A Gothic Story. Oxford, 1967. 153 p.
23. Réveroni Saint-Cyr J.-A. de. Pauliska ou la Perversité moderne. Paris, 2001. 254 p.

24. Ripoll E. «Rubans roses» et «idées noires» dans la *Nuit anglaise* de Bellin de La Liborlière // MaLiCe. Magazine des littératures et des cultures à l'ère du numérique. 2022. N 15. URL: cielam.univ-amu.fr/articles/rubans-roses-idees-noires-dans-nuit-anglaise-bellin-liborliere.
25. Ruiz L. Le pathétique dans un roman gothique français. Célestine, ou les Epoux sans l'être de Bellin de la Liborlière // Romanesque. Revue de CERCLL, 2018. № 10. P. 189–203.
26. Seth C. Introduction // Imaginaires gothiques : aux sources du roman noir français / Catriona Seth éd. Paris, 2010. 264 p. P. 11–22.

REFERENCES

1. Byork E. Filosofskoe issledovanie o proiskhozhdenii nashih idej vozvyshennogo i prekrasnogo [A Philosophical Inquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and the Beautiful]. Moscow, Iskustvo, 1979. 237 p.
2. Got'e T. Predislovie [Preface] // Mladofranki. Novelty. Skazki. In 2 vol. Moscow, Lodomir-Nauka, 2022. Vol. 1. P. 9–21.
3. Drozdov N. «Anglijskaya noch'» Bellena de la Liborl'era: k istorii psevdolanglijskoj literatury v Rossii ["English Night" by Bellin de La Liborlière : On the History of Pseudo-English Literature in Russia] // Tolkovaniya pravdy v russkoj kul'ture. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XVII. Sbornik statej / Pod red. G. Obatnina i T. Huttunena. 2021. P. 47–60.
4. Mojsik N.G. Strah kak ob'ekt esteticheskoy refleksii v parodiyah na goticheskij roman [Fear as Object of Aesthetic Reflection in Parodies on Gothic Novel] // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2015. № 2. P. 17–25.
5. Bellin de la Liborlière. *La Nuit anglaise, Roman gothique* / Préface de Maurice Lévy. Toulouse: Anacharsis éditions, 2006. 206 p.
6. Durot-Boucé E. Parodie, burlesque, pastiche: décadence du genre «gothique» dès la fin du XVIIIe siècle ? // XVII–XVIII. Bulletin de la société d'études anglo-américaines des XVIIe et XVIIIe siècles. 2004. № 58. P. 199–215.
7. Durot-Boucé E. Le roman gothique et la descente vers l'Irrationnel // Le lierre et la chauve-souris: Réveils gothiques. Emergence du roman noir anglais (1764–1824). Paris, Presses Sorbonne Nouvelle, 2004. P. 147–234.
8. Ferrando S. L'énigme de la croyance: l'apport du cas de Madame du Deffand pour comprendre le déni de réalité // Interrogations? [Revue en ligne]. 2019. N 28. URL : <https://www.revue-interrogations.org/L-enigme-de-la-croyance-l-apport>.
9. Galli Mastrodonato P. Romans gothiques anglais et traduction françaises: l'année 1797 et la migration de récits // Néohelicon. 1986. Vol. 13. P. 287–320.
10. Gheerardyn C. Romance? Migrations d'un genre invisibles depuis la France (Angleterre, France, Etats-Unis, XIXe –XXI siècles // SFLGC, Bibliothèque comaraliste. 2019. P. 1–12.
11. Glinoe A. La littérature frénétique. Paris, PUF, 2009. 275 p.
12. Lacôte F. Le marché de la terreur : l'exportation, la traduction et la réception critique du terrifiant en France, 1789–1822. Thèse. Univ.de Lorrain, Univ. of Shvling, 2018. 631 p.
13. Lévy M. Du roman gothique au roman noir: traductions, illustrations, imitations, pastiches et contrefaçons // Imaginaires gothiques: aux sources du roman noir français / Catriona Seth éd. Paris, Desjonquères, 2010. 264 p. P. 49–68.
14. Lévy M. Le roman gothique anglais, 1764–1824. Paris, Albin Michel, 1995. 774 p.
15. Lévy M. Nuit gothique, Nuit anglaise... // La nuit: Dans l'Angleterre des Lumières. Paris, Presses Sorbonne Nouvelle, 2009. P. 153–182.

16. Moreno Paz M. La traduction en français du premier roman gothique anglais: les procédés de traduction utilisé dans le Château d'Otrante d'Horace Walpole // *Thémè: Revista computense de estudios franceses*. 2021. Vol. 36. № 1. P. 65–79.
17. de Nascimento Oliveira M. Le genre noir en France: une esthétique de l'extravagance et de la hantise // *Porto! Revista de Faculdade de Letras*. Universidade de Porto: Lingas et Literaturas, 1992. Vol. 9. P. 319–323.
18. Pérez M.C. Révéroni Saint-Cyr et le décor gothique. De la topique spciale à la fonction symbolique // *Cahiers de narratologie*. 1997. N 8. P. 311–321.
19. Pézard E. La vogue romantique de l'horreur: roman noir et le genre frénétique // *Romantisme*. 2013. Vol. 2. N 160. P. 41–51.
20. Prugnaud J. Gothique et décadence: recherche sur la continuité d'un mythe et d'un genre au XIXe siècle, en Angleterre et en France. Paris, Champion, 1997. 497 p.
21. Prungnaud J. La traduction du roman gothique anglais en France au tournant du XVIIIe siècle // *TTR: traduction, terminologie, rédaction*. 1994. Vol. 7. № 1. P. 11–46.
22. Reeve C. *The Old English Baron. A Gothic Story*. Oxford Univ. press, 1967. 153 p.
23. Révéroni Saint-Cyr J.-A. de. *Pauliska ou la Perversité moderne*. Paris, Rivages, 2001. 254 p.
24. Ripoll E. «Rubans roses» et «idées noires» dans la *Nuit anglaise* de Bellin de La Liborlière // *MaLiCe. Magazine des littératures et des cultures à l'ère du numérique*. 2022. N 15. URL: cielam.univ-amu.fr/articles/rubans-roses-idees-noires-dans-nuit-anglaise-bellin-liborliere.
25. Ruiz L. Le pathétique dans un roman gothique français. Célestine, ou les Epoux sans l'être de Bellin de la Liborlière // *Romanesque. Revue de CERCLL*. 2018. № 10. P. 189–203.
26. Seth C. Introduction // *Imaginaires gothiques : aux sources du roman noir français* / Catriona Seth éd. Paris, Desjonquères, 2010. 264 p. P. 11–22.

Поступила в редакцию 17.12.2023

Принята к публикации 14.03.2024

Отредактирована 16.04.2024

Received 17.12.2023

Accepted 14.03.2024

Revised 16.04.2024

ОБ АВТОРЕ

Пахсарьян Наталья Тиграновна — доктор филологических наук, профессор профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН; npakhsarian@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Pakhsarian — Prof. Dr., Department of History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); npakhsarian@gmail.com

ЗНАЛ ЛИ АВТОР «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О ПОХОДЕ 1185 ГОДА? ЧАСТЬ ВТОРАЯ

А.М. Ранчин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; aranchin@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена проблеме текстуальных связей между «Словом о полку Игореве» и повестями о походе князя Игоря 1185 года, входящими в состав летописей Лаврентьевской группы и в Ипатьевскую летопись. Подробно рассматриваются гипотезы и мнения, принадлежащие различным ученым: идея об отсутствии таких связей, предположение о первичности «Слова» по отношению к повести из Ипатьевской летописи, утверждение о вторичности «песни» об Игоре в походе по отношению к обеим повестям. Предметом внимания являются прежде всего концепции и наблюдения П.Е. Ваденюка, И.П. Хрущева, В.Н. Перетца, А.А. Зимина, Б.А. Рыбакова, В.Ю. Франчук, Б.И. Яценко, Л.В. Соколовой, А.Н. Ужанкова. В результате критического разбора имеющихся гипотез и сравнительного анализа «Слова» и двух повестей доказывается, что этот литературный памятник вторичен по отношению к повести, содержащейся в летописях Лаврентьевской группы (видимо, к ее ядру в составе гипотетических переяславской или черниговской летописей), и первичен по отношению к тексту повести из Ипатьевской летописи. Идея о зависимости «Слова о полку Игореве» от повести Лаврентьевской группы оценивается как достаточно убедительная, а соображения в пользу версии о вторичности «Слова» по отношению к повести Ипатьевской летописи признаются противоречащими фактам: характер упоминаний о реке Каяле и о море в обоих текстах свидетельствует, что не летопись была источником «Слова», а, наоборот, «песнь» повлияла на летописную повесть. Полученные выводы подкрепляют раннюю датировку «Слова о полку Игореве» (середина — вторая половина 1180-х годов) и являются косвенными аргументами в пользу подлинности «песни».

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; летописные повести о походе 1185 года; Летописец Переяславля Русского, Черниговский летописец; текстуальные связи; история текста; датировка

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-15

Для цитирования: Ранчин А.М. Знал ли автор «Слова о полку Игореве» летописные повести о походе 1185 года? Часть 2 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 195–208.

DID THE AUTHOR OF *THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN* KNOW THE CHRONICLE NARRATIVES ABOUT THE CAMPAIGN OF 1185?

PART TWO

Andrey Ranchin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aranchin@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the problem of textual connections between *The Tale of Igor's Campaign* and the narratives about the campaign of Prince Igor in 1185, which are part of the chronicles of the Laurentian group and the Ipatiev Chronicle. Hypotheses and opinions belonging to various scholars are examined in detail: the idea of the absence of such connections, the assumption of the primacy of *The Tale* in relation to the narrative from the Ipatiev Chronicle, the statement of the secondary nature of the “song” about Igor's campaign in relation to both narratives. The subject of attention is primarily the overview of concepts by P.E. Vadenyuk, I.P. Khrushchov, V.N. Peretz, A.A. Zimin, B.A. Rybakov, V.Yu. Franchuk, B.I. Yatsenko, L.V. Sokolova, A.N. Uzhankov. As a result of a critical analysis of the existing hypotheses and a comparative analysis of *The Tale* and two narratives, it is proved that this literary monument is secondary in relation to the narrative contained in the chronicles of the Laurentian group (apparently, to its core as part of the hypothetical Pereyaslav or Chernigov chronicles), and is primary in relation to the text of the narrative from the Ipatiev Chronicle. The idea of the dependence of *The Tale of Igor's Campaign* on the narrative of the Laurentian group is assessed as quite convincing, and considerations in favor of the version of the secondary nature of *The Tale* in relation to the narrative of the Ipatiev Chronicle are recognized as contradicting the facts: the nature of the references to the Kayala River and the sea in both texts indicates that the chronicle was not the source of *The Tale*, but, on the contrary, the “song” influenced the chronicle narrative. The findings support the early dating of the *Tale of Igor's Campaign* (mid to second half of the 1180s) and are indirect arguments in favor of the authenticity of the “song”.

Keywords: *The Tale of Igor's Campaign*; chronicle narratives about the campaign of 1185; Chronicle of Pereyaslav the Russian, Chernigov chronicle; textual connections; history of the text; dating

For citation: Ranchin A.M. (2024). Did the Author of *The Tale of Igor's Campaign* Know the Chronicle Narratives about the Campaign of 1185? Part 2. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no 3, pp. 195–208.

Разберем аргументы ученых, по-разному определявших связи между СПИ и двумя летописными повестями. Совпадение композиции событий в трех текстах (поход Игоря — поражение — известие о нем и реакция Святослава Киевского — нападение половцев на Русь — оборона Переяславля и ранение Владимира Глебовича — бегство и возвращение Игоря на родину) еще не свидетельствует о

какой-либо реальной связи между СПИ, ЛП и ИП, так как диктуется установкой на отражение происшествий и действий, реально следовавших друг за другом: иное построение представляется попросту невозможным. Совпадение практически всех фактов, относящихся к 1185 году и упомянутых в СПИ, с известиями либо ИП, либо ЛП, само по себе также не показательно, так как обусловлено реальностью. Сильным доказательством поддельности «песни» об Игоревом походе оно служить не может, тем более что автор СПИ в одном случае сообщает информацию, которой нет в летописных повестях. Он приводит тюркское имя Игорева спасителя и помощника Овлур¹, а не крестильное Лавр, как составитель ИП (в суздальской повести вообще ничего не сказано о помощнике новгород-северского князя).

Совпадение СПИ и ЛП в известиях о жаре и трех днях решающей битвы более показательно, хотя наличие числа три в СПИ может не отражать реальность, а появиться в результате действия символическо-мифологических кодов, в частности инвертированного христологического мотива воскресения на третий день (в «песни» о злосчастном походе на третий день происходит символическое торжество смерти-тьмы над светом). Также в отсчет дней битвы может включаться первое сражение, произошедшее накануне в пятницу². Предположение А.А. Зимина, что автор СПИ назвал Игоревых младших сыновей участниками похода под влиянием известия ЛП о двух безымянных княжичах — детях, присоединившихся к отцу, — безосновательно, поскольку в СПИ среди князей, воевавших вместе с новгород-северским властителем, дважды назван старший Игореви́ч — Владимир (намеком — в диалоге Гзака и Кончака и прямо — в финальном славословии). Олег и Святослав могли быть названы не как участники вторжения в Степь, а просто как младшие дети Игоря, на которых падает бесславие отца³. Но не исключено, что они все же могли участвовать в походе и упомянуты поэтому⁴ либо же что автор подразумевал их тезок — давно умерших Игоревых деда

¹ Собственно, имя Овлур представляет собой, вероятно, «адаптированное христианское имя Лавр, произношение которого по закономерностям фонетики тюркских языков было бы Лавур», претерпевшее затем так же закономерную для тюркских языков адаптацию Авлур → Овлур [Баскаков 1985: 153–154]. Существовало, однако, что автор СПИ едва ли мог вывести эту форму из имени Лавр, фигурирующего в ИП. Ф.Б. Успенский, впрочем, полагает, что спаситель Игоря был крещен князем с именем Лавр как раз потому, что изначально звался Овлур. См. [Успенский 2006].

² Ср. [Гаспаров 1984: 93–95].

³ Точка зрения М.Д. Приселкова; см. [Приселков 1938: 132].

⁴ См. [Слово о полку Игоре 1986: 58; Демкова 1990: 119–121].

и отца⁵. Для того чтобы узнать о совпадении солнечного затмения с днем памяти пророка Иеремии, автору СПИ не надо было обращаться к тексту ЛП: об этом должен был знать любой образованный христианин. (Впрочем, практически все реминисценции из Книги Иеремии в СПИ, обнаруженные А.Н. Ужанковым, весьма сомнительны⁶.)

Бесспорных показательных схождений СПИ и ЛП в лексике, свидетельствующих об их текстуальной связи, почти нет. А.А. Зимин указал на три переклички («черты текстологической близости» [Зимин 2006: 223]) двух памятников на языковом уровне, в плане выражения, признанные им доказательствами зависимости «песни» от суздальской летописной повести. (Примеры взяты им из Радзивилловской, или Кенигсбергской летописи.) Сведем их в таблицу⁷:

Лавр (по тексту Радзивилловской, или Кенигсбергской летописи)	СПИ
Изнемогли до бяху <i>безводьем</i> ... сами во зной и в <i>тузе</i>	Въ поле <i>безводнѣ</i> ... <i>тугоу</i> имъ тули затче
взяша все <i>города по Суле</i>	по Сули грады подѣлиша
ускочи Игорь князь	Игорь князь поскочи

Второй и третий примеры вообще непоказательны. Во втором случае содержится прежде всего совпадение реалий, а уже потом лексем, тем более что и сказуемые, и порядок слов в сравниваемых фрагментах различны. В третьем случае летописец употребляет глагол *ускочи* в прямом значении ‘убежал’, автор же СПИ использует однокоренной глагол *поскочи* в составе метафоры: «Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростію» [Ироическая песнь 1800: 40]. Более интересен первый пример, однако в соответствующих высказываниях совпадает не вся конструкция, а две изолированные лексемы, не являющиеся редкими.

Тем не менее совпадение таких мотивов, как жара, намерение Игоря дойти до Азовского моря, упоминание о половецких действиях против городов на Суле и, возможно, о трех днях битвы, свидетельствует в пользу зависимости либо СПИ от ЛП, либо ЛП от СПИ.

⁵ Демкова допускает и такое толкование, полагая что между выражением «молодая месяца» и именами Олег и Святослав надо ставить точку — эта метафора относится не к названным далее князьям. См. [Демкова 1990: 119–123].

⁶ См. об этом [Ранчин 2022б: 202–204; Соколова 2022: 409–413].

⁷ Ср. [Зимин 2006: 223]. Сохранен курсив и особенности воспроизведения цитат, принадлежащие А.А. Зимину. Переклички с другими местами Кенигсбергской (и, соответственно, Лаврентьевской) летописей, указанные А.А. Зиминим, я не рассматриваю.

Чтобы решить эту задачу, следует определить соотношение СПИ и ИП.

Большинство из текстовых совпадений СПИ и ИП, указанных различными исследователями, тоже не являются показательными. Не имея возможности анализировать все 30 примеров, приведенных В.Ю. Франчук, остановлюсь на двух из тех, которым особое значение придает и она, и Б.А. Рыбаков, и А.Н. Ужанков. Обращение «братие и дружино» есть и в берестяной грамоте № 724, где оно является «реальной формулой обращения древнерусского военачальника к своему отряду» [Зализняк 2004: 353]. Метафора *затворите полю ворота* в СПИ и антонимичная по отношению к ней метафора *отвориши полю ворота* в ИП, весьма вероятно, являются элементами милитарного дискурса, которыми пользовались князья и их окружение и которые, соответственно, воспроизвели и автор СПИ, и летописец.

Однако все же в этих текстах содержатся три примера, действительно свидетельствующие об их связи. Это *жля/желя*, *Каяля* и *море*. Сама по себе лексема *жля/желя* не показательна: вопреки утверждению А.Н. Ужанкова, она встречается не только в СПИ и в ИП, но и в других памятниках древнерусской книжности⁸. Однако в обоих текстах она соседствует с *Каялой*: в СПИ о Каяле говорится и до и после фразы «За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ» [Ироическая песнь 1800: 20], в летописной повести *желя* и *Каяля* находятся в одном предложении «и тако, во днь стго воскр^сния . наведе на на Г^сдъ гнѣвъ свои . в радости мѣсто на ны плачь, и во веселье мѣсто . желя на рѣцѣ Каялы» [Полное собрание русских летописей, 2: 642–643]. В «песни» об Игоре вом походе река Каяля упоминается 6 раз⁹, причем, хотя семантика ее названия, видимо, символическая (река наказания, расплаты, горя), битва, проигранная русичами, привязана именно к ней как к вроде бы реальному гидрониму. В ИП она появляется совершенно неожиданно 1 раз и, несомненно, в чисто символическом значении. (До этого киевская летописная повесть упоминала, причем трижды, о том, что битва произошла на реке с названием Сюрлий.)

Наконец, так же неожиданно и немотивированно упоминание в ИП о том, что часть воинов Игоря «в морѣ истопоша» [Полное собрание русских летописей, 2: 644]. О том, что Игорь дошел до морского побережья, в киевской летописи перед этим не упоминалось. В СПИ же море — предел, которого достиг в своем горестном

⁸ См. [Словарь-справочник, 2: 87–88].

⁹ Впрочем, для одного случая Р.О. Якобсон предложил конъектуру *ковыла* (см., например, [Якобсон 1958: 118]). Но это исправление далеко не бесспорно.

походе Игорь, упоминается оно неоднократно и является символом горя¹⁰. Несомненно, все это свидетельства вторичности ИП по отношению к СПИ. Вопрос о том, принадлежат ли заимствования из песни автору ИП либо же редактору (или одному из редакторов), по-видимому, не имеет однозначного решения, хотя идея о многослойном характере текста, выдвинутая Б.А. Рыбаковым¹¹, с лингвистической точки зрения достаточно обоснованна¹².

Это заключение позволяет определить соотношение СПИ и ЛП. Напомню, что одним из признаков зависимости «песни» от обеих летописных повестей для А.А. Зимина было упоминание в ней городов и по Роси, и по Суле, подвергшихся половецкому нападению: в ЛП, соответственно, говорится только о городах по Суле, а в ИП — по Роси. Допустимо логичное объяснение: создатель «песни» использовал как фактическую основу текст ЛП, взяв оттуда известие о нападении на города по Суле, дополнив его известием о действиях степняков против городов по Роси и создав на основе упоминания о походе к морю сложный, многозначный символ. Текст ЛП он мог знать в редакции Переяславского летописца, если признавать гипотезу о его существовании. Затем уже к тексту СПИ обратился составитель киевской летописной повести, не вполне мотивированно включивший в свой текст упоминания о Каяле¹³ и море, причем гибель воинов Игоря в нем понял как реальную. К слову, такое несколько неудачное включение этих упоминаний в текст ИП — одно из свидетельств против версии об игумене Моисее как авторе обоих произведений.

Контраргумент против этой версии, принадлежащий А.Н. Ужанкову, по существу, один: «песнь» была создана не раньше 1200 г., уже после завершения Киевского выдубицкого свода игумена Моисея, содержащего ИП. Однако его датировка основывается на обнаружении весьма сомнительных отсылок в СПИ к событиям конца 1190-х годов¹⁴ и противоречит как провозглашаемой в финале «песни» здравце-славе Всеволоду Буй Туру, умершему в 1196 году, так и обращению к умершему 1 октября 1187 года Ярославу Осмомыслу Галицкому «постоять за раны Игоревы»: в этом призыве содержится именование «господине» [Ироическая песнь 1800: 30], невозмож-

¹⁰ См. [Лихачев 1986: 278–279].

¹¹ См. [Рыбаков 1969; Рыбаков 1971: 174–194; Рыбаков 1972: 132, 182, 499–512].

¹² См. [Франчук 2006: 82–84]. Ср., однако, мнение историка П.П. Толочко, рассматривающего ИП как изначально единый текст [Толочко 2003: 134–139].

¹³ Мнение ряда лингвистов-тюркологов, что в ИП лексема Каялы является воспроизведением реального половецкого гидронима в несклоняемой форме (см. [Бобров 1995: 34]), в рамках предложенной гипотезы следует признать необоснованным.

¹⁴ См. об этом [Ранчин 2017: 366–368; Ранчин 2022a].

ное в устах старшего князя, в данном случае — Святослава Киевского¹⁵. Таким образом, оно принадлежит непосредственно автору, а значит, вписано в текст до кончины галицкого правителя и СПИ датируется временем до октября 1187 года¹⁶. Впрочем, если признавать многослойную природу текста ИП и считать его ядром повесть из гипотетического Черниговского летописца Игоря Святославича, то заимствования из СПИ могли быть сделаны еще на стадии создания текста повести для включения в Игорев летописец.

ИП объясняет поражение Игоря наказанием за разорение города Глебова и содержит покаянную речь князя. В СПИ этих мотивов нет. Принципиальные различия СПИ и ИП в трактовке похода, которые нельзя объяснить только жанровым несходством летописной повести и СПИ, исключают возможность принадлежности обоих произведений одному лицу.

Остается рассмотреть и оценить идею Л.В. Соколовой, находящей в зачине СПИ отсылку к обеим летописным повестям. Сомнения по поводу вопросно-ответной формы оправданны, а попытка исследовательницы истолковать фрагмент, не прибегая к конъектуре, заслуживала бы поддержки, если бы эта интерпретация была бы достаточно аргументированной, в том числе с точки зрения лингвистической. Между тем ее понимание предполагает, что первая фраза СПИ — это предложение, в котором при инфинитиве глагольного сказуемого *начати* нет прямого дополнения: получается конструкция не *начати что-либо*, а *начати о чем-либо (о плъку Игореве)*. Между тем в древнерусских текстах как будто бы нет примеров такого употребления глагола *начати* в подобных конструкциях¹⁷. (Невозможна такая конструкция и в современном русском языке.) Кроме того, определение *старые (старыми)* должно было бы относиться не к *словесам*, а к *повестям*. В таком случае *старые* (прежние) летописные повести были бы противопоставлены самому СПИ. Понимание Л.В. Соколовой начальных фраз «песни» предполагает именно оппозицию прежних слов нынешним. Однако во второй фразе *былины сего времени*, под которыми, по мнению ученого, автор подразумевает летописные повести или присущий им принцип и стиль отображения событий, противопоставлены «замышлению Бояню». Но если это так, то летописные повести не могут имено-

¹⁵ См. об этом, например [Франчук 1986: 105–106; Ранчин 2019: 228–229].

¹⁶ Намек на возвращение Владимира Игоревича с женой на Русь, состоявшееся, как теперь признано, примерно год спустя, может быть отражением не самого события, а ожидания такого возвращения, представлявшегося очевидным. Ср. точку зрения М.Д. Приселкова и Г.Н. Моисеевой [Приселков 1938: 32; Моисеева 1985].

¹⁷ Ср. [Словарь русского языка 11–17 вв., 10: 310].

ваться *старыми*, то есть прежними¹⁸. Начальные фразы СПИ не содержат указания на знакомство автора с обеими летописными повестями.

Таким образом, наиболее вероятным представляется, что СПИ вторично по отношению к ЛП (точнее, к ее ядру, видимо, заимствованному из Переяславского летописца) и первично по отношению к ИП (или по отношению к одному из ее слоев). Предположение, что составитель или один из составителей ИП был знаком не с самим СПИ, а с неким произведением — его источником (пра-«Словом») допустимо, но не доказуемо. Вероятная первичность «песни» по отношению к ИП может служить доказательством ее подлинности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <Барсов Е.В.> Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси / Исследование Е.В. Барсова. М., 1887–1890. Т. 1–3.
2. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.
3. <Бестужев-Рюмин К.Н.> О составе русских летописей до конца XIV века. 1. Повесть временных лет. 2. Летописи южно-русские / Исследование К. Бестужева-Рюмина. СПб., 1868. VI+158+378 с. (Летопись занятий Археографической комиссии за 1865–1866 гг. Вып. 4).
4. Бобров А.Г. Каяла (Каялы) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 31–36.
5. Ваденюк П.Е. Где нужно искать ту реку, на берегах которой 5 мая 1185 года был разбит Игорь Святославич Новгородсеверский и которая названа Каялой? // Труды Третьего археологического съезда. Бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878. Т. 2. С. 51–58.
6. Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. (Wiener Slawistischer Almanach. Sb. 12).
7. Демкова Н.С. Из комментариев к тексту «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома). Л., 1990. Т. 43. С. 114–123.
8. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
9. Зимин А.А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 43–64.
10. Зимин А.А. «Слово о полку Игореве». СПб., 2006.

¹⁸ «Словарь русского языка XI–XVII вв.» к определению *старый* — «Такой, какой был прежде, предшествующий ком-л. и чему-л., имеющему теперь; прежний» приводит примеры-иллюстрации из Новгородской Первой летописи под 1209 годом (Всеволод «новгородцовъ пусти с Коломна к Новугороду, одаривъши бещисла, и вда им волю всю и уставы старых князей») и из Судебника Ивана III 1497 года («А холопа полонит рать татарскаа, а выбежит ис полону, и онъ слободен, а старому государю не холопъ»). См. [Словарь русского языка XI–XVII вв., 28: 20]. Оба они, естественно, содержат оппозицию «прежний — нынешний»; *старый* оказывается замещен нынешним.

11. Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.
12. Лихачев Д.С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. ст. и исследований / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 37–38.
13. Лихачев Д.С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // Слово о полку Игореве — памятник XII века / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1962. С. 5–78.
14. Лихачев Д.С. «Текстологический треугольник»: «Слово о полку Игореве», рассказ Ипатьевской летописи о походе князя Игоря в 1185 г. и «Задонщина» (К текстологическим замечаниям проф. Дж. Феннелла) // Он же. Слово о полку Игореве и культура его времени. Л., 1978. С. 296–309.
15. Лихачев Д.С. Летописный свод Игоря Святославича и «Слово о полку Игореве» // Он же. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 145–175.
16. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» как художественное целое // Альманах библиофила. М.: Книга, 1986. Вып. 21. С. 269–292.
17. Моисеева Г.Н. О времени создания «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1986. № 4. С. 15–20.
18. Полное собрание русских летописей. СПб.; Л., 1908–2018-. Т. 1–46.
19. Приселков М.Д. «Слово о полку Игореве» как исторический источник // Историк-марксист. 1938. Кн. 6 (70). С. 112–133.
20. Ранчин А.М. О новой книге А.Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 358–376.
21. Ранчин А.М. Путеводитель по «Слову о полку Игореве». СПб., 2019.
22. Ранчин А.М. Еще раз о датировке «Слова о полку Игореве» и об авторской позиции в памятнике // Литературоведческий журнал. 2022. № 4 (58). С. 65–80.
23. Ранчин А.М. Крайности, которые сходятся [рец. на книги: Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М., 2022; Уткин А.А. Магия и религия в «Слове о полку Игореве». СПб., 2022] // Новый мир. 2022. № 10. С. 202–207.
24. Рыбаков Б.А. Киевская летопись о походе Игоря в 1185 г. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Л., 1969. Т. 24. С. 58–63.
25. Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
26. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
27. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.; СПб., 1975–2015-. Вып. 1–30– (издание продолжается).
28. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 выпусках / Сост. В.Л. Виноградова. М.; Л., 1965—1984.
29. «Слово о полку Игореве»: 800 лет / Гл. ред. И.И. Шкляревский; Сост. Л.И. Сазонова. М., 1986.
30. Соколова Л.В. Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1986. С. 65–74.
31. Соколова Л.В. Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 210–215.
32. Соколова Л.В. Новая книга — старые идеи (Рец. на кн.: Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: Согласие, 2020) // Текст и традиция: Альманах. СПб., 2022. Т. 10. С. 407–430.

33. Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.
34. Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. 2-е изд. М., 2022.
35. Успенский Ф.Б. Овлур (Влур) — Лавр (Лавор). Еще раз о древнерусской двуименности и о человеке, спасшем князя Игоря из половецкого плена // Собрание сочинений. К шестидесятилетию Льва Иосифовича Соболева. М., 2006. С. 577–591.
36. Франчук В.Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.
37. Франчук В.Ю. Формирование текста летописного рассказа Ипатьевской летописи о походе князя Игоря на половцев 1185 г. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. СПб., 2006. Т. 57. С. 79–90.
38. <Хрущов И.П.> О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие / [сочинение] И.П. Хрущова, магистра русской словесности. Киев, 1878.
39. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
40. Шевырев С. Полное Собрание Русских Летописей. Том второй. Ипатьевская летопись // Москвитянин. 1843. Ч. VI. № 12. Отд. Критика. Книги исторические и статистические. С. 425–453.
41. Якобсон Р.О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. М.; Л., 1958: Т. 14. С. 102–121.
42. Яценко Б.И. Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году // Русская литература. 1985. № 3. С. 31–42.
43. Грушевський М. Історія української літератури: В 6 т. В 9 кн. Київ, 1993.
44. Літописні оповіді про похід князя Ігоря / Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади В.Ю. Франчук. Київ, 1988.
45. Перетц В. Слово о полку Ігоревім — пам'ятка феодальної України — Руси XII віку: Вступ. текст. Коментар. Київ, 1926. (Українська академія наук. Збірник історично-філологічного відділу. № 33).

REFERENCES

1. Barsov E.V. *Slovo o polku Igoreve kak khudozhestvennyi pamyatnik Kievskoi družiny Rusi* [The Tale of Igor's Campaign as an Artistic Monument of the Kievan Druzhina Rus]. Moscow, *Universitetskaya tipografiya*, 1887–1890, vols 1–3. (In Russ.)
2. Baskakov N.A. Tyurkskaya leksika v "Slove o polku Igoreve" [Turkic vocabulary in "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1985. 155 p. (In Russ.)
3. Bestuzhev-Ryumin K.N. *O sostave russkikh letopisei do kontsa XIV veka. 1. Povest' vremennykh let. 2. Letopisi yuzhno-russkie* [On the Composition of Russian Chronicles until the End of the 14th Century]. The Tale of Bygone Years. 2. Southern Russian Chronicles]. St. Petersburg, *Tipografiya Transhelya*, 1868. VI+158+378 p. (In Russ.)
4. Bobrov A.G. *Kayala (Kayaly)*, in: *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia of "The Tale of Igor's Campaign"], in 5 vols. St. Petersburg, *Dmitrii Bulanin Publ.*, 1995. Vol. 3. P. 31–36. (In Russ.)
5. Vadenyuk P.E. *Gde nuzhno iskat' tu reku, na beregakh kotoroi 5 maya 1185 goda byl razbit Igor' Svyatoslavich Novgorodseverskii i kotoraya nazvana Kayaloi?* [Where to Look for the River on Whose Banks May 5, 1185 Igor Svyatoslavich Novgorod-

- Seversky Lost the Battle, the River Called Kayala?]. *Trudy Tret'ego arkhеologicheskogo s"ezda. Byvshego v Kieve v avguste 1874 g.* [Proceedings of the Third Archaeological Congress in Kyiv in August 1874. Kyiv]. Kiev, *Tipografiya Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira*, 1878. Vol. 2, pp. 51–58. (In Russ.)
6. Gasparov B.M. *Poetika "Slova o polku Igoreve"* [Poetics of "Tales of Igor's Campaign"]. Wien, Verlag Otto Sagner Publ., 1984. 405 p. (Wiener Slawistischer Almanach. 12). (In Russ.)
 7. Demkova N.S. Iz kommentariiev k tekstu "Slova o polku Igoreve" [From Comments to the Text "The Tale of Igor's Campaign"], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma)*. [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)] Leningrad, *Nauka Publ.*, 1990. T. 43, pp. 114–123. (In Russ.)
 8. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialect* [Ancient Novgorodian Dialect]. 2nd ed., revised taking into account the material of finds from 1995–2003. Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.*, 2004. 872 p. (In Russ.)
 9. Zimin A.A. Ipat'evskaya letopis' i "Slovo o polku Igoreve" [The Ipatiev Chronicle and "The Tale of Igor's Campaign"]. *Istoriya SSSR*. 1968. № 6, pp. 43–64. (In Russ.)
 10. Zimin A.A. "Slovo o polku Igoreve" ["The Tale of Igor's Campaign"]. St. Petersburg, *Dmitrii Bulanin*, 2006. 516 p. (In Russ.)
 11. *Iroicheskaya pesn' o pokhode na polovtsov udel'nogo knyazya Novagoroda-Severskogo Igorya Svyatoslavicha, pisannaya starinnyim russkim yazykom v iskhode XII stoletiya s perelozheniem na upotrebyaemoe nyne narechie* [A Heroic Song about the Campaign against the Polovtsians of the Appanage Prince of Novagorod-Seversky Igor Svyatoslavich, Written in Old Russian at the End of the 12th Century with Translation into the Currently Used Dialect]. Moscow, *Senatskaya tipografiya*, 1800. VIII+46 p. (In Russ.)
 12. Likhachev D.S. *Istoricheskii i politicheskii krugozor avtora "Slova o polku Igoreve"* [Historical and Political Outlook of the Author of "The Tale of Igor's Campaign"], in: *Slovo o polku Igoreve. Sbornik statei i issledovaniy* [The Tale of Igor's Campaign: Collection of Articles and Studies], ed. by V.P. Adrianova-Peretts. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo AN SSSR*, 1950, pp. 37–38. (In Russ.)
 13. Likhachev D.S. *Izuchenie "Slova o polku Igoreve" i vopros o ego podlinnosti* [Study of "The Tale of Igor's Campaign" and the question of its authenticity], in: *Slovo o polku Igoreve — pamyatnik XII veka* [The Tale of Igor's Campaign — a Monument of the 12th Century], ed. by D.S. Likhachev. Moscow, Leningrad, *Izdatel'vo AN SSSR*, 1962, pp. 5–78. (In Russ.)
 14. Likhachev D.S. "Tekstologicheskii treugol'nik": "Slovo o polku Igoreve", *rasskaz Ipat'evskoi letopisi o pokhode knyazya Igorya v 1 185 g. i "Zadonshchina"* (*K tekstologicheskim zamechaniyam prof. Dzh. Fennella*) ["Textological triangle": "The Tale of Igor's Campaign", the narrative of the Ipatiev Chronicle about the Campaign of Prince Igor in 1 185 and "Zadonshchina" (On the Textual Comments of Prof. J. Fennell)], in: Likhachev D.S. "Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni ["The Tale of Igor's Campaign" and the Culture of His Time]. Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1978, pp. 296–309. (In Russ.)
 15. Likhachev D.S. *Letopisnyi svod Igorya Svyatoslavicha i "Slovo o polku Igoreve"* [, in: Likhachev D.S. "Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni ["The Tale of Igor's Campaign" and the Culture of His Time]. 2nd ed., suppl. Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1985, pp. 145–175. (In Russ.)

16. Likhachev D.S. "Slovo o polku Igoreve" kak khudozhestvennoe tseloe ["The Tale of Igor's Campaign" as an Artistic Whole], in: Al'manakh bibliofila [Bibliophile's Almanac]. Moscow, *Kniga Publ.*, 1986, issue 21, pp. 269–292. (In Russ.)
17. Moiseeva G.N. O vremeni sozdaniya "Slova o polku Igoreve" [About the Time of Creation of "The Tale of Igor's Campaign"]. *Russkaya literatura*. 1986. № 4, pp. 15–20. (In Russ.)
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. 2nd ed. St. Petersburg, *Tipografiya M.A. Aleksandrova*, Leningrad, *Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR*, St. Petersburg, *Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Moscow, *Nauka Publ.*, Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.*, 1908–2018–. T. 1–46. (In Russ.)
19. Priselkov M.D. «Slovo o polku Igoreve» kak istoricheskii istochnik ["The Tale of Igor's Campaign" as a Historical Source]. *Istoriik-marksist*. 1938. Book. 6 (70), pp. 112–133. (In Russ.)
20. Ranchin A.M. O novoi knige A.N. Uzhankova i o problemakh izucheniya "Slova o polku Igoreve" [About the New Book by A.N. Uzhankov and about the Problems of Studying "The Tale of Igor's Campaign"]. *Literaturnyi fakt*. 2017. № 4, pp. 358–376. (In Russ.)
21. Ranchin A.M. *Putevoditel' po "Slovu o polku Igoreve"* [Guide to "The Tale of Igor's Campaign"]. St. Petersburg, *Nestor-Istoriya Publ.*, 2019. 272 p. (In Russ.)
22. Ranchin A.M. Eshche raz o datirovke "Slova o polku Igoreve" i ob avtorskoi pozitsii v pamyatnike [Once again about the dating of "The Tale of Igor's Campaign" and about the author's position in the monument]. *Literaturovedcheskii zhurnal*. 2022. № 4 (58), pp. 65–80. (In Russ.)
23. Ranchin A.M. Krainosti, kotorye skhodyatsya [Extremes that Converge]. *Novyi mir*. 2022. № 10, pp. 202–207. (In Russ.)
24. Rybakov B.A. Kievskaya letopis' o pokhode Igorya v 1185 g. [Kiev Chronicle about Igor's Campaign in 1185], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1969, vol. 24, pp. 58–63. (In Russ.)
25. Rybakov B.A. "Slovo o polku Igoreve" i ego sovremenniki ["The Tale of Igor's Campaign" and Its Contemporaries]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1971. 296 p. (In Russ.)
26. Rybakov B.A. Russkie letopistysy i avtor "Slova o polku Igoreve" [Russian Chroniclers and Author of "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1972. 521 p. (In Russ.)
27. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Moscow, *Nauka Publ.*, St. Petersburg, *Nestor-Istoriya Publ.*, 1975–2015–. Vyp. 1–30– (to be continued). (In Russ.)
28. *Slovar'-spravochnik "Slova o polku Igoreve"* [Dictionary-reference Book "Tales of Igor's Campaign"], in 6 issues, ed. by V.L. Vinogradova. Moscow, Leningrad, *Nauka Publ.*, 1965–1984. (In Russ.)
29. "Slovo o polku Igoreve": 800 let ["The Tale of Igor's Campaign": 800 years], ed. by I.I. Shklyarevskii, L.I. Sazonova. Moscow, *Sovetskii pisatel' Publ.*, 1986. 575 p. (In Russ.)
30. Sokolova L.V. *Zachin v "Slove o polku Igoreve"* [Beginning in "The Tale of Igor's Campaign"], in: *Issledovaniya "Slova o polku Igoreve"* [Researches on "The Tale of Igor's Campaign"], ed. by D.S. Likhachev. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1986, pp. 65–74. (In Russ.)

31. Sokolova L.V. *Dve pervye frazy "Slova o polku Igoreve"* [The First Two Phrases of "The Tale of Igor's Campaign"], in: *Issledovaniya po drevnei i novoi literature* [Studies in Old and Modern Literature]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1987, pp. 210–215. (In Russ.)
32. Sokolova L.V. *Novaya kniga — starye idei* (Retsenziya na knigu: Uzhankov A.N. "Slovo o polku Igoreve" i ego avtor. M.: Soglasie, 2020) [New book — old ideas (Book review: Uzhankov A.N. "The Tale of Igor's Campaign" and Its Author. Moscow, Soglasie Publ., 2020)], in: *Tekst i traditsiya. Al'manakh* [Text and Tradition. Almanac]. St. Petersburg, *Rostok Publ.*, 2022, vol. 10, pp. 407–430. (In Russ.)
33. Tolochko P.P. *Russkie letopisi i letopistsy X–XIII vv.* [Russian Chronicles and Chroniclers of the X–XIII centuries]. St. Petersburg, *Aleteiya Publ.*, 2003. 296 p. (In Russ.)
34. Uzhankov A.N. "Slovo o polku Igoreve": *Istoriko-filologicheskoe issledovanie* ["The Tale of Igor's Campaign". Historical and philological research]. 2nd ed. Moscow, *Izdatel'skii dom YaSK*, 2022. 744 p. (In Russ.)
35. Uspenskii F.B. Ovlur (Vlur) — Lavr (Lavor). *Eshche raz o drevnerusskoi dviuimennosti i o cheloveke, spasshem knyazya Igorya iz polovetskogo plena* [Ovlur (Vlur) — Laurel (Lavor). Once Again about the Old Russian Duality of names and about the Man Who Saved Prince Igor from Polovtsian Captivity], in: *Sobranie sochinenii. K sheshtidesyatiletiyu L'va Iosifovicha Soboleva* [Collected Works. On the Occasion of the Sixtieth Birthday of Lev Iosifovich Sobolev]. Moscow, *Vremya Publ.*, 2006, pp. 577–591. (In Russ.)
36. Franchuk V.Yu. *Kievskaya letopis': Sostav i istochniki v lingvisticheskom osveshchenii* [Kievan Chronicle. Composition and Sources in Linguistic Coverage]. Kiev, *Naukova dumka Publ.*, 1986. 184 p. (In Russ.)
37. Franchuk V.Yu. *Formirovanie teksta letopisnogo rasskaza Ipat'evskoi letopisi o pokhode knyazya Igorya na polovtsev 1185 g.* [Formation of the Text of the Chronicle Narrative of the Ipatiev Chronicle about Prince Igor's Campaign against the Polovtsians in 1185], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS]. St. Petersburg, *Dmitrii Bulanin Publ.*, 2006, vol. 57, pp. 79–90. (In Russ.)
38. Khrushchov I.P. *O drevnerusskikh istoricheskikh povestiyakh i skazaniyakh. XI–XII stoletie* [About Old Russian Historical Narratives and Legends. XI–XII Century]. Kiev, *Universitetskaya tipografiya Publ.*, 1878. X+212 p. (In Russ.)
39. Shakhmatov A.A. *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv.* [Review of Russian Chronicles of the XIV–XVI Centuries]. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR*, 1938. 372 p. (In Russ.)
40. Shevyrev S. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei. Tom vtoroi. Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Volume Two. Ipatiev Chronicle]. *Moskvityanin*. 1843. № 12, pp. 425–453. (In Russ.)
41. Yakobson R.O. *Izuchenie "Slova o polku Igoreve" v Soedinennykh Shtatakh Ameriki* [Study of "The Tale of Igor's Campaign" in the United States of America], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo AN SSSR*, 1958, vol. 14, pp. 102–121.
42. Yatsenko B.I. *Lavrent'evskaya povest' o pokhode Igorya Svyatoslavicha v 1185 godu* [Laurentian Narrative about the Campaign of Igor Svyatoslavich in 1185]. *Russkaya literatura*. 1985. № 3, pp. 31–42. (In Russ.)
43. Grushevs'kii M. *Istoriya ukrains'koi literatury* [History of Ukrainian Literature], in 6 vols. Kiïv, *Naukova dumka Publ.*, 1993. (In Ukrainian)

44. *Litopisni opovidi pro pokhid knyazya Igorya* [Chronicle Narratives about Prince Igor's Campaign], ed. by V.Yu. Franchuk. Kiïv, *Naukova dumka Publ.*, 1988. 191 p. (In Ukrainian)
45. Peretts V. *Slovo o polku Igorevim — pam'yatka feodal'noi Ukraïni — Rusi XII viku: Vstup. Tekst. Komentar* [The Tale about Igor's Campaign — a Monument of Feudal Ukraine — Russia of the 12th Century. Introduction. Text. Comment]. Kiïv, *Drukarnia Ukraïnskoï akademii nauk Publ.*, 1926. IX+354 p. (In Ukrainian)

Поступила в редакцію 16.10.2023

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 16.10.2023

Accepted 13.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Ранчин Андрей Михайлович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; aranchin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey Ranchin — Prof. Dr. in Philology, Professor, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; aranchin@mail.ru

ТРАВМА «ВЫЧЕРКНУТЫХ» И ЕЕ ЭМПАТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ СЛОВЕНСКОМ РОМАНЕ

Н.Н. Старикова

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; nstarikova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается рефлексия словенских прозаиков, связанная с актуальной проблемой современного словенского общества, — коллективной травмой «вычеркнутых», лиц с югославскими паспортами, во время провозглашения суверенитета живших и работавших в Словении и по политическим и бюрократическим причинам исключенных из реестра ее постоянных жителей. В 1992 г. недавно провозглашенное демократическое государство Республика Словения лишило статуса граждан свыше 25 тысяч таких людей. Правда об этом «неудобном» эпизоде властями и средствами массовой информации годами замалчивалась или фальсифицировалась. Прозаики Полона Главан и Дино Баук в своих дебютных романах «Не важно как» (2014) и «Конец. Опять» (2015), посвященных последствиям распада СФРЮ и кардинальным политическим и социокультурным изменениям на постъюгославском пространстве, используют этический потенциал художественного слова для передачи опыта эмпатического переживания. Оба произведения объединяет не только предмет изображения — судьбы «вычеркнутых» и отношение к ним коренных словенцев, — но и сама сочувственная модальность повествования, миметический способ совладания с коллективной травмой с помощью художественного высказывания. Через художественную вербализацию сопереживания авторы стремятся транслировать последствия травматического опыта, пережитого обеими сторонами конфликта, и разрушить существующие в общественном сознании стереотипы его восприятия. Привлекая внимание читателей к актуальному этическому дискурсу, они строят свои трактовки образов «вычеркнутого/ой» на искреннем вживании в травму изгоев, прибегают к использованию хронотопа мультикультурного пространства, обуславливающего взгляды и поступки персонажей.

Ключевые слова: современный словенский роман; проблема «вычеркнутых»; эмпатическое переживание; нарративизация травмы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-16

Для цитирования: Старикова Н.Н. Травма «вычеркнутых» и ее эмпатическая репрезентация в современном словенском романе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 209–219.

THE TRAUMA OF THE “ERASED” AND ITS EMPATHIC REPRESENTATION IN THE CONTEMPORARY SLOVENIAN NOVEL

Nadezhda N. Starikova

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
nstarikova@mail.ru*

Abstract: The article examines the reflection of Slovenian prose writers on the pressing problem of modern Slovenian society — the collective trauma associated with the fate of the “erased”, people with Yugoslav passports, who at the time of the declaration of sovereignty lived and worked in Slovenia and, due to political and bureaucratic reasons, were excluded from the register of its permanent residents. In 1992 the newly declared democratic state of the Republic of Slovenia deprived over 25,000 of these people of their citizenship status. The truth about this “inconvenient” episode was suppressed or falsified by the authorities and the media for years. Prose writers Polona Glavan and Dino Bauk in their debut novels *Kakorkoli* (*No Matter How*, 2014) and *Konec. Znova* (*The End. Again*, 2015), dedicated to the consequences of the collapse of the SFRY and fundamental political and sociocultural changes in the post-Yugoslav space, use the ethical potential of the literary word to convey the empathic experience. Both works are united not only by the subject — the fate of the “erased” and the attitude of indigenous Slovenians towards them — but also by the very sympathetic modality of the narrative, a mimetic way of coping with collective trauma through artistic expression. Through the artistic verbalization of empathy, the authors strive to convey the consequences of the traumatic experience both sides of the conflict went through and to destroy the stereotypes of its perception existing in the public consciousness. Drawing the attention of the readers to the current ethical discourse, they base their interpretations of the images of the “erased” on a sincere understanding of the trauma of outcasts, and resort to the chronotope of a multicultural space, which determines the views and actions of the characters.

Keywords: contemporary Slovenian novel; the problem of the “erased”; empathic experience; narrativization of trauma

For citation: Starikova N.N. (2024) The Trauma of the “Erased” and Its Empathic Representation in the Contemporary Slovenian Novel. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 209–219.

Внимание писателей к патологиям и аномалиям современного общества — одна из складывающихся тенденций современной словенской литературы, свидетельствующая о постепенном возвращении в нее социально-критического дискурса. Так, в последнее десятилетие в поле зрения авторов попадает одно из следствий распада СФРЮ — проблема «вычеркнутых»¹, на протяжении многих лет

¹ Поскольку словенское «izbrisani» — «стертые» — в русском языке омонимично, автор в своих работах использует выражение «вычеркнутые».

в Словении замалчивавшаяся. Ее истоки относятся к социалистической эпохе: еще в 1970-е гг. в Словению, самую экономически благополучную и развитую из республик СФРЮ, на ударные стройки социализма командировались выходцы с юга, главным образом из Боснии и Македонии. Многие из них, недостаточно образованные, не привыкшие к городской жизни, плохо говорившие по-словенски, вызывали раздражение у коренного населения. После распада социалистической Югославии процессы миграции резко интенсифицировались: жители беднейших республик и краев бывшей титовской империи перед лицом нищеты искали прибежища на более процветающих территориях. В первые годы независимости (в 1991 г. Словения вышла из состава СФРЮ и стала суверенным государством) число легальных и нелегальных иммигрантов резко увеличилось. Нелегальность пребывания в стране связывала переселенцев с криминальными структурами, лишала возможности найти законное занятие. В результате многие оказались вне принимающего общества, которое, в свою очередь, не было к «гостям» достаточно доброжелательно. Согласно соцопросам начала 1990-х гг., более половины респондентов-словенцев (57,5%) видели в южанах-мигрантах угрозу для себя. В свою очередь, для большинства переселенцев из других республик выход Словении из состава Югославии обернулся утратой «большой родины», до этого отдельные случаи бытового этнонационализма компенсировались тем, что они ощущали себя югославами — гражданами мощного многонационального государства. Не удивительно, что большинство из этих людей провозглашения словенского суверенитета не поддержало.

В независимой Словении статус гражданина СФРЮ перестал быть легитимным, а паспорт СФРЮ действующим. Решить вопрос можно было, подав заявление на получение словенского гражданства в течение полугода со дня провозглашения независимости. Большинство переселенцев так и поступили, однако были и те, кто по разным причинам не успел этого сделать, поэтому 26 февраля 1992 г. их личные данные были удалены из реестра постоянного населения. Таких «вычеркнутых» оказалось чуть больше 25 тысяч, все они были этническими представителями других югославянских народов или родились в смешанных браках со словенцами. В один момент все эти люди оказались не только вне гражданско-правового поля, но и вне системы социального обеспечения — здравоохранения, страхования, пенсий, потеряли право на постоянное проживание и работу, фактически став апатридами. Более десяти лет тема «вычеркнутых» оставалась на периферии общественного внимания, вне поля зрения официальных властей и СМИ, а сами «вычеркнутые» оказались в выбравшей демократический путь Ре-

спублике Словении людьми второго сорта. Только в 2012 г. Европейский суд по правам человека в Страсбурге наконец признал акт удаления физических лиц из реестра постоянного населения нарушением Европейской конвенции по правам человека и обязал Республику Словению исправить его последствия. Однако в словенском обществе до сих пор сильно негативное восприятие «вычеркнутых» и пережитой ими травмы, а также отрицание вины граждан Словении по отношению к ним.

По сравнению с другим травматическим опытом, приобретенным экс-гражданами СФРЮ в связи с политическими, экономическими и социокультурными изменениями на постъюгославском пространстве (вооруженные конфликты 1991–2001 гг. на Балканах, феномен «титостальгии», «чефурский» дискурс довольно быстро стали объектами писательского внимания; см.: [Старикова 2018: 188–221]), к травме «вычеркнутых» авторы обращаться не спешили. М. Юван связывает эту ситуацию с «амбивалентным положением словенского писателя, который исторически являлся носителем национальной идеи <...> и в то же время традиционно дистанцировался от любой господствующей идеологии» [Juvan 2016: 27]. Выступая с критикой демократической власти, всячески скрывающей, что она встала на путь национализма, писатель рисковал выйти за рамки привычной национально-охранительной миссии и быть не понятым читателем, которого проблемы «вычеркнутых», в отличие от войны на Балканах, превращали из стороннего наблюдателя в соучастника. Важен здесь и фактор временной дистанции, которая необходима, чтобы «обрести способность различать прошлое, настоящее и будущее <...> и принять на себя ответственность» [Липовецкий 2013].

Одним из первых в пользу признания прав тех, применительно к кому репрессивное отношение на государственном уровне считалось вполне допустимым, выступил поэт Борис А. Новак (сонет «Вычеркнутые», 2004), положения лиц без гражданства касались в своих романах Г. Войнович («Чефуры, вон!», 2008; «Инжир», 2016) и М. Маццини («Вычеркнутая», 2014). Важными вехами репрезентации проблематики «вычеркнутых» являются также автобиографический роман боснийского автора М. Алича «Никто» (2013), в центре которого судьба лишённого гражданства переселенца, и спектакль О. Фрлича «25 671» (2013, цифра, соответствующая точному числу «вычеркнутых»), открывающий изнанку бытовой этнонетерпимости современного словенского общества. Следующим шагом становится попытка литераторов через нарративную стратегию, основанную на эмпатии — художественную вербализацию сопереживания, — разрушить существующие в общественном сознании стереотипы восприятия конфликта. Об этом свидетельству-

ют романы П. Главан (род. 1974) «Не важно как» (2014) и Д. Баука (род. 1972) «Конец. Опять» (2015). Оба произведения объединяет не только предмет изображения — судьбы «вычеркнутых» и отношение к ним коренных словенцев, — но и предлагаемый авторами миметический способ преодоления коллективной травмы и коллективной вины с помощью «эмпатического понимания» [Роджерс 1994: 22]. Потому что сама «возможность читать или писать о травме приоткрывает для литературы специфический тип опыта, который становится доступен не только терапевту» [Айерман 2013: 122]. Привлекая внимание читателей к актуальному социальному и этическому конфликту и связанному с ним травматическому опыту, Главан и Баук строят авторские трактовки образов «вычеркнутого/ой» на эмпатии, на «искреннем вживании в травму изгоев» [Virk 2021: 159]. Также для обоих прозаиков характерно использование хронотопа югославского мультикультурного пространства, который во многом обуславливает взгляды и поступки «вычеркнутых».

В романе «Не важно как» акцент сделан на проблеме соучастия и совины простых граждан Словении в травме «вычеркнутых». Действие развивается в Любляне в середине 2000-х гг., когда стихийные протесты переселенцев трансформируются в организованное движение, к которому присоединяются неправительственные организации и словенские гражданские активисты. Повествование построено на двух параллельно развивающихся сюжетных линиях, героини которых, старшеклассница Лили и студентка Аля, при трагических обстоятельствах встречаются в финале. Девушки близки по возрасту, но принадлежат к разным социальным группам, их жизненные установки и системы ценностей диаметрально противоположны. Аля (в чем-то alter ego самой Главан) учится в Люблянском университете и поглощена общением по Skype с Дэвидом, в которого влюбилась, путешествуя на каникулах по Ирландии. У несовершеннолетней Лили другие, совсем недетские проблемы: есть взрослый парень, Марс, от которого она беременеет, так что встает вопрос об аборте. Марсу удается убедить подружку сохранить ребенка. Решающим аргументом становится популистский лозунг националистов «Словения — для словенцев»: каждый «чистокровный» новорожденный младенец, уверен будущий молодой отец, способствует сохранению «чистоты» словенской нации. Действие романа длится около девяти месяцев — срок вынашивания плода — и заканчивается рождением девочки. Сюжетная линия Лили и Марса резко меняет траекторию, когда последний теряет работу: его увольняют за оскорбительное высказывание в адрес иммигранта. После этого героя окончательно захлестывают ксенофобские настроения, и он

присоединяется к откровенно фашиствующим молодежным группировкам. Лили полностью на его стороне.

Различие героинь Главан передает через тип социолекта («Для меня речь — главное средство психологической характеристики персонажа, наиболее точно показывающее живого конкретного человека» [Ogrizek 2014], — подчеркнула писательница в одном из интервью): в лексике и манере говорить семнадцатилетней Лили соединяются подростковый сленг и словесные обороты жителей пригорода, отмеченные маркерами ксенофобской нетерпимости, двадцатилетняя Аля выражается культурно, без жаргонизмов, подчеркнуто соблюдая толерантность. Зависимость от виртуальных отношений с Дэвидом постепенно начинает тяготить героиню, и тут случайное знакомство с тринадцатилетним боснийским мальчиком-иммигрантом Сенадом, семья которого живет в крайне стесненных условиях, кардинально меняет ее жизнь. Помогая ребенку с учебой, студентка постепенно проникается к нему человеческой симпатией и уважением, сдержанное участие с ее стороны трансформируется во включенность и искреннюю заботу:

«“Чем бы ты хотел заняться, Сенад? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально нейтрально. — Вообще в жизни?”

Сенад, как я и предполагала, ответил не сразу. Поерзал, придвинулся ближе, я почувствовала, как он волнуется.

“Я бы хотел стать физиотерапевтом”, — он произнес это еле слышно, но очень решительно.

Физиотерапевтом! Я чуть не повторила за ним как замороженная слово “физиотерапевт”, но горло почему-то перехватило. В отличие от других тринадцатилетних пацанов, мечтавших о карьере певцов, актеров, космонавтов, на худой конец детективов, но не имевших ни малейшего представления об этих профессиях, желание Сенада было абсолютно обдуманым. Я вспомнила себя в его возрасте: каких-то семь лет назад передо мной тоже лежал весь необъятный мир, суливший море увлекательных приключений. По сравнению с моим, мир Сенада был четкой и прямой дистанцией, непонятно только, спринтерской или стайерской. Скрывая замешательство, я растянула губы в улыбке и произнесла: “Это хорошая профессия. Будешь людям помогать. Благородное дело»” [Glavan 2014: 350]².

Сравнивая себя с маленьким собеседником, героиня через интроспекцию (перенесение собственных чувств и склонностей на объект общения) меняет первоначальное представление о его личности. Далее включается механизм идентификации: переживание тождественности своего «я» с «я» Сенада «способствует установле-

² Здесь и далее перевод цитат из романов сделан автором статьи.

нию эмоционально-чувственного отношения между воспринимаемым объектом и субъектом» [Гаврилова 1975: 151]. Помощь подростку постепенно перерастает в социальное кураторство, в итоге героиня присоединяется к левым активистам люблянского сквота Рог, выступающим за права национальных меньшинств и «вычеркнутых». На одной из акций на их мирное шествие нападают радикально настроенные правые националисты, Марс и Лили в их рядах. Так не знакомые друг с другом девушки оказываются лицом к лицу по разные стороны баррикад. Во время потасовки Марс смертельно ранит отца Алиного подопечного, тоже находившегося среди демонстрантов. Для обеих героинь трагическая гибель иммигранта становится потрясением: Лили порывает с Марсом, после родов не хочет видеть свою новорожденную дочку, потому что ее отец — убийца, Аля испытывает чувство вины за то, что позвала немолодого, хронически больного Нихада принять участие в акции протеста и тем самым невольно подтолкнула его к смерти. Главан напрямую связывает самосознание и тип поведения своих героев и героинь с их социальным происхождением, подчеркивая, что ксенофобским настроениям больше подвержены социально уязвимые слои словенского общества, которые, в свою очередь, тоже являются «жертвами популистских решений, пропагандируемых фашизмом, приспособившимся к неолиберальной эпохе» [Juvan 2016: 35].

В романе «Конец. Опять» показаны фатальные для жизни многих тысяч людей последствия государственных политических и бюрократических решений, а отдельно взятая трагическая судьба встроена в историю выживания поколения 1990-х. Главные герои романа — четверо подростков, которых на излете социалистической эпохи связала дружба и рок-музыка, а потом развели время и обстоятельства. Первый — Денис, поэт и книголюб, в 1992 г. оказывается лицом без гражданства, причиной становится несловенское происхождение его отца, офицера Югославской народной армии: вид на жительство парня, родившегося и выросшего в Любляне, аннулируют, его высылают в Хорватию, там мобилизуют и командируют в зону боевых действий в Боснии, где он и погибает. Второй, Горан, становится беспринципным и жадным бизнесменом (о протестах рабочих на его предприятии телевизионщики снимают репортажи), третий, Петер, когда-то перспективный студент-гуманитарий, превращается в равнодушного чиновника, бюрократа от культуры. Четвертой в этой компании оказывается американка Мэри, девушка Дениса, в свое время командированная в Европу в составе мормонской миссии. Повествование строится на реминисценциях: Петер, Горан и Мэри, которым уже за сорок, «перемещаясь по мин-

ному полю памяти» [Slapšak 2015: 171], вспоминают времена, когда им было по шестнадцать, из оживающих в их памяти картин юности складывается пазл короткой жизни Дениса. Все трое подсознательно испытывают чувство вины и стыда перед ним: Горан и Петер потому, что оба были стопроцентными словенцами и маховик националистических репрессий их не коснулся, Мэри потому, что расставание с возлюбленным произошло так внезапно, что они даже не простились. Чувства героев выливаются в письма, которые они, уже взрослыми, пишут своему сгинувшему другу:

«Дорогой мой Денис! Не знаю, где ты и есть ли ты вообще на этом свете, но чувствую острую необходимость тебе написать. С тех пор, как появилась клавиатура, я разучился писать рукой. И пяти предложений разборчиво не напишу, сплошные каракули. А помнишь, как я переписывал целые тетради аккордов и слов песен без единой помарки? Недавно нашел одну такую — почерк разборчивый, вроде и не мой. <...> Завтра спущусь в подвал. Там твоя и моя бас-гитары. Сдую с них пыль, заменю струны, настрою. Может, сыграю что-нибудь. Может, даже Горану позвоню, сходим выпить. Потом съездим к твоей бабушке в деревню, спросим про тебя. Хотя знаю, там мы тебя не найдем. Наверное, уже нигде не найдем <...>. Но если ты все же жив, не поминай лихом, старик. Твой Петер» [Bauk 2015: 150–151].

В воспоминания и рефлексии друзей вплетается рассказ и письма самого Дениса о его пребывании в Боснии, отдельные эпизоды этой исповеди носят сюрреалистический характер. Так, герой набредает на разрушенное авиаударом здание библиотеки, по которому бродят призраки библиотекарей (очевидная отсылка к городу Сараево, где руины разбомбленной Национальной и университетской библиотеки Боснии и Герцеговины в глазах всего мира стали символом военной трагедии). Один из них подводит молодого человека к полкам с книгами, написанными хорватскими, сербскими, боснийскими (сараевскими) авторами Александром Хемоном, Давидом Албахари, Игорем Штиksom, Борисом Дежуловичем, Миленко Ерговичем уже после окончательного распада Югославии, т. е. после смерти героя. В целом для тональности романа характерна нота ностальгии, тоска по «исчезнувшей цивилизации — югославской Атлантиде» [Debeljak 2010: 25] с ее «балканскостью», широтой души, гостеприимством, по навсегда утраченному югославскому мультикультурному пространству, причем Баук делает акцент на музыкальной культуре СФРЮ, включает в текст слова песен популярных югославских рок- и панк-групп, на которых выросли его герои. В кульминационной сцене в воображении Мэри все четверо персонажей снова собираются вместе: трое сорокалетних и навсегда оставшийся молодым Денис в военной форме. Камертоном этого

нарратива памяти становится мелодия, которую рок-группа исполняла на последней репетиции: возникший в сознании героини мотив погружает ее в эмоции прошлого — в ощущение необыкновенного человеческого и творческого единения и восторга — и одновременно обостряет чувство безвозвратной утраты: «Парни стояли на сцене тесным треугольником: Денис в военной форме, Горан и Петер, и смотрели на нее. И она сделала шаг навстречу тому, чего так и не произошло. Навстречу развязке, которой не было» [Glavan 2014: 128].

Сюрреалистические зоны произведения — литературный троп, способ вхождения во внутренний мир персонажей, разблокирования и верификации их травматического опыта, попытка реконструкции «нарративной идентичности» [Рикёр 2008: 197]. Оживающие в сознании героев картины прошлого и образы, замещающие им реальность, можно интерпретировать как защитную реакцию памяти на травмирующие воспоминания, на чувство вины, тревоги и беспомощности перед непоправимостью и абсурдом того, что с ними случилось. Да, они заложники эпохи, обстоятельств, собственного малодушия. Но читатель, особенно прошедший через катаклизмы 1990-х, возможно, не останется равнодушным к судьбе героя Баука: собственный опыт подтолкнет его к сочувствию и сопереживанию, потому что «лично пережитое обостряет остроту восприятия чужой боли, становится импульсом к эмпатическому взаимодействию» [Vrščaj 2015].

Лишение гражданства тысяч ни в чем не повинных людей, по сути, этническая чистка с применением административного ресурса — безусловно, один из самых болезненных и резонансных эпизодов в недавнем прошлом демократической Словении. Авторы рассмотренных романов реализуют социально-критический дискурс и этический потенциал литературы для привлечения внимания читательской аудитории к одной из социальных аномалий, правда о которой годами замалчивалась. Эмпатическая нарративизация травмы «в процессе художественного повествования способствует переработке травматического опыта, преодолению ужаса <...> травмирующего прошлого» [Адельгейм 2018: 573]. Привлекая внимание читателей к злободневному социальному конфликту, Главан и Баук, каждый по-своему, стремятся «применить на практике позитивный этический потенциал литературы, ее способность (и мотивацию) к эмпатическому воздействию» [Virk 2021: 15]. Первый шаг к осмыслению травматического опыта, связанного с драмой «вычеркнутых», словенскими авторами сделан, но до окончательного преодоления этой травмы еще далеко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адельгейм И.Е. Психология поэтики: Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М., 2018.
2. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121–138.
3. Гаврилова Т.П. Понятие эмпатия в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 147–158.
4. Липовецкий М.Н. Пейзаж перед // Знамя. 2013. № 3. С. 174–189.
5. Рикёр П. Я-сам как другой. М., 2008.
6. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
7. Старикова Н.Н. Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М., 2018.
8. Bauk D. Konec. Znova. Ljubljana, 2015.
9. Debeljak A. Balkanska brv. Eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide. Ljubljana, 2010.
10. Glavan P. Kakorkoli. Ljubljana, 2014.
11. Juvan M. Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana // Primerjalna književnost. 2016. Let. 39. Št. 3.S. 23–42.
12. Ogrizek M. «Izhajala sem iz sveta, ki mi je blizu in ga najbolje poznam» // Bukla. 2014. Št. 105–106. URL: <https://www.bukla.si/revija-bukla/izhajala-sem-iz-sveta-ki-mi-je-blizu-in-ga-najbolje-poznam.html> (дата обращения: 28.01.2024).
13. Slapšak S. Dropbox spomina // Bauk D. Konec. Znova. Ljubljana, 2015. S. 170–173.
14. Virk T. Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana, 2021.
15. Vrščaj T. Tujec na Balkanu // Pogledi. 2015. Let. 6. Št. 20. URL: <https://pogledi.delo.si/knjiga/tujec-na-balkanu> (дата обращения: 28.01.2024).

REFERENCES

1. Adelgeim I.E. Psikhologiya poetiki: Autopsikhoterapevticheskie funktsii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoi prozy 1990–2010-kh gg.) [Psychology of poet-ics: Autopsychotherapeutic functions of a literary text (based on the material of Polish prose of the 1990–2010s)]. Moscow, *Indrik Publ.*, 2018. 648 p. (In Russ.)
2. Eyerman R. Sotsial'naya teoriya i travma [Social theory and trauma]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2013, vol. 12, no 1, pp. 121–138. (In Russ.)
3. Gavrilova T.P. Poniatie èmpatii v zarubezhnoi psikhologii [The concept of empathy in foreign psychology]. *Voprosy psikhologii*, 1975, no 2, pp. 147–158. (In Russ.)
4. Lipovetskiy M. N. Peizazh pered [Landscape in front]. *Znamia*, 2013, no 3. (In Russ.)
5. Ricoeur P. Ia-sam kak drugoi [I as the other]. Moscow, *Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury*, 2008. 416 p. (In Russ.)
6. Rogers C.R. Vzgliad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka [A view of psychotherapy. The Becoming of Man]. Moscow, *Progress Publ.*, 1994. 480 p. (In Russ.)
7. Starikova N.N. Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve nezavisimoi Slovenii [Literature in the sociocultural space of independent Slovenia]. Moscow, *Indrik Publ.*, 2018. 368 p. (In Russ.)
8. Bauk D. Konec. Znova. Ljubljana, *Beletrina*, 2015, 184 p.
9. Debeljak A. Balkanska brv. Eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide. Ljubljana, *Beletrina*, 2010. 271 p.
10. Glavan P. Kakorkoli. Ljubljana, *Beletrina*, 2014, 471.

11. Juvan M. Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana. *Primerjalna književnost*, 2016, vol. 39, št. 3, pp. 23–42.
12. Ogrizek M. »Izhajala sem iz sveta, ki mi je blizu in ga najbolj poznam«. *Bukla*, 2014, št. 105–106. URL: <https://www.bukla.si/revija-bukla/izhajala-sem-iz-sveta-ki-mi-je-blizu-in-ga-najbolje-poznam.html> (accessed: 28.01.2024).
13. Slapšak S. Dropbox spomina. Bauk D. *Konec. Znova*. Ljubljana, 2015, pp. 170–173.
14. Virk T. Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana, *Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani*, 2021, 222 p.
15. Vrščaj T. Tujec na Balkanu. *Pogledi*, 2015, let. 6, št. 20. URL: <https://pogledi.delo.si/knjiga/tujec-na-balkanu> (accessed: 28.01.2024).

Поступила в редакцию 01.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 01.02.2024

Accepted 25.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Старикова Надежда Николаевна — доктор филологических наук, зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН; nstarikova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N.Starikova — Prof. Dr., Head of the Department for Contemporary Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; nstarikova@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ТОПОС ГОРОДА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРАДИГМА ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Коллективная монография / Отв. ред. Н.Н. Старикова, под общ. ред. И.Е. Адельгейм, А.В. Усачевой, Е.В. Шатько. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. 550 с. (серия «Литература XX века»)

В.В. Сорокина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; vvsoroko@gmail.com

Аннотация: В рецензии рассматривается коллективная монография, изданная Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, посвященная особенностям создания образа города в славянских литературах. Главным достоинством книги является обращение к одной из востребованных современной наукой о литературе тем — образу событийного места. Взятый за основу тематический принцип разделил книгу на три раздела, в каждом из которых образ города рассматривается под различными углами зрения. В конце книги имеются краткие содержания каждой главы на русском и английском языках, что, несомненно, придает ей логическую завершенность и делает доступной широкому читателю. Однако монографической целостности изданию в полной мере достичь не удалось в силу чрезвычайной тематической и стилистической разрозненности материала. В отдельных главах описательность превалирует над анализом, а выводы, размещенные в конце каждой главы, никак не выявляют общей направленности исследования.

Ключевые слова: славянские литературы; образ города; европейская сла-
вистика; метафоричность; Холокост; гетеротопия; архитеkst

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-17

Для цитирования: Сорокина В.В. Рецензия на книгу: Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / Отв. ред. Н.Н. Старикова, под общ. ред. И.Е. Адельгейм, А.В. Усачёвой, Е.В. Шатько. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. 550 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 220–226.

**REVIEW OF THE BOOK: THE TOPOS OF THE CITY IN
SYNCHRONY AND DIACHRONY: THE LITERARY
PARADIGM OF CENTRAL AND SOUTH-EASTERN EUROPE.
Collective Monograph / Ed. By N.N. Starikova, under the general
editorship of I.E. Adelheim, A.V. Usacheva, E.V. Shatko. Moscow,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
2023. 550 P. (Series “Literature of the Twentieth Century”)**

Vera Sorokina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; vvsoroko@gmail.com

Abstract: The review regards a collective monography, edited by Modern Central and South-West Literature Department of Russian Academy of Science Slavonic Research Institute, concerning topoi imagery in Slavonic literatures. The main advantage of the book is its appeal to one of the topics in demand in modern literary criticism — the image of an event place. The thematic principle taken as a basis divided the book into three sections, each examining the image of the city from different points of view. Each chapter is furnished with brief summaries both in Russian and English providing its logical completeness and accessibility to the common reader. However, the publication fails to achieve full monographic integrity due to the extreme thematic and stylistic diversity of the material. Some chapters lack analytic approach suffering from the descriptive one. The absence of the closing observations collecting the chapters' conclusions reveals a weakness of the study.

Keywords: Slavonic literatures; topoi imagery; European literary criticism; metaphoricality; Holocaust; heterotopia; archtext

For citation: Sorokina V. (2024). Review of the Book: The Topos of the City in Synchrony and Diachrony: The Literary Paradigm of Central and South-Eastern Europe. Collective Monograph. Ed. by N.N. Starikova, I.E. Adelheim, A.V. Usacheva, E.A. Shatko. Moscow, Institute of Slavic Studies, RAS, 2023. 550 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no 3, pp. 220–226.

Издание книг российскими академическими институтами всегда является значимым событием научной жизни, вызывающим интерес профильных специалистов в первую очередь. Однако если предметом изучения оказывается литература, тем более современная да к тому же европейская, можно предположить, что читательский круг значительно расширится. Коллективная монография, подготовленная в основном специалистами Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, является одним из таких подарков не только литературоведам, но и широкой читательской аудитории.

Авторский коллектив явно рассчитывал на это, подчеркнув в аннотации важность издания для заинтересованного читателя. К тому же, прекрасно понимая возможные трудности при знаком-

стве с малоизвестными широкому российскому читателю произведениями современных славянских литератур, слависты в предисловии подробно описали структуру работы, а практически каждая глава или параграф, посвященные, как правило, произведениям одного автора, сопровождаются биографическими сведениями и небольшим очерком его творчества. В конце книги дано краткое содержание каждой главы на русском и английском языках, что, несомненно, придает изданию логическую завершенность и широкую доступность. Все это свидетельствует о том, что исследователи стремятся не только к научным, но и просветительским целям.

Главным достоинством книги является обращение к одной из востребованных современной наукой о литературе теме — образу событийного места. Знакомство с западноевропейским и российским литературно-критическим материалом определенно позволяет свидетельствовать, что первое двадцатилетие XXI в. отмечено подчеркнутым вниманием к понятийному и предметному миру художественного текста, в котором образ пространства превалирует.

Городское пространство в традиционном литературоведении всегда соотносилось с образами персонажей и было частью образа автора, который выражал свое отношение к нему. Город представлял как условное пространство, противопоставленное деревне (например, у Гоголя в «Мертвых душах»), или как конкретный город, характерные свойства которого были связаны с героями (например, у Достоевского в «Преступлении и наказании»).

Современное состояние науки о литературе все больше стремится не к изучению художественной образности, а к наблюдению за предметным миром. Это неизбежно приводит к снижению уровня литературоведческого анализа, к подмене его описанием частных случаев появления того или иного предмета, пространства вне связи с авторским замыслом и раскрытием характеров персонажей. Эта тенденция стала активно проявляться в европейском литературоведении еще в конце XX в., а к началу XXI в. «заразила» и отечественное. Всё чаще стали издаваться работы, в которых акцент делается на описании различных пространственных и материальных явлений вне связи с анализом авторских намерений. В отечественной русистике отчасти под влиянием книги В.Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» (1995) в последние годы обнаружился целый поток публикаций о «топосе»/«локусе», написанных зачастую псевдонаучным языком и не предлагающих никаких новых научных открытий в этом направлении.

Другая тенденция европейских литературоведческих исследований нового времени связана с изменением акцентов славяноведческих исследований — перенесения приоритетного внимания с литературы

русской на литературы других славянских народов, которые теперь стали включаться в мировой литературный процесс как представляющие собой разнообразие национальных гибридных форм.

Отступление в сторону западноевропейской славистики было сделано исключительно для того, чтобы показать, как монография «Топос города», изданная российскими учеными, вписывается в общеевропейские литературно-критические тенденции. В ней, с одной стороны, славянские литературы исследуются в контексте общеевропейском, а с другой — в ней очевидно увлечение предметностью, частностями, к которым порой сводится материал некоторых глав.

Обращают на себя внимание сложности, возникшие у редколлегии в связи с необходимостью как-то организовать довольно разрозненный (как стилистически, так и тематически) материал, чтобы книга больше походила не на сборник научных статей, а именно на коллективную монографию. Под этим жанровым определением понимается исследование, написанное разными авторами, но на одну тему, и объединенное общей идеей, в данном случае — спецификой создания образа города в литературах славянских стран. В определенной степени это удалось, благодаря пояснениям в предисловии. Взятый за основу тематический принцип разделил книгу на три раздела, в каждом из которых образ города рассматривается под различными углами зрения.

В первом разделе, «Топос города как зона переживания/преодоления травмы», городское пространство наименее предметно. Скорее можно говорить о городе или о месте в городе как о развернутой метафоре. В главе «Топос варшавского Муранова в польской прозе “внуков Холокоста”» описывается образ городского пространства, связанного с трагедией еврейского гетто, на месте которого возведен новый район. В произведениях польских авторов, герои которых живут в Муранове, создается особый мир, где прошлое не преодолевается настоящим и существует параллельно с ним. По сходному принципу построена и глава «Гетеротопии Софии в прозе Деяна Энева», в которой «зоной переживания» становятся места, на первый взгляд, заурядные (Улица, Ярмарка, Библиотека, Больница и др.), но приобретающие метафорическую значимость в контексте творческого замысла писателя.

Глава «Мифологема города в поэзии и прозе Сергея Жадана», наоборот, посвящена не конкретному месту, а условному городу, проходящему лейтмотивом через поэзию и прозу украинского писателя. Здесь рассматривается тема города своего и чужого, потери и обретения идентичности лирическим героем или персонажем.

Раздел II, «Топос города в контексте национального восприятия», объединяет главы, в которых географическое пространство соот-

носится с национальным самосознанием авторов и персонажей, поэтому речь в нем идет о городах, наиболее ярких с точки зрения национальной идентичности: Минске, Братиславе, Праге, Бухаресте и Будапеште.

В главе «Минск в пространстве белорусской истории и литературы» обращается внимание на жанровое разнообразие произведений о городе от романа до документально-художественной прозы, традиции которой в белорусской литературе довольно сильны.

Задачу показать функции образа города в произведениях словацких писателей ставит перед собой глава «Братислава: образ города и его функция в произведениях словацкой прозы XX–XXI вв.». Довольно внушительный литературный материал показывает Братиславу не только постоянно меняющей название, но и динамично развивающейся. Множество реалий и топонимов дают возможность представить город в полном объеме, увидеть его жителей, прочитав их истории. Однако зачем все это создается, объясняется условно: «Реалии Братиславы возникают, выполняя те или иные функции... Однако чаще всего словацкая столица выступает в качестве места действия каких-либо эпизодов сюжета, фона событий» (с. 274).

Образ Праги в следующей главе, «Пространство Праги как архитекст в произведениях Д. Годровой», строится на материале творчества только одного писателя, что должно прежде всего выявлять именно авторское видение, а не персонажа. В творчестве писательницы выделяются тематические круги, связанные с хорошо известными местами города — Ольшанское кладбище, Винограды. Создание образа города связано с категориями «своего/чужого» и, как следствие, с мотивом пути, объединяющим «городские» произведения. Однако понимание смысла написанного из-за увлечения терминологией М. Фуко порой становится затруднительным. Стилистически эта глава, видимо, отражает сложности языка и самих произведений писательницы: «Речь идет о ризоматическом, разрастающемся в разном направлении нарративе, где отсутствует эксплицитно выраженное событие» (с. 295–296).

Главы, собранные в разделе II, объединяет не столько «контекст национального восприятия», сколько трудности выделения национального как типологически законченного признака в произведениях современных славянских литератур, как это становится почти невозможным и в случае с западноевропейскими литературами. Выбор языка не всегда является надежным признаком национального. Подтверждением этого могут служить интенсивно развивающиеся в современном мире иноязычные национальные литературы и литературы «между миров», черты которых также обнаруживают исследователи в данной монографии.

Наибольший интерес с точки зрения литературоведческого анализа представляют главы раздела III, «Топос города в перцепции ‘чужого’». В главе «Топос советской Москвы 1930-х гг. в романе Иржи Вайля “Москва — граница”» персонажам показаны не просто топографические подробности, встречающиеся на их пути в лабиринте города. Здесь очень подробно описываются приемы создания образа города и объясняется его роль в содержательном плане романа. Для этого используются герои-иностранцы, через восприятие которых реализуется принцип художественного «отчуждения», наиболее часто используемый классической литературной традицией для передачи восприятия «чужого» пространства. Москва постигается персонажами через запах, цвет, звук, а не только через предметный мир. Благодаря неоднозначно европейскому менталитету жителей Москвы и тому, что персонажи чужды коллективной идеологии ее жителей, как показано в главе, образ Москвы воспринимается как образ города пограничного, «между европейским и азиатским, между одними ценностями и другими, между добром и злом, настоящим и будущим» (с. 382). Роман И. Вайля убедительно вписывается в ряд книг о Москве русских писателей, но отличается именно выстроенной в нем осью «свой/чужой».

Глава «Американский мегаполис в романе Д. Янчара “Насмешливое вождество”: партитура художественной репрезентации», имеет изысканно музыкальный подзаголовок не случайно: Новый Орлеан входит в жизнь иностранца прежде всего своей джазовой аурой, а Нью-Йорк — «кинематографическим бэкграундом» (с. 424), усиливающими чуждость новообетенного городского пространства. Показано, что специально описанные автором топоры (река, кладбище, бар и др.) и особенно колоритные городские типы являются приемами создания образа центрального персонажа.

Среди других способов создания образа города наиболее выигранным представляется, конечно, «литературный контекст», прежде всего потому, что он довольно редко используется писателями. В главе довольно подробно сопоставляются произведения Д. Янчара и американского драматурга Т. Уильямса, творчество которого неотделимо от Нового Орлеана. Контрастность образов Нового Орлеана и Нью-Йорка — это еще один прием авторского высказывания.

Глава «Топос Парижа в хорватской литературе: к вопросу о предпосылках формирования “парижского текста”» подавляет излишними терминологическими подробностями «концепта свертхтекста», обилием литературного материала, который представлен в основном описательно и носит скорее ознакомительный, чем аналитический характер, что и оговаривается в главе: «Не претендуя <...> на серьез-

ный анализ многочисленных произведений второй половины века, в которых появляется тема Парижа, мы, тем не менее, считаем необходимым обозначить некоторые общие тенденции, характерные для этого периода, изучение которого еще предстоит» (с. 468). С этой задачей заключительная глава монографии вполне справилась.

Для целостного восприятия данной книги не хватает объединяющего весь материал заключения, в котором бы подводился итог исследованиям и предлагалась бы какая-нибудь концепция региональных особенностей создания образа города в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы, если, как заявлено в названии, есть какая-то особенная у них «литературная парадигма».

Поступила в редакцию 09.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 09.02.2024

Accepted 25.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Сорокина Вера Владимировна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; vvsoroko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vera Sorokina — Prof. Dr. of Philology, Senior Researcher, Research Laboratory “Russian Literature in the Modern World”, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; vvsoroko@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МОСКОВСКАЯ БИБЛИЯ И РАЗВИТИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ У СЛАВЯН: ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

М.Л. Ремнёва, Е.А. Кузьминова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; m.l.remneva@mail.ru; elenk2002@mail.ru*

Аннотация: В обзоре подводятся итоги Всероссийской (с международным участием) научной конференции, прошедшей в декабре 2023 года на филологическом факультете, которая была посвящена 360-летию Московской «Первопечатной» Библии — первого в Российском государстве полного печатного свода библейских книг на церковнославянском языке, вышедшего в свет на Московском Печатном дворе в 1663 г. (М.: Печ. двор, 12.XII.1663). В фокусе научного обсуждения были такие темы, как лингвистические и текстологические параметры Московской Библии, ее источники, предыстория и история ее издания. Вторая часть конференции объединила доклады, посвященные лингвотекстологическим и палеографическим проблемам изучения славянских библейских переводов в сравнительно-историческом аспекте.

Ключевые слова: источниковедение; Московская Библия; церковнославянский язык; история славянской библейской традиции

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-18

Для цитирования: Ремнёва М.Л., Кузьминова Е.А. Московская Библия и развитие библейской традиции у славян: итоги Всероссийской (с международным участием) научной конференции // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 227–232.

THE MOSCOW BIBLE AND DEVELOPMENT OF THE BIBLICAL TRADITION AMONG THE SLAVS: RESULTS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

Marina Remneva, Elena Kuzminova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.l.remneva@mail.ru;
elenk2002@mail.ru*

Abstract: The review accumulates the results of the conference that took place in December 2023 at the Faculty of Philology and marked the 360th anniversary of the Moscow Bible of 1663, the first complete printed Bible code in the Russian state. The scientific discussion is focused on such topics as the sources of the Moscow Bible, the prehistory and history of its publication, its textual and linguistic features. The second part of the conference brings together reports on linguotextological and paleographic problems of studying Slavic Bible translations in a comparative-historical aspect.

Keywords: source study; Moscow Bible; Church Slavonic; history of the Slavic biblical tradition

For citation: Remneva M.L., Kuzminova E.A. (2024) The Moscow Bible and Development of the Biblical Tradition among the Slavs: Results of the International Scientific Conference. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 227–232.

В 2023 году исполнилось 360 лет Московской «Первопечатной» Библии (далее МБ) — первого в Российском государстве полного печатного свода библейских книг на церковнославянском языке, вышедшего в свет на Московском Печатном дворе в 1663 г. (М.: Печ. двор, 12.XII.1663). Издание полной славянской Библии, «первейшего источника всего богословия», было подготовлено группой справщиков Печатного двора (Арсением Сухановым, Арсением Греком, Захарием Афанасьевым, Иосифом Белым, Александром Печерским), общее руководство которыми осуществлял Епифаний Славинецкий, крупный богослов, филолог, переводчик, прибывший в 1649 г. в Москву по приглашению царя Алексея Михайловича специально «для справки Библии».

В честь этой памятной даты 20–21 декабря 2023 года на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Московская Библия и развитие библейской традиции у славян», в которой приняли участие исследователи из России, Австрии, Болгарии, Германии, Италии, Китая, Польши. Прозвучали доклады, посвященные различным аспектам изучения как Московского свода, так и славянской библейской традиции в целом.

Формирование лингвистических принципов справщиков Московского Печатного двора, которыми они руководствовались при подготовке к изданию МБ на основе Острожской Библии 1581 г., проследила Е.А. Кузьмина (Москва, Россия), доказавшая, что справа проходила в несколько этапов, а ее критерии вырабатывались и утверждались непосредственно в ходе работы. Об этом свидетельствует факультативность исправлений в Книге Бытия, с которой могла быть начата подготовка издания, при их строгой императивности в Псалтыри и Четвероевангелии.

Параметры справки в предисловиях к посланиям ап. Павла в МБ были рассмотрены М.О. Новак (Москва, Россия). Анализ орфографических и грамматических исправлений позволил прийти к заключению о совпадении направлений правки в паратекстах и основном тексте. Вместе с тем автором доклада были обнаружены и проинтерпретированы единичные примеры отступлений от реализации принципа антистиха и гиперкорректных замен.

К проблеме справки диакритики в МБ было обращено выступление Чан Юйкай (Пекин, Китай). Исследователь выявил набор императивных исправлений, затрагивающих функционирование знаков камора, придыхания, «двоточия» над ижицей, титла и др., и продемонстрировал приверженность справщиков системе надстрочных знаков и правилам их постановки в московском издании грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г.

Особенности лексического состава Соборных посланий апостола Иоанна Богослова в МБ в сопоставлении с Острожской Библией 1581 г. и Елизаветинской Библией 1753 г. были освещены А.А. Изотовым (Москва, Россия).

Е. Остапчук (Варшава, Польша) дал текстологическую характеристику месяцеслова МБ, рассмотрев представленные в нем сентябрьские праздники и дни памяти святых на сопоставительном фоне месяцесловов других старопечатных кириллических изданий с евангельским текстом.

Предваряющему Псалтырь в МБ «Посланию к Маркеллину о толковании псалмов» был посвящен доклад И.В. Вернер (Москва, Россия), установившей, что этот паратекст является переводом Епифания Славинецкого, созданным без опоры на южнославянский перевод. Это доказывают как лингвистические маркеры идиолекта Епифания, так и перевод псалтырных цитат, отличающийся от ранних редакций Псалтыри.

На подходах Епифания Славинецкого к работе над текстом заострила внимание Н.В. Николенкова (Москва, Россия). Одним из основных приемов лексической редактур книжной школы Епифания Славинецкого является глоссирование, с помощью которого в МБ осуществляется критика текста. Однако при переводе Атласа Блау Епифаний и его помощники были вынуждены отказаться от маргинальных глосс, чтобы сохранить навигацию в виде разметки на полях и обеспечить сходство с латинским оригиналом. Все лексические варианты помещаются ими в основной корпус текста как уточнения либо как альтернативный перевод той же латинской лексемы в другой главе.

Языковые особенности выполненного Епифанием Славинецким перевода «Епитомий» Константина Арменопула были проанализи-

рованы в контексте книжной sprawy XVII в. *Е.В. Ивановой* (Москва, Россия). Материал переписанного Евфимием Чудовским чистовика и черновиков переводчика и редактора позволил реконструировать ход первичной работы над переводом, выявить направления его дальнейшей редакции и установить его связи с библейскими переводами книжного круга Епифания Славинецкого.

Центральной темой доклада *Т.В. Пентковской* и *К.А. Коровиной* (Москва, Россия) были библейские цитаты в церковнославянском переводе «Дисидерия», выполненном Феофаном Чудовским в 1688 г. с польского перевода 1625 г. Цитаты рассматривались в сопоставлении с польским оригиналом «Десидерия», польскими Библиями и церковнославянским переводом Нового Завета, подготовленным кругом книжников во главе с Епифанием Славинецким и Евфимием Чудовским.

К феномену вариативности при переводе библейских цитат в текстах Курбского обратился *Э.М. Бунатиру* (Вена, Австрия). Одна и та же библейская цитата может переводиться Курбским по-разному, при этом варианты могут встречаться как в основном тексте, так и в глоссах. Механизмы порождения вариативности были проанализированы на фоне других церковнославянских переводов (Иоанна, экзарха Болгарского, Франциска Скорины и др.).

А.В. Сизиков (Санкт-Петербург, Россия) продемонстрировал отличительные черты восточнославянской редакции перевода Премудрости Иисуса сына Сирахова и этапы ее изменения. Древнейшим свидетельством славянского перевода этой книги является Изборник 1076 г., в котором содержится треть от всего объема произведения. Древнейший полный список перевода отражен в южнославянской Тырновской Библии XIV в., этот же перевод представлен и в восточнославянских рукописях XV–XVII вв., однако с существенными отличиями, которые могут быть объяснены только обращением к греческому оригиналу. С исправлениями перевод книги Сираха в восточнославянской редакции вошел в Геннадиевскую, а затем в Острожскую Библию.

В фокусе доклада *Е.В. Беляковой* (Москва, Россия) была история славянского перевода «Избрания от Закона Моисеева» — выборки из ветхозаветных книг, сделанной в Византии в IX в. Впервые «Избрание...» было переведено на славянский язык в составе Законоправила св. Саввы. При создании Кормчей русской редакции в XIII в. этот перевод подвергся сокращению и редактированию. Впоследствии «Избрание...» было включено в Мерило Праведное и в новые редакции Кормчих, в том числе с очередными исправлениями в Печатную Кормчую 1653 г. *Е.В. Белякова* сопоставила текст соответствующей главы Печатной Кормчей с ветхозаветными книгами в МБ.

Сунь Бо (Пекин, Китай) рассмотрела редакцию евангельского текста, использованную в «Беседах Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея», изданных Московским Печатным двором в 1664 г., и определила ее отношение к евангельскому тексту в составе рукописной традиции перевода «Бесед», выполненного Максимом Греком и старцем Силуаном.

Л.И. Шутова (Москва, Россия) выявила направления редактуры при подготовке московского издания толкового Апокалипсиса 1712 г. на основе киевского Апокалипсиса 1625 г. Переводческие установки московских справщиков были реализованы в грамматическом выравнивании в соответствии с нормой московского извода церковнославянского языка; в спорадическом дополнении перевода вариантными маргинальными чтениями, восходящими к иной греческой редакции; в сохранении отдельных югозападнорусских лексических единиц.

К Виленскому своду (около 1517–1530-х гг.), включающему в себя ветхозаветные книги, восемь из которых переведены на рутенский язык, обратились в своих выступлениях А.Е. Соболева (Москва, Россия) и К.Д. Приходько (Москва, Россия). А.Е. Соболева рассмотрела соотношение рутенского и церковнославянского языков в Псалтыри. К.Д. Приходько проанализировал маргинальные глоссы в Книге Притчей Соломоновых, где с их помощью осуществлялись замены рутенизмов и дополнялся основной текст.

В.С. Томеллери (Турин, Италия) проследил историю переводов гимна *TeDeum* в восточнославянской традиции. Были представлены результаты сравнительно-типологического и лингвистического исследования не связанных между собой переводов, выполненных в разное время и в разных местах восточнославянского ареала, и продемонстрированы трудности, с которыми сталкивались славянские книжники при передаче ряда конструкций латинского оригинала.

Свидетельством грамматического регулирования переводческой и справщицкой деятельности и внедрения грамматической образованности служит рассмотренный в докладе Инь Сюй (Пекин, Китай) раздел «Испытаніе этимологiи или художествословiе» в «Алфавитаре ради учения малых детей», атрибутируемом Евфимию Чудовскому. Инь Сюй доказал, что «Испытаніе этимологiи...», содержащее разбор текста славянского перевода басни Эзопа «Сѡ снѣ и мѣри», построено по модели разбора молитв во втором и третьем московских изданиях грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. и 1721 г., и определил направления переосмысления заданной модели.

О.С. Сапожникова (Санкт-Петербург, Россия) охарактеризовала особенности оформления инициалов в рукописных Евангелиях конца XV — начала XVI вв. каллиграфа Закхей. В инициалах он ис-

пользовал зооморфные элементы, которые были его изобретением: личины в виде кошачьих морд, уши-антенны, хвосты, полосы по типу окраса животных. Указанные палеографические параметры, по мысли автора доклада, позволят увереннее атрибутировать фрагменты пергаменного Евангелия конца XV в. из собрания Финляндских отрывков БАН.

Л. Тасева (София, Болгария) представила проект «Словарное богатство Учительного Евангелия Константина Преславского: древнеболгарско-греческий и греческо-древнеболгарский словоуказатели», финансируемый болгарским Фондом научных исследований, уделив внимание возникшим лексикографическим проблемам и путям их решения, предложенным научным коллективом.

Доклад *И.А. Подтергеры* и *У.Р. Томпсона* (Гейдельберг, Германия) был посвящен процессу обучения моделей распознавания текста (НТЯ), способных создавать автоматические транскрипции старопечатных кириллических изданий. Авторы предложили сравнительный обзор возможностей и функций различных программ НТЯ и проиллюстрировали их работу на примере автоматических транскрипций МБ, подчеркнув необходимость сочетания новых технологий с традиционным филологическим анализом.

Конференция внесла весомый вклад в изучение Московской «Первопечатной» Библии и наметила пути дальнейших исследований проблем славянской библейской традиции.

Поступила в редакцию 17.01.2024

Принята к публикации 12.03.2024

Отредактирована 16.04.2024

Received 17.01.2024

Accepted 12.03.2024

Revised 16.04.2024

ОБ АВТОРАХ

Ремнёва Марина Леонтьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; m.l.remneva@mail.ru

Кузьминова Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; elenk2002@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina Remneva — Prof. Dr., Head of the Russian Department, President of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.l.remneva@mail.ru

Elena Kuzminova — Prof. Dr., Department of Russian Language for Foreign Students of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; elenk2002@mail.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2024. № 3. 1–232.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.